

ДАРИСА
ПЕТРОВИЧЕВА

ВОЛШЕБНИЦА
НА ГРАНИ

Annotation

Попасть в другой мир прямо с работы и угодить в руки таинственного незнакомца? Я думала, такое бывает только в романах. Освободить из заточения настоящего принца и спасти его от наемных убийц? Я думала, такое бывает только в кино. Что остается: вернуть принцу корону, найти военного преступника, постараться не разбить свое сердце в очередной раз и вернуться домой. Но у судьбы как всегда другие планы

- [Петровичева Лариса. Волшебница на грани](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
-

Петровичева Лариса. Волшебница на грани

Попасть в другой мир прямо с работы и угодить в руки таинственного незнакомца? Я думала, такое бывает только в романах. Освободить из заточения настоящего принца и спасти его от наемных убийц? Я думала, такое бывает только в кино. Что остается: вернуть принцу корону, найти военного преступника, постараться не разбить свое сердце в очередной раз и вернуться домой. Но у судьбы как всегда другие планы.

Глава 1

— Вижу! Да, вижу. На вас определенно лежит венец безбрачия!

Теперь — бросить острый взгляд исподлобья. Нахмуриться. Пощелкать пальцами в воздухе с загадочным видом. Как правило, это производит впечатление, особенно если в голове не больше двух извилин.

Умные в мой офис не приходят.

Дамочка заерзала на стуле. Пальцы снова принялись крутить ручку сумочки. Некрасивые такие пальцы, толстые, с облупившимся лаком на коротко стриженных ногтях. Да и сама дамочка была той еще красавицей.

Сальные волосы.

Россыпь прыщей.

Да и пахло от нее не только проблемами, но и баней только раз в неделю.

Самое время идти к ведьме и задавать вопросы, почему у нее до сих пор нет ни мужа, ни любовника.

— А... — она захлопала глазами. — А снять его можно?

Я выдернула из колоды несколько карт, небрежно бросила перед ней. Главное — не убирать загадочный вид. Я же не какой-нибудь психолух. Я ведьма.

А это вам не шутейка-самосмейка. Это очень важное и денежное дело.

— Карты ясно говорят: впереди вас ждет любовь. Но через препятствия, — сказала я. — Вижу, у вас есть подруга, блондинка.

Дамочка закивала. А у кого из нас нет таких подруг? Но весь антураж моей гадательной кельи наводит на таинственный лад. Думать тут не надо. Надо меня слушать.

Нет ума — займи на время. Так говорила наша преподавательница по культурологии, раздавая список книг. Я с ней полностью согласна.

— В гости друг к другу ходите, винишко пьете, — я многозначительно свела брови. — А ведь это она вам перебивает дорогу к любви!

Дамочка даже рот приоткрыла.

— О чем вы разговариваете? — продолжала я. — Что все мужики козлы, а часики тикают, и поезд вот-вот уйдет. А сорок кошек уже на подходе! Ну ладно, пока не сорок, всего две...

— И это видите! — восторженно прошептала клиентка. А что тут не видеть? На свитере кошачья шерсть. Разных цветов.

Я предпочитаю смотреть на клиентов с открытыми глазами. Можно заметить много интересного.

— Я дам вам шнурок, — я сунулась в ящик стола, вынула красный шнурок с узелками и протянула дамочке. — Носить на правой руке. Каждый день принимайте ванну и стирайте одежду. Это смоеет с вас негативное влияние и ослабит венки безбрачия.

Я читала об этом у какой-то блогерши. Ее подход к обрядовой магии мне понравился.

— А еще вам нужно развивать интеллект, — продолжала я. — Чем он выше, тем слабее наведенная магия безбрачия. Сегодня в молодежном центре очередное заседание «Своей игры», идите туда. Но сначала — смыть негатив!

Я видела, кто играет в «Свою игру» в нашем медвежьем углу. Этим диванным заседателям любая девушка покажется красавицей. Мне, конечно, не нравились их растянутые свитера, но так и не я искала себе мужа.

После того, как у меня случился выкидыш, Игорь ушел. Ему нужна была здоровая жена и здоровое потомство — так заявила его маменька, когда снизошла до звонка невестке. И этого-то сам не стал делать, спрятался за юбку. С тех пор во мне словно все застыло. Зачем кого-то искать, когда все люди набиты одной и той же ватой, все одинаковы и незачем надеяться, что вот именно мне внезапно повезет найти прекрасного принца в грудке мусора...

Еще одна карта из колоды. «Любовники». Я всегда знаю, что надо вытянуть.

— Вижу, что уже сегодня начнутся перемены к лучшему! — заявила я.

Дамочка пылко выразила мне благодарность и закрепила ее несколькими крупными купюрами. Когда она ушла, я открыла окно и включила кофе-машину.

Что делать после того, как окончишь институт с красным дипломом, а работы по специальности нет?

Можно открыть частную практику, но у нас в городе уже были психологи, которые одинаково успешно лечили депрессии, порчу и алкоголизм и ненавидели конкурентов. Причем ненавидели не только на словах, но и выражали свою ненависть делом.

Можно пойти работать в школу. Но этот поворот меня привлекал меньше всего.

И можно стать ведьмой, гадательницей на картах, приворачивательницей приворотов и снимательницей сглаза. Этот путь показался мне самым интересным.

И, как показала жизнь, он был самым выгодным.

Я не аферистка. Люди приходят ко мне за надеждой и чудом. И я им это даю полными ложками.

Зазвонил телефон. О, Таня! Она работала в бухгалтерии большого колл-центра, и от нее всегда шло много заказчиц.

— Привет, Людочка! — воскликнула она, как только я провела пальцем по зеленой трубке. — Ой, слушай, тут такое дело! ТамарПалну помнишь? Ну которой ты посоветовала чеснок не есть? Вот, она замуж вышла за завхоза, как ты тогда и сказала!

— Отлично, — ответила я, отпивая кофе. — Счастья молодым! Так что за дело?

— У завхоза дочка от первого брака хочет замуж за нашего начальника отдела продаж. Собралась с тобой посоветоваться, как это дело обстряпать. Ты сможешь к ней приехать?

Я усмехнулась.

— Тань, знаешь, как моя бабушка говорила? Хлеб за брюхом не гоняется. Прием от тысячи рублей, у меня в офисе.

Таня заметно поскучилась. У многих есть сложившееся впечатление о работе волшебника, и они уверены, что такие, как я, должны работать за «кто сколько захочет, тот столько и даст, возможно, что и нисколько, потому что у меня призвание».

Но я предпочитала четкую таксу.

Ипотека сама себя не выплатит. И в магазине еду дают не за «спасибо».

— Ладно, — вздохнула Таня. — Я ей передам.

Отложив смартфон, я сделала еще один глоток из чашки. До следующей клиентки было полчаса. А это время надо было употребить с пользой.

На первом этаже торгового центра была пекарня с лучшей в городе шаурмой. Туда-то я и отправилась.

Вернее...

Я до сих пор не понимаю, что случилось потом. Вроде бы я вышла в коридор, закрыла дверь и повернула ключ. Вроде бы лампа прямо над моей головой замигала каким-то холодным голубоватым светом. Вроде бы...

Что-то ударило меня в затылок, и я рухнула во тьму.

Сознание возвращалось постепенно. Сперва во мраке появился запах каких-то пряностей. Потом пробился тонкий звук флейты. Потом меня подхватили чьи-то руки и осторожно положили на что-то мягкое.

Что со мной?

Господи, а если это insult? Если я упала в коридоре, и меня привезли в больницу?

Что теперь будет?

— Это она? — в приятном мужском голосе, зазвучавшим надо мной, отчетливо звенело сомнение.

На каком языке он говорит? Это не русский!

Мне стало так страшно, что сердце пропустило удар.

— Да, ваше высочество! — отрапортовал другой голос с лихими и придурковатыми оттенками. — Та самая ведьма, которую вы заказывали!

Зрение прояснилось. Первым, что я увидела, был молодой мужчина: светлые волосы, аккуратная бородка, интеллигентное лицо, на которое приятно смотреть. Его действительно можно было назвать принцем.

— Ваше высочество? — проморгавшись, прошептала я. Да что же это? Я говорю не по-русски, а на совсем чужом языке, свистящем и шипящем! Мужчина с бородкой удивленно поднял левую бровь. Кивнул.

— В самом деле, ведьма, — произнес он. — Впервые меня видит, а уже знает, кто я.

Кажется, я сошла с ума. Или сплю и вижу сон. Потому что хоть убей, я не могла подобрать разумное объяснение.

— Где я? — спросила я. Меня тотчас же подхватили и усадили поудобнее. Я увидела, что лежу на широком диване, обитом пестрым шелком. Обстановка огромной комнаты не уступала музейной.

Зеркала, пушистые ковры, мебель, при одном взгляде на которую становится ясно, что в магазине такой не купить — комната действительно была подходящей для принца.

Принц. И королевский дворец, в который я непонятно как угодила. Нет, я точно сошла с ума.

— Вы в Аланберге, — с улыбкой ответил принц. Я снова подумала, что он хорош собой. Обаятельный, влекущий. Интересный. — Меня зовут Генрих, я принц этого несчастного королевства. А вы ведьма.

Так. Я никогда не была отличницей в географии, но на планете Земля не было никакого Аланберга. Это я знала точно.

Все-таки бред. Я сошла с ума, какая досада. Сейчас приедут санитары, сделают мне укол, и этот светловолосый красавец с пронизывающим до глубины души взглядом исчезнет.

— Да, — кивнула я. Если это не бред, а похищение, то с похитителями лучше не спорить. — Да, я ведьма. Меня зовут Людмила.

— Отлично! — довольно воскликнул принц. — Именно ведьма мне и нужна!

Он махнул рукой кому-то за моей спиной. Мимо дивана, не переставая кивать и кланяться, прошел человек в длинной черной мантии. Выскользнул за двери.

— А зачем вам ведьма, ваше высочество? — спросила я. — И как я попала в ваш Аланберг?

Генрих вздохнул. Мягко сжал мою руку.

— Я понимаю ваши чувства, — сказал он. — И обещаю, что все ваши неудобства будут компенсированы самым достойным образом. Я был вынужден забрать вас из вашего мира, но вы вернетесь сразу же, как только выполните мой заказ.

Забрать меня из мира? Я о таком читала в фэнтезийных романах, где героиня шла по улице, падала в открытый люк и выныривала в другом мире. И сразу же начинала там хамить королям, а они ходили перед ней на цыпочках.

Я попаданка?

Да ладно вам!

Впрочем...

Жизнь приучила меня не сопротивляться. Если что-то происходит, не надо его переламывать. Просто попробуй плыть по течению и сообрази, какую выгоду можно из этого извлечь.

Он говорит, что я вернусь домой? Вот и замечательно!

— То есть, вы меня похитили? — уточнила я. — И забрали из моего мира в ваш?

Генрих кивнул.

— Да. Мне нужна помощь ведьмы.

Так. Я попала в другой мир и буду в нем работать.

Неясно было, радоваться этому или горевать по такому случаю.

— Что же случилось? — спросила я. Надо было выглядеть спокойной, серьезной и уверенной в своих силах. Принц это не дамочки с венцом безбрачия. С него станется отправить меня на плаху, если я скажу или сделаю что-то не так.

— Вы должны будете убить моего отца. Короля Виттана.

Вот, значит, как. Мои клиентки приходили ко мне, чтобы снять венец безбрачия, приворожить нужного мужчину и отворожить ненужного, но вот за убийством отцов ко мне еще не обращались.

Я решила сохранять как можно более равнодушный вид. Примерно такой же, как у принца, который ведет речь об убийстве родителя.

— Как же именно я должна это сделать? — поинтересовалась я. Было ясно, что работа предстоит сложная: пока я решила делать вид, что думаю о предложении принца как именно о работе.

Наглость у меня была.

Знание психологии тоже.

А вот магии Боженька не отсыпал. Не довелось.

Генрих прикрыл глаза.

— Его величество Виттан окружен защитной магией. Ни пуля, ни яд его не берут. Наше волшебство тоже. Мой приближенный маг считает, что преодолеть защиту короля способна только иномирная волшебница.

Понятно. Апоплексический удар табакеркой в висок тут не работает. Я понимала, что сейчас не стоит упираться и рассказывать о том, что я не занимаюсь наемными убийствами. Принц в таком случае не отправит меня обратно.

Меня сразу же убьют. И прикопают где-нибудь по-тихому. Хоть и в этом саду, который так дивно шумит за высокими окнами.

Значит, надо потянуть время. И попробовать найти способ выйти на связь с королем. Рассказать ему о замыслах драгоценного потомка.

— Что ж... — промолвила я. — У меня нет опыта в боевой магии, скажу честно. Но я не отказываюсь от работы, ваше высочество. Мне просто понадобится чуть больше времени на подготовку.

— Все, что угодно! — доброжелательно произнес принц. Ему понравилось мое согласие. Возможно, он ожидал, что я буду возмущаться и сопротивляться.

Я устроилась на диване поудобнее и сказала:

— Всегда задаю этот вопрос своим клиентам: почему вы хотите убить его?

В моем рабочем случае это, как правило, звучало так: «Зачем вам нужен именно этот мужчина?» И дамочки начинали разливаться такими соловьями, что мне оставалось только внимательно слушать и делать выводы.

— Мой отец считает необходимым заключить династический брак с Левенийским королевским домом, — спокойно ответил принц. Видимо, ему не впервой было обсуждать щекотливые темы. — Я и дочь его величества Мартина. Этот союз принесет моему отцу цепь островов в Среднеземельном море в качестве приданого за принцессой Элизой. А острова — это пряности и в будущем несколько отличных морских баз для войны с Хелевинской империей. Отец считает, что пора отвоевать те земли, которые много веков назад принадлежали Аланбергу.

Я понимающе кивнула. По крайней мере, сейчас принц был со мной полностью откровенен. И эта откровенность пугала меня чуть ли не до колик.

Человек, который настолько спокойно обсуждает убийство родного отца, и со мной не будет церемониться. Меня прикопают в любом случае.

— А вы не хотите воевать. Вам нужен мир, а не гибель вашего народа за океаном, — сказала я. Принц кивнул.

— Вы действительно хорошая ведьма, Людмила. Вы все прекрасно понимаете.

«Все дело в том, что я просто хочу жить», — подумала я.

Но, конечно же, не сказала об этом вслух.

Итак, за несколько минут я оказалась в другом мире. Это само по себе выбивало почву из-под ног. Я решила, что должна освоиться здесь как можно скорее и найти способ вернуться обратно.

Книжные попаданки думали только об отношениях и любви. По опыту своей работы ведьмой я знала об этих отношениях слишком много, чтобы искать их еще и в другом мире.

Ну их. Я домой хочу. Желательно, живой и здоровой.

После разговора с принцем меня отвели в такую же пышно обставленную комнату — здесь мне предстояло жить и работать. Когда слуги вышли, я высунулась в окно и увидела огромный сад с фигурно подстриженными липами, статуи на подъездной дорожке и часть дворца. Сбежать не получится. Слишком много крепких мужчин в темно-синей форме было в саду, и я понимала, что они пустят свои ружья в ход.

Да, в вопросах безопасности его высочество не полагался на авось.

Ну хорошо, свободы у меня нет. А что же все-таки есть?

Есть принц, которому не хочется заграничных походов и завоеваний. Причем настолько, что он готов убить собственного отца. Не переубедить, не уговорить — именно убить. А это могло значить, что его высочество не такой пацифист, каким хочет казаться. И он не рассказал мне даже малую часть правды.

Есть еще и король. Который знает, что не пользуется любовью и уважением — иначе зачем вообще устраивать для себя магическую защиту. Только если ты понимаешь, что на тебя будут покушаться. Возможно, такие покушения уже были. Интересно, есть ли такая же защита у самого Генриха?

И вот что с этим делать?

Вздыхнув, я отошла от окна и, сев на краешек кровати, подумала, что эту комнату обставляли для женщины. Бело-розовый пушистый ковер на полу, белоснежный шкаф в углу, кресла, обитые цветастым нежным шелком — все говорило о том, что тут должна жить принцесса, а не Людмила Захарова, психолог по образованию и ведьма по призванию.

Как они вообще поняли, что я ведьма? Прочитали табличку на двери моего офиса, впечатлились колодами карт, хрустальными

шарами и связками сушеных трав и цветов?

А если потребуют, чтобы я доказала свое могущество? Вдруг скажут: а ну-ка, наколдуй прыщи или там расстройство желудка? И тут же палач рядом, топориком этак небрежно помахивает, готовится пустить его в ход. Ну ладно, расстройство я в таком случае изображу в лучшем виде...

Мне захотелось расплакаться. Лучше бы я пошла воспитательницей в детский сад! Вряд ли кому-то из другого мира понадобилась бы женщина, способная читать «Колобка» и лепить осенние поделки. Меня бы точно никто не похитил.

Ладно. Надо поискать способ связаться с королем и рассказать ему о планах сына. Конечно, его величество мне не поверит. А мне нечем будет подтвердить ни свою магию, ни свои слова.

Принц придаст лицу невинный вид и скажет, что сумасшедшая пытается его оклеветать. С учетом того, что я ничего не знаю об этом мире, сумасшедшая из меня выйдет — просто загляденье. Король лишь махнет рукой, а меня... правильно. Прикопают в саду.

Кажется, этот финал подждал меня везде, куда ни ткни.

Я вздохнула, подошла к зеркалу. Да, выгляжу неважно. Растрепанная, усталая, с синяками под глазами. И расчески нет, чтобы привести себя в порядок хоть чуть-чуть. Впрочем, открыв один из ящичков туалетного столика, я обнаружила и расческу, и множество баночек и кисточек с местной косметикой, и настроение потихоньку стало улучшаться.

В причесанной голове и мысли аккуратнее, что ли...

Я не сразу поняла, что случилось с зеркалом. Вроде бы только что в нем было мое лицо: кареглазое, улыбчивое, с привычным загадочным выражением. Маска, которую я привыкла носить.

И вдруг его не стало. Отражение изменилось, и я увидела ту комнату, в которой мог бы страдать какой-нибудь очередной узник замка Иф. Темные стены, заросшие грязью и паутиной, топчан, застеленный потертым и заплатанным одеялом, крошечное окошко у самого потолка, от которого не свет, а только издевательство. В тот же миг прямо передо мной возник...

— Генрих? — оторопело спросила я. Человек, который с испуганной надеждой смотрел на меня, был копией того принца, который приволок меня в этот мир. Но откуда у него клочковатая

борода, растрепанные отросшие волосы и совершенно убогое тряпье вместо одежды.

— Вы меня узнали? — ахнул человек. — Слава всем святым! — он прижал ладони к зеркалу и взмолился: — Спасите меня!

— Генрих... вы что там делаете? — удивилась я. — Что с вами?

— Спасите меня! — повторил принц. — Вы... вы можете! Вы великая волшебница, если зеркало оживо рядом с вами!

— Подождите! — я вскинула руку. — Что вы там делаете? Как вы туда попали?

— Не верьте моему двойнику, — прошептал Генрих. — Он занял мое место... он заточил меня в зеркале своей магией. Не верьте ни единому его слову!

Ничего ж себе... Я машинально провела расческой по волосам. То есть, настоящий принц Генрих томится в заточении, а его двойник неплохо устроился во дворце. И лже-Генрих, к тому же, умеет колдовать.

Это было плохо. Очень плохо.

— Но чего он хочет? — спросила я. Во взгляде принца засветился настоящий ужас.

— Убить моего отца, — ответил он. — И начать войну.

Спустя несколько мгновений зеркало погасло. Только тогда я окончательно осознала то, о чем говорил настоящий Генрих.

Я волшебница? Настоящая волшебница, если зеркало оживо рядом со мной?

Я нервно запустила пальцы в волосы. Голова, кажется, готовилась треснуть. Какой-то час назад я была в своем офисе и собиралась пойти перекусить. И вот я в другом мире, где существует магия, и в зеркалах заточены прекрасные принцы.

Невозможно. Невероятно.

Если Андерс сумел вытащить меня из моего мира, то и своего отца он вполне способен отправить на тот свет без моего участия. С таким-то могуществом!

Значит, зачем я ему нужна?

Чтобы свалить на меня убийство его величества, а самому остаться чистенькими. Я представила скорбящего принца, который убивается над гробом родителя. И подписывает указ о казни проклятой ведьмы, которая загубила короля.

Со мной-то уж точно никто не будет церемониться.

Я едва не расплакалась. Вот уж попала, так попала! Во всех смыслах!

Несколько минут я ходила туда-сюда по комнате, а потом поняла, что надо поужинать. Невозможно одновременно есть и волноваться, а с едой ко мне придет и решение.

Хоть какое-то, но придет.

Открыв дверь, я вышла в коридор и увидела молодого мужчину в темно-синей форме, который стоял прямо напротив двери. Заметив меня, он тотчас же подхватил ружье, направил на меня и звонко воскликнул:

— Миледи, немедленно вернитесь!

Я ошарашенно отступила назад. Получается, я не гостья, а пленница?

— Хорошо, хорошо, — миролюбиво сказала я. Меньше всего мне хотелось, чтобы охранник нажал на курок. Лишние дыры в организме до добра не доведут. — Скажите, пожалуйста, а почему мне нельзя выходить?

— Его высочество Генрих велел вам оставаться в ваших покоях, — нервно отрапортовал охранник. Похоже, он боялся меня не на шутку.

— Хорошо! — кивнула я и улыбнулась как можно ласковее. — А можно мне поужинать?

В потемневших глазах охранника появилось облегчение. Похоже, этот парень думал, что я способна испепелить его или превратить в лягушку. А тут всего лишь поужинать...

— Можно, — коротко ответил он. — Сейчас.

Ну вот и прекрасно. Хотя бы поесть дают. Не прост этот Андерс, ой непрост. Хотя я бы тоже спрятала такого гостя, которого вытянула из другого мира, чтобы он убил моего отца.

В общем, надо сидеть тихо. И думать о том, как выбраться отсюда.

Спустя четверть часа в комнату постучали. Служанка принесла поднос, заставленный едой так, словно надо было накормить полк солдат. В большой фарфоровой тарелке дымилась картошка с тонкими полосками мяса, рядом теснились мисочки с соленьями и соусами, а на деревянных шпажках красовались какие-то золотисто-розовые щупальца в компании луковых колец.

Я довольно потеряла руки. Голодать не придется. Хоть что-то хорошее было в этом мире. Кстати, надо узнать о нем как можно больше, и поскорее.

Но пообедать я не успела. Когда за служанкой закрылась дверь — в коридоре тотчас же послышались испуганные голоса — зеркало снова засветилось. Я увидела изможденного принца, и мне стало стыдно за свою еду.

— Это правда! — с искренней радостью воскликнул Генрих, сцепив руки в замок перед собой. Тонкие пальцы побелели. — Я боялся, что мне все померещилось! Но вот... — он дотронулся до зеркала, и вокруг его руки разлилось свечение.

— Да я вот тоже думала, что померещилось, — призналась я. — Как вы себя чувствуете?

Генрих увидел поднос с едой и устало прикрыл глаза. Было ясно, что его так сытно не кормят.

— Теперь у меня есть надежда, — сказал он. — А значит, все хорошо.

— Вы давно там? — спросила я. Генрих вздохнул.

— Четыре года. Поехал на осеннюю охоту, и Андерс заменил меня собой, — он тоскливо усмехнулся. — Представляете мой ужас, когда я увидел перед своим конем самого себя! А потом я почувствовал, что падаю, и очнулся уже в этой келье.

Я увидела засечки на стене: Генрих отмечал дни в заточении. Количество впечатляло. О чем он думал, сидя в этой камерке, на что надеялся?

Мне стало жаль его чуть ли не до слез. И за этой жалостью вдруг проступила решимость.

Я не поняла, как все получилось. Просто подхватила с подноса шпажки с щупальцами и протянула Генриху. Шпажки погрузились в зеркальную гладь, по комнате прошел ледяной ветер, и Генрих схватил их с другой стороны зеркала.

— Невероятно! — воскликнул он. — Великая волшебница! Великая!

От удивления и страха меня стало знобить. Генрих за несколько мгновений расправился с едой и мечтательно проговорил:

— Да, узнаю королевскую кухню. Уму непостижимо! Уже и не надеялся попробовать!

— Вы ешьте, ешьте, — сказала я, протягивая ему тарелку с картошкой и мясом. Что ж, я великая волшебница, которая кормит пленников в зеркалах. Надо будет попробовать одно из заклинаний в той книге, которую я купила в букинистическом для антуража. Заклинания тоже выучила — надо же производить впечатление на клиентов.

Может, какое-нибудь из них сработает на здешней почве.

Генрих опустошил тарелку за считанные минуты, протянул ее мне, и рука принца выскользнула из зеркала, окутанная бледно-розовым туманом. Я взяла тарелку и дотронулась до дрожащих пальцев.

— Я могу вас вытащить? — спросила я. Генрих вздохнул и с искренним сожалением убрал руку. На моей ладони остался горячий отпечаток чужого прикосновения.

Мне сделалось грустно.

— Пока лучше не стоит, — ответил Генрих. — Куда я пойду в таком виде из вашей комнаты? Да и всех планов Андерса мы не знаем.

Я невольно отметила это «мы».

— Вы там совсем один? — спросила я. — Или вас кто-то навещает?

— У меня здесь оригинальные тюремщики, — сообщил Генрих. Сытный обед придал его глазам теплый блеск и плеснул румянцем на лицо. — Драгусы, наши полумразумные драконы. Они выполняют приказы моего двойника, приносят мне скудное хлебово, но вот поговорить с ними не получается. У них вырезаны языки. Иногда приходят их командиры, но они почти не знают аланбергского.

Я понимающе кивнула и вдруг призналась:

— Я не волшебница. Я психолог. Решаю семейные проблемы и все такое.

Генрих пристально посмотрел на меня и вдруг улыбнулся.

— Простите, я ведь так и не спросил, как вас зовут.

— Людмила, — ответила я и тоже улыбнулась.

— Очень красивое имя, — заметил Генрих. — Вы уже решили, что будете делать дальше?

— Пытаюсь, — сказала я. — Пока стараюсь не думать о том, как попала в великие волшебницы. Мне только одно неясно... почему ваш

двойник посадил меня в комнату с этим зеркалом. Неужели он не думал, что я могу вас увидеть?

Генрих уважительно посмотрел на меня.

— Не думал. Раньше все зеркала использовались для общения и переходов, но уже несколько веков они заперты нерушимым заклинанием. Никто, ни одна живая душа теперь не может его снять. А вы смогли.

Вот, значит, как. У меня снова загудело в голове. А если попробовать как-то связаться с королем с помощью такого зеркала? Раз уж я великая волшебница, то у меня может и получиться.

— Пока я хочу только одного, — сказала я. — Пусть он считает, что я на его стороне. Пусть будет в этом уверен. А там я придумаю, как спасти вас и спастись самой.

В ту же минуту в дверь постучали.

Я так и подпрыгнула на стуле. Что делать? Сейчас сюда войдет Андерс или кто-то из его подручных, увидят, что зеркало показывает совсем не то, что в нем отражается, и моя история закончится прямо в этой комнате. Однако зеркало словно почувствовало неприятности. Оно дрогнуло, стеклянная гладь пошла волнами, и я увидела свое перепуганное лицо.

Нет, надо немедленно взять себя в руки. Могущественные волшебницы никогда не выглядят, как перепуганные курицы.

— Да, войдите! — сухо сказала я, придав себе тот спокойно-равнодушный вид, с которым встречала своих клиенток.

Это был Андерс. У меня невольно засосало в животе. Но я лишь улыбнулась. Ни один фальшивый принц не сравнится с внезапным визитом налоговой.

— Как ваши дела, Людмила? — доброжелательно поинтересовался Андерс. Я только руками развела.

- Не ожидала, что буду пленницей! — заметила я самым непринужденным тоном. Андерс понимающе вздохнул.

— Да, это и правда выглядит невоспитанно, — согласился он. — Но сами понимаете, мой отец не должен узнать о вашем появлении. А если кто-то узнает о том, что при моем дворе появилась волшебница, — он сел в одно из кресел и вытянул ноги, — то хорошо никому из нас не будет.

— Это ваш дворец? — уточнила я. Андерс кивнул.

— Да. Но сами понимаете, тут есть люди, которые обо всем рассказывают моему отцу. Пока вас не видел ни один из них, и слава всем святым.

Ну что ж. Попробуем зайти с другой стороны.

— Я все это время думала о вашей проблеме, — сказала я. — И мне нужно обсудить с вами кое-что. И попросить принести некоторые вещи.

— Разумеется! Все, что угодно, — согласился Андерс и, чуть понизив голос, произнес: — Я очень рад, что вы здесь, Людмила. Очень.

— Расскажите мне о вашем отце, — попросила я. — Что вообще происходит в вашей семье?

Андерс неопределенно пожал плечами.

— Знаете, если говорить честно, то в нашей семье каждый сам по себе. Мать занимается своими убогонькими, отец прикидывает, как бы отобрать земли у соседей. А я пытаюсь сохранить все, как есть, — он усмехнулся. — Люди наконец-то стали жить спокойно без войн и не бояться, что завтра им на голову упадут бомбы. И я не хочу все это разрушить.

— Что ж, — кивнула я. — Это достойная позиция. Генрих, вы пробовали поговорить с отцом? Переубедить его?

Я всегда считала, что большинство проблем можно решить с помощью рта и языка, просто поговорив с человеком. Мы, в конце концов, давно вышли из пещер, и незачем продолжать лупить друг друга дубинками по голове.

— Пробовал, разумеется, и не раз, — ответил Андерс. — Но уж таков мой отец, если что-то придет ему в голову, то он с этим не расстанется. Сейчас вот у него амбиции великого собирателя земель и спасителя от Хелевинского ярма.

Я понимающе кивнула. Чем дольше мы говорили, тем сильнее была моя уверенность в том, что этот человек темнит. И с каждой минутой я понимала: волшебник, который пленил настоящего принца Генриха, собирается использовать меня пешкой в своих играх.

Кто там умирает первым? Как раз пешки.

Проблема только в том, что я не собиралась становиться этой пешкой.

— Мне нужна карта вашего мира, — сказала я. — Учебник истории. Желательно что-нибудь о покушениях на королей, мне надо понять, как здесь принято действовать.

Левая бровь Андерса едва заметно дрогнула.

— Хорошо, — кивнул он. — Вам все принесут. Может, что-то еще?

— Вашего отца уже пытались убить, — заметила я. — Кто?

Взгляд Андерса изменился. Кажется, лже-принц впервые оценил меня по достоинству. Увидел во мне такую же дрянь, какой был сам.

Он говорил об убийстве отца с отменным спокойствием и непринужденностью. Словно это был олень, которого собирались подстрелить на охоте, а затем поужинать им. Да, я понимала ненависть к самым близким родственникам. Но здесь ненависти не было. Только равнодушие.

Пустота. И она пугала меня сильнее всего.

— Был некто Равен Брюн, — ответил Андерс. — Стрелял однажды в отца, когда он раздавал пасхальную милостыню. Сказал, что ненавидит короля за полное обнищание народа.

— А народ действительно обнищал? — уточнила я.

— Ну знаете, есть те, кто хочет видеть курицу в своем супе каждый день, — усмехнулся Андерс. — Но они ничего не желают для этого делать. А я говорю: нет хлеба — иди щипать траву. Или работай.

Мне увиделось в этом некое противоречие. То есть, народ бедствует и голодает, король думает только о завоеваниях, а принца устраивает первое и не устраивает второе. И никто из власть имущих не хочет положить в чужую тарелку эту самую несчастную курицу.

Впрочем, ладно. Я пока не собиралась разбираться в хитросплетениях местной политики.

— И после этого покушения ваш отец решил защититься магией?

— Верно. Он сказал, — Андерс презрительно ухмыльнулся и произнес, явно копируя короля: — «Если служба безопасности ловит хайлом мух, то пусть меня защищает магия. Она-то не подведет».

Какое-то время мы молчали. Я надеялась, что зеркало не оживет в самый неподходящий момент.

— Что ж, — я ободряюще улыбнулась и посмотрела на Андерса так, как смотрела на своих клиенток. Пусть все плохо, но надежда есть. — Мне нужно узнать о вашем отце все. Привычки, манеры,

близкие друзья, фаворитки, пищевые предпочтения. А там я составлю программу действий и начну работать.

На том мы и разошлись. Когда Андерс уже шел к дверям, я спросила:

— А на прогулку мне все-таки нельзя?

— Увы! — развел он руками. — Не хочу, чтобы отцу донесли о вас.

Я подумала, что иномирная волшебница не то шило, которое можно утаить в мешке. Но вслух сказала:

— Жаль, конечно. На свежем воздухе мне лучше думается.

Андерс лишь улыбнулся.

— Отдыхайте, миледи. Скоро вам принесут все, что нужно.

Глава 2

Спустя полтора часа мне принесли географический атлас и большую папку с серебристым замочком, и я стала знакомиться с миром, в который меня притащили.

Здесьняя цивилизация успела дорасти до дирижаблей, поездов и пароходов, и все это было густо приправлено магией. На тех островах, которые отец Генриха хотел заполучить в качестве приданого для сына, были драконьи кладки, и я подумала, что драконы это тоже оружие.

Интересный мир. Очень интересный.

Отложив атлас, я взялась за папку и увидела, что в ней было досье на его величество Виттана, и взялась за чтение.

Из первого листка, который, кажется, был вырван из энциклопедии, я узнала, что королю было пятьдесят, он правил тридцать лет, был полковником гвардии и адмиралом флота. С черно-белой фотографии на меня смотрел угрюмый мужчина с залысинами, бакенбардами и носом картошкой, и если убрать мундир и ордена, то будет казаться, что он любитель приложиться к бутылке. Официально считался хорошим семьянином, неофициально имел двух фавориток и пятерых детей. Религиозен, соблюдает посты. Любит игру в теннис и пешие прогулки в Фендельвернском саду.

Я отложила папку и угрюмо подумала, что Андерс может потребовать убить короля прямо завтра. Меня привезут, допустим, в этот Фендельвернский сад, и я должна буду уничтожить Виттана, иначе со мной никто не будет церемониться.

Осталось понять, как добраться до короля раньше, если за дверью стоит вооруженная охрана.

Вздыхнув, я подошла к окну. Снаружи уже стемнело, и сад был озарен светом рыжих фонарей, паривших в воздухе.

Если я наемный убийца, то мне обязательно нужно понять, в каком месте совершать нападение. Допустим, сад. Я должна там побывать, желательно несколько раз, все внимательно изучить и только после этого двигаться дальше. И мне нужна другая одежда! Охрана и слуги и так таращились на мои джинсы, туфли и рубашку.

В них я так и буду маяком. Смотрите, здесь убийца короля!

Что-то дрогнуло под ногами.

Сначала я подумала, что мне показалось. Посмотрела на паркетный пол, топнула по нему — ничего. Стоило мне шагнуть от окна, как толчок повторился.

На этот раз он был уже сильнее. Я схватилась за спинку кресла, пытаюсь удержаться на ногах, и, обернувшись, увидела, как по одной из дорожек бежит вооруженный отряд, придерживая фуражки. Фонарики летали по саду так, словно обезумели от страха. Мне даже показалось, что я слышу их перепуганное чириканье.

— Удар! — услышала я далекий крик. — Поле пробито!

Что?

Что тут вообще творится?

Я бросилась к дверям, выбежала в коридор, и охранник, такой же трясущийся от страха, как и его коллеги в саду, тотчас же втолкнул меня обратно в комнату и истерично прокричал:

— Оставайтесь на месте! Буду стрелять!

Ну вот только этого мне не хватало! Психа с ружьем!

— Хорошо, хорошо, — миролюбиво проговорила я, вытянув руки вперед и не сводя взгляда с перекошенного молодого лица с торчащими перьями усишек. — Только не стреляйте. Что случилось?

Еще один толчок прошел по зданию, и я услышала мелодичный перезвон стекляшек в люстре. В саду кто-то заорал.

— Удар, — прошептал охранник. — Пробито защитное поле королевской семьи...

Он снова вскинул ружье и навел на меня, но сразу же опустил.

— И что это значит? — таким же сдавленным шепотом спросила я, уже понимая, что произошло.

— Король убит, — выдохнул охранник, отступая к дверям. — И принц тоже.

Когда он вышел в коридор, то дворец содрогнулся снова, и это был последний удар. Я подбежала к окну. Фонари успокаивались, замедляли полет. Одного из них поймал молодой солдат и держал на руках, глядя, словно питомца. Вот по подъездной дороге пробежал грузный мужчина в форме, и отряд принялся выстраиваться перед ним.

Король убит? Но кем?

Я высунулась в окно, надеясь, что услышу хоть что-то. Все окна дворца были озарены ярким светом, и в здании постепенно нарастал

шум: куда-то бежали, говорили, всхлипывали и смеялись.

— Господа гвардейцы! — офицер говорил так зычно, что я прекрасно все слышала. — Только что со стороны Хелевинской империи был нанесен удар сокрушительной силы. Он пробил бережный щит страны... — офицер снял фуражку и прижал ее к груди. — Его величество Виттан мертв. Его высочество Генрих мертв.

Я едва не свалилась с подоконника.

Не надо было иметь семипяденного ума, чтобы понять, что со мной будет дальше. Женщину в странной одежде, которая ничего не знает о здешнем мире, обвинят в шпионаже в пользу Хелевинской империи. Потом будут пытки, и я признаюсь в том, что помогла организовать и направить удар, который убил короля и принца. Очень уж изящно совпало с ним мое появление во дворце.

Потом будет казнь.

Я подбежала к зеркалу и застучала по нему ладонью. Господи, пожалуйста, пусть оно оживет! Пусть оно откроется! Но зеркало капризничало, показывало мое плачущее отражение и сменило гнев на милость только тогда, когда я окончательно утратила надежду.

Настоящий принц Генрих спал на узенькой койке. На полу перед ним горела свеча. Когда я окликнула его, он сел так быстро, словно не спал, а ждал меня.

— Людмила? — встревоженно спросил он. — Что с вами? Что случилось?

— Сейчас все расскажу, — ответила я, услышав шаги и голоса в коридоре. За мной уже шли. Андерс не утаил в мешке своего шила. — Дайте руку, скорее.

Генрих поднялся, подошел к зеркалу и послушно протянул руку в мою сторону. Я зажмурилась и, дотронувшись до прохладного стекла, почувствовала, как мои пальцы проваливаются куда-то вперед, в хрустящий зеркальный озноб.

Кажется, в дверь ударили. В тот же миг я рухнула в зеркало и ударилась коленями так, что заскулила от боли. Пришли запахи — тяжелые, затхлые. Пришла прохладная свежесть ночи.

— Людмила?

Генрих помог мне подняться на ноги и какое-то время мы с ним смотрели друг на друга, тяжело дыша и не в силах выровнять дыхание. Грязное зеркало за моей спиной отражало такую же грязную камеру

заклученного; я не видела его, но как-то знала, что сейчас плывет в его глубине.

— Я прошла? — спросила я и не узнала своего голоса.

— Прошли, — кивнул Генрих. — Что случилось?

Я смогла говорить через несколько минут. По счастью в камере Генриха был кувшин, и холодная вода, которую я сначала пила, а потом безжалостно вылила себе на голову, помогла мне опомниться. Все это время принц терпеливо ждал, сидя рядом со мной на краю койки.

Я огляделась. Зарешеченное окошко, дверной проем, уводящий в темноту — там, по всей видимости, находилась уборная. Я снова перевела взгляд на зеркало.

Темное. Мертвое.

«Только бы ты не открылось сейчас», — подумала я.

— Людмила, — негромко произнес Генрих. — Что все-таки случилось?

— Удар со стороны Хелевинской империи, — ответила я. — Ваш отец мертв. Андерс тоже погиб.

Генрих поднялся и, запустив обе руки в волосы, подошел к окошку. Больше всего я боялась, что он сейчас закричит, и на его крик прибегут тюремщики. Мне совершенно не хотелось с ними знакомиться.

— Мне очень жаль, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно искреннее. Невольно подумалось о том, что же это за отец такой, который за четыре года не обнаружил подмены.

— Нам с вами надо понять, как сбежать отсюда, — глухо произнес Генрих. — Я думал о зеркале, но если оно откроется в моем дворце, то от этого нам мало толку.

Я кивнула. Принц объявлен мертвым, его тело видели — и вот он, живой и здоровый, правда, с отросшими волосами и в рубище, но это уже нюансы. Скорее всего, в нас будут сначала стрелять, а потом уже думать.

— Это правда Хелевинская империя? — спросила я. — Они хотят начать войну? Упреждающий удар?

Генрих нервно куснул костяшку указательного пальца.

— Нет. Их флот всегда был в ужасном состоянии, и не думаю, что за четыре года что-то изменилось. Удар со стороны империи еще не

значит, что его нанесла именно империя.

— Куда нам надо отправиться? — спросила я. — Где у вас есть друзья, которым можно доверять?

Генрих неопределенно пожал плечами.

— Я не знаю, — честно ответил он. — Я сижу здесь четыре года, Людмила. Что там наделал Андерс на моем месте, — он усмехнулся и развел руками, — загадка.

— Ладно, — кивнула я. — Ваши предложения?

Некоторое время Генрих задумчиво бродил по камере, потирая подбородок. Откуда-то издали донеслись монотонные тоскливые удары, словно кто-то колотил деревяшкой по стене.

— Полночь, — объяснил Генрих. — Знаете, лучше всего нам подойдет княжество Кандаши. Островное государство, полностью завязано на торговлю, и там такой народ, что мы с вами не будем выделяться.

— Пираты, что ли, встречаются? — скептически осведомилась я. Генрих кивнул.

Я пожалала плечами. Кажется, пришла пора показать, насколько я великая волшебница.

Нет, конечно, я не верила, что смогу открыть зеркало сна, тем более так, чтобы оно показало нам нужное место. Я просто положила ладонь на стекло и, глядя на отражение Генриха за своим плечом, сказала:

— Княжество Кандаши, пожалуйста. Нам надо туда.

Генрих был похож на ребенка, который замер от восторга перед рождественским чудом. Я невольно улыбнулась ему и почувствовала, как кончики пальцев начинают жечь.

На меня вдруг нахлынуло — обжигающий солнечный свет, соленый запах моря, птичьего голоса. Восторг и чистое, беспримесное счастье были настолько яркими, что меня даже оторвало от пола. Все во мне пело, все звало туда, к солнцу.

Я нашла потерянную себя.

Я вернулась к себе.

Я наконец-то стала той, кем должна была быть.

— Вы только посмотрите на это... — выдохнул Генрих за моей спиной. — Непостижимо...

Я открыла глаза и увидела в зеркале невероятно старый заброшенный дом. В комнате, которая предстала перед нами, не было мебели, а окна и углы обильно украшала паутина. Но там, за грязным стеклом царило беспечное голубое небо и сияло солнце.

Я зажмурилась.

Снова открыла глаза.

Помотала головой.

Господи, это невозможно. Во мне просто неоткуда взяться магии, оживляющей зеркала. Но ведь несколько часов назад я была в своем мире, а теперь стою здесь, в тюремной камере с принцем-заключенным и смотрю на зеркало, которое отражает совсем не то, что перед ним.

Может быть, я и в самом деле волшебница.

Может быть.

— Ну что? — негромко спросил Генрих. — Идем?

Я кивнула. Генрих обошел меня, решительно выдохнул и погрузил лицо и руки в зеркало. Камеру озарило бледно-голубым светом, повеяло грозовой свежестью, и я увидела, что Генрих стоит за стеклом и протягивает мне руку.

— Все в порядке? — уточнила я. Генрих улыбнулся, светло и счастливо.

— Да! — воскликнул он, и в его глазах появился влажный блеск. Генрих был готов смеяться и плакать от счастья, и я прекрасно понимала его. — Можно идти!

Я дотронулась до зеркала, и рука легко погрузилась в стекло. Генрих сжал ее, потянул на себя, и я почувствовала, что падаю во тьму.

— Двойной побег, — прошептала я, понимая, что едва держусь на ногах от усталости. Если бы Генрих не держал меня за плечи, я бы упала. — Сначала я из дворца, теперь вы из своей клетки...

— Да, — с улыбкой ответил Генрих. Тепло его ладоней на моих плечах говорило, что это не сон и не бред. — Вы... вы невероятная, Людмила! Вы спасли нас обоих.

— Я сама не ожидала, — откликнулась я и чихнула: в комнате было очень пыльно. Романтическое очарование момента ушло — надо было действовать дальше. — Что будем делать?

— Надо осмотреть дом, — произнес Генрих. — Идем.

Мы вышли из комнаты и оказались в сумрачном коридоре, который вел к лестнице. На стенах висели портреты, до того запыленные, что на них нельзя было рассмотреть лиц. Головы и ордена казались призрачными.

Мне сделалось тоскливо.

Когда-то здесь жили люди, и семья была довольно обеспеченной. А теперь остался лишь дом с привидениями, скрипящие под нашими ногами полы и печальные воспоминания в пыли и паутине.

Мы спустились на первый этаж и оказались в гостиной. Здесь было темно: высокие окна закрывали ставни. Ни следа мебели — покидая дом, хозяева вывезли из него все. Генрих, который шел впереди, остановился в центре гостиной и негромко произнес:

— Я знаю этот дом. Он когда-то принадлежал генералу Аврутти.

— И где же теперь генерал? — поинтересовалась я.

— Убит, — ответил Генрих. — Его семья съехала, как вы видите.

— Что делаем дальше?

— Выберемся отсюда, — улыбнулся Генрих. — Вы не представляете, Людмила, как же я счастлив!

Я прекрасно его понимала. Если просидишь в клетке четыре года, то будешь петь и плясать.

На кухне, опустевшей и тоскливой, все еще витал тихий запах пряностей. Генрих нашел дверь черного хода, и на наше счастье она была закрыта так небрежно, что ему хватило хорошего удара, чтобы дверь вылетела, впуская свежий воздух. Мы вышли в сад, заросший сиренью, жасмином и ежевикой, и я остановилась на минутку: как же хорошо!

Быть свободной.

Не бояться.

Просто дышать.

Генрих посмотрел на меня и снова улыбнулся. Я невольно отметила, что ему идет эта улыбка, спокойная и тихая.

— Хорошо? — спросил он.

— Хорошо, — ответила я и поняла, что тоже улыбаюсь.

С момента моего попадания прошло меньше суток, и я, кажется, окончательно привыкла к тому, что угодила в другой мир.

Мы пробрались к покосившимся воротам, я сломала каблук на каком-то камне, подвернувшемся под ноги, и Генрих, критически

осмотрев нас, сообщил, что мы похожи на бродяг.

— И что делать? — спросила я, понимая, что с бродягами может быть очень короткий разговор.

— Пойдем к храму Святой Гирши, — сказал Генрих, отодвигая створку ворот. — Он дальше по улице. Когда-то я знал тамошнего настоятеля.

Мы выбрались на улицу и пошли вдоль угрюмых домов, которые казались стариками, смотрящими на людей из-под прикрытых глаз. Я так и чувствовала чужие взгляды, которые провожали нас. На наше счастье, они не были злыми, но все равно было неприятно. Мимо прошла женщина с корзиной, посмотрела на меня и мазнула указательным пальцем по кончику носа. Генрих, как видно, ее не смутил.

— Что это значит? — спросила я, когда женщина была достаточно далеко.

— Этот жест отпугивает нечистого, — ответил Генрих. — Первым делом купим вам нормальную местную одежду.

Я кивнула.

Народу на улице постепенно становилось все больше и больше, и я, босая, растрепанная и в джинсах, невольно привлекала внимание. Однако никто ничего не сказал, только стайка пробегавших мальчишек засвистела и заулюлюкала, показывая на меня пальцем.

— Очень вежливо, — пробормотала я. Генрих лишь усмехнулся.

— Хорошо, что вы с мужчиной, — сказал он. — Иначе они бы уже бросили в вас камни.

Я одарила убегающих мальчишек хмурым взглядом, и один из них тотчас же споткнулся и растянулся на мостовой. Вот тебе! Не всякий, кто кажется беззащитным, не может за себя постоять!

Наконец мы вышли к храму. Он возвышался над грязной улицей, словно белая сахарная гора, в которой трудолюбивые муравьи выточили портик, колонны и статуи святых. Поднимаясь за Генрихом по лестнице к гостеприимно распахнутым дверям, я поймала себя на том, что иду с раскрытым от восхищения ртом.

Храм был красив. Потрясающе, до дрожи красив.

Вопреки моим опасениям, в нем никого не было. Скамьи были пусты, едва теплились рыжие язычки свечей и где-то впереди, за огромной статуей женщины, которая с ласковой улыбкой протягивала

сноп золотых колосьев, кто-то неторопливо ходил. Генрих постучал по спинке скамейки и звонко произнес:

— Отец Лукас! Вы здесь?

Из-за статуи вышел огненно-рыжий великан с огромными ручищами и бородой, заплетенной в косу. Казалось, черная мантия вот-вот затрещит на нем и разорвется. Увидев нас, великан ахнул и едва не споткнулся.

— Генрих! — воскликнул он и направил на принца указательный и средний пальцы левой руки. — Рассыпья именем святой Гирши, нечисть!

Разумеется, ничего не произошло. Генрих лишь рассмеялся.

— Отец Лукас, я жив! — сказал он, и великан, больше похожий на викинга, чем на священника тотчас же сгреб его в такие объятия, что мне показалось, будто я слышу треск костей.

— Живой! — пророкотал отец Лукас. — Как, во имя всех святых?

— Я все расскажу, — произнес Генрих. — Но пока нам нужна горячая ванна и одежда. Поможешь?

— Ну конечно, дружище! — воскликнул отец Лукас, и мы пошли следом за ним мимо статуи со снопом. Когда я прошла рядом со святой Гиршей, храм вдруг наполнился мелодичным перезвоном, словно где-то высоко-высоко застучало бесчисленное множество серебряных колокольчиков.

Я остановилась. Почему-то меня вдруг бросило в жар. Ощущение было таким, словно голова статуи повернулась, рассыпая кудрявые волосы по мраморным плечам, и святая с интересом посмотрела на меня.

Я прекрасно видела, что статуя остается неподвижной.

И знала, чувствовала всей своей внезапно вспотевшей кожей, что она смотрит на меня.

— Что случилось? — удивленно спросил Генрих. Лицо отца Лукаса сделалось одновременно удивленным и каким-то спокойным, словно он убедился в чем-то, о чем думал много лет.

— Ты не отсюда, — произнес он, глядя мне в глаза. — Верно?

— Верно, — кивнула я, не в силах отвести взгляд. Глаза отца Лукаса были пронзительно голубыми, и я вдруг увидела его совсем молодым, в белой рубахе, кожаных штанах и тяжелым боевым молотом в руке.

Отец Лукас кивнул.

— Как и святая Гирша, — сказал он. — Апокрифы говорят, что она пришла из другого мира, и все ее статуи узнают соотечественников. Вот, тебя узнали.

Я понятия не имела, что можно на это ответить. Просто на меня вдруг навалилась такая усталость, что я удержалась на ногах только из чистого упрямства.

— И часто такое бывает? — спросила я. Отец Лукас ободряюще улыбнулся.

— Первый случай за четыре века, — ответил он. — Идемте!

Комната для паломников, в которую меня привели, оказалась маленькой, но очень уютной. Женщина в белом одеянии, которая прислуживала при храме, пристально осмотрела меня, и я почти услышала, как что-то щелкает в ее мыслях, снимая мерки.

— Одежда будет к вечеру, миледи, — с легким поклоном сообщила она. — А пока отдыхайте.

Я навестила уборную, потом умылась и, рухнув на койку, застеленную серым полотном, провалилась в сон и проспала до вечера.

Мне ничего не снилось.

Проснувшись, я увидела, что на стуле лежит несколько свертков. Распотрошив бумагу, я вынула чулки, корсет, панталоны, нижнюю рубашку, пышную юбку и блузу с кружевным жабо и рукавами-фонариками, и поняла, что теперь мне придется привыкать к тому, что одевание займет не меньше часа.

Однако к своему удивлению я справилась со всем очень быстро. Одежда оказалась непривычной, но достаточно удобной. Расчески, к сожалению, не было — что ж, выйду из комнаты растрепанной.

Думаю, те, кто меня встретит, это переживут.

Отец Лукас обнаружился в столовой — он сидел за длинным деревянным столом в компании молодого щеголя в светлом костюме, и на мгновение мне показалось, что Андерс воскрес и как-то сумел добраться в эти края. Услышав шаги, Генрих обернулся, и его добродушная улыбка, к которой я уже успела привыкнуть, стала еще светлее и шире.

— Людмила! — произнес он. — Вы настоящая леди!

— Благодарю вас, — сдержанно кивнула я, сев за стол. Перед отцом Лукасом стояла огромная супница; взяв глубокую тарелку, он

щедрой рукой наполнил ее рагу и поставил передо мной.

— Приятного аппетита! Вам надо больше есть, вы слишком худая, — сообщил он. Я взяла ложку и поинтересовалась:

— А что, быть худой — это плохо?

— Ведьма должна быть худой, чтобы ее могла выдержать метла, — невозмутимо сказал отец Лукас и, прищурившись, посмотрел на меня, словно прикидывал, сколько я вешу. — Вот вас она выдержит, это точно. Так что кушайте, кушайте. Не стесняйтесь. Не надо, чтобы кто-то приял вас за ведьму.

Я покосилась на Генриха, который сразу же добавил:

— Отец Лукас шутит.

— Я так и поняла, — улыбнулась я. Рагу с мясом, помидорами и картофелем удалось на славу. Когда тарелки опустели, отец Лукас принес металлический чайник и наполнил чашки таким ароматным кофе, что у меня закружилась голова.

— Я очень рад, дружище, что ты жив, — сказал он, придвигая Генриху чашку. — Твои деньги в целости и сохранности, так что хотя бы с этой стороны у тебя нет проблем.

Улыбка Генриха погасла. Я поняла, что он носил ее, как маску, скрывая за ней свою тоску и горе.

— Теперь корона перейдет к Олафу, — глухо произнес он и, покосившись в мою сторону, объяснил: — Олаф это мой дядя. На редкость неудачный владыка достанется несчастному Аланбергу.

— Почему? — решила спросить я.

— Потому что государь должен думать о благе своей страны, — ответил Генрих. — А дядюшка Олаф в первую очередь думает о своем кармане, и как бы его поплотнее набить.

— Думаешь, это он стоит за убийством твоего отца? — поинтересовался отец Лукас.

— Ищи, кому выгодно, — усмехнулся Генрих. — Ему выгодно. Не Хелевинской же империи! Они, я полагаю, занимаются своими делами и не лезут в чужие. Так?

Отец Лукас кивнул.

— Как всегда. Дикари с черного юга начали отгрызать от них куски, — сказал он, крутя ложку в поросших рыжим волосом пальцах. — Так что их меньше всего волнует Аланберг и его правители.

Я задумчиво потерла подбородок.

— Как с этим может быть связан Андерс? — спросила я. — Он четыре года провел на твоём месте. Сам хотел убить короля Виттана.

У меня появилось неприятное ощущение голых рук, погруженных в муравейник. Генрих пожал плечами.

— Мои тюремщики мне ничего не рассказывали. Я просто сидел в камере и дичал. А в это время Андерс жил моей жизнью.

Отец Лукас вздохнул.

— Он вел себя идеально, — сообщил он. — Даже переписывался со мной.

Генрих вопросительно поднял левую бровь.

— И ты ничего не заподозрил? — недоверчиво поинтересовался он. Отец Лукас пожал плечами.

— Мне, откровенно говоря, всегда казалось, что ты писал мне спьяну. Очень уж строчки плясали. А так нет, все было, как обычно.

Лицо Генриха на мгновение сделалось похожим на серую маску. Неожиданно для самой себя я накрыла его руку своей, и он сжал мои пальцы так, словно сейчас падал в пропасть, и только я могла бы удержать его.

— Кто он? — спросила я. Генрих угрюмо усмехнулся.

— Андерс? Бастард моего папеньки. Его величество радовался, что у него растёт такой активный и предприимчивый сын, но почему-то надеялся, что Андерс будет сидеть тихо и не захочет большего.

— Кем он был?

— Начинал в финансовой академии, — ответил Генрих. — Отец его никак не поддерживал. Говорил, что если человек толковый, то пробьётся сам, а бестолкового и протаскивать незачем. Я только не знал, что он настолько толков, что занимается не только финансами, но и магией.

Отец Лукас с улыбкой покачал головой.

— Финансы и есть настоящая магия, — заметил он. — Что ж, дружище, будем искать того, кто за этим стоит, или попробуем что-то поинтереснее?

Генрих посмотрел на отца Лукаса так, словно только что увидел его.

— Поинтереснее? — переспросил он. — Как же вас понимать, отец Лукас?

— Так, что мир не ограничивается Хелевинской империей и Аланбергом, — сказал святой отец, и мне снова померещился в нем лихой викинг с ветром в косах. — И в этом мире есть те, кому всегда нужны умные люди.

— Говоришь загадками, — рассмеялся Генрих и уточнил уже серьезно: — Марвинская секретная служба?

— Она самая, — кивнул отец Лукас. — Кто же еще?

После ужина Генрих сказал, что нам надо проветрить голову, и лучше всего это сделать на набережной. Мне оставалось только согласиться.

Когда мы шли по улице, которая постепенно становилась все приличнее, пока не влилась ручейком в реку проспекта, уже никто не обращал на нас внимания. Да, леди и джентльмен одеты по здешней моде, гуляют вечером, беседуют о своем. Кому какое дело?

— А кто это? — спрашивала я, увидев статую многорукого чернолицего существа, не мужчины и не женщины, танцующего с отрубленными головами в руках.

— Античное божество, — отвечал Генрих, думая о чем-то своем. — Владыка войн Ханаул. Исполняет ритуальный танец с головами врагов, потом их пожирает.

— А это что? — я чуть не ахнула, увидев мужчину, который входил, кажется, в гостиницу. Следом за ним бежал дорожный сундук с доброй дюжиной ножек.

— Артефакт для путешественников. Удобно, правда? Не нужно таскать за собой вещи.

— А это? — из-за кокетливого кружева парковой ограды свисали ветки дерева, унизанные золотистыми плодами, похожими на ежевику, но размером с крупное яблоко. Генрих рассмеялся, подпрыгнул и сорвал, протянул мне. Девушки, которые шли навстречу, кокетливо заахали.

— А попробуйте, — предложил он. — У нас на севере такое не растет.

Я осторожно откусила маленький кусочек, и во рту сделалось так кисло, что лицо перекосило судорогой. Но кислота почти сразу же растаяла, растеклась такой воздушной сладостью, что я едва не замурлыкала от удовольствия.

— Гаремин, фрукт путешественников, — сообщил Генрих. Кажется, мое незнание реалий этого мира забавляло его. — Их набирают в дальние поездки, они никогда не портятся.

Мы вышли на набережную и неспешно побрели по черно-белым плитам, словно по шахматной доске. Народу было много: вечер выдался теплый, легкий ветерок дул с моря, и волны шептали что-то тихое и ласковое.

Вспомнилось, как мы с Игорем ездили в Испанию и гуляли по берегу Средиземного моря. Тогда мне казалось, что впереди нас ждет только хорошее. Это было наше свадебное путешествие, и я наивно верила, что мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день.

Как говорил персонаж одного из фильмов, «я взорвал их машину после того, как они вышли из церкви и сели в нее». После развода я иногда думала, что этот вариант меня вполне бы устроил.

— Задумались? — улыбнулся Генрих. Я неопределенно пожала плечами. Над набережной пролетели чайки, послышался женский смех. Впереди мимы показывали какую-то сценку.

— Мне казалось, вы тоже.

— Пытаюсь определиться, что делать дальше. А вы?

Я невольно улыбнулась. Когда-то мне верилось, что Игорь вернется. Что такая большая любовь как наша, не может просто взять и умереть. От того, что я не могу иметь детей, от того, что его мамаша ненавидела меня с первой встречи, от того...

Потом я перестала верить. Мне сделалось все равно.

— А я вспоминала, как ездила на море с бывшим мужем, — я снова постаралась улыбнуться, но улыбки не получилось. — Я там впервые увидела апельсиновое дерево с апельсинами, это такие оранжевые плоды. Попросила, чтобы Игорь сорвал мне один, а он отругал меня.

Я вспомнила, как Игорь вдруг изменился в лице и закричал на всю Таррагону: «Ты что? Спятила? Ты за кого меня принимаешь?» Тогда я и правда подумала, что все это время принимала Игоря за кого-то другого. Но мелкий эпизод быстро сгладился и забылся, а теперь вот выплыл из памяти, и мне вдруг сделалось так больно, словно бывший муж ударил меня.

Он и ударил. Только я поняла это лишь сейчас.

— Станный какой-то, — покачал головой Генрих

— А вы достали для меня гаремин, — сказала я. — И вас это не смутило и не унизило.

Генрих едва заметно нахмурился.

— Странный у вас мир. Не знаю, почему это должно меня унижить.

— У нас просто странные люди, — заметила я, стараясь говорить как можно непринужденнее. — Приходят, например, к ведьме, чтобы она приворожила мужа. А муж тем временем изменяет со дня свадьбы. Вот что тут можно делать?

— Уходить, — ответил Генрих. Мимо паренек в красно-белом полосатом халате и колпаке катил тележку с тем, что могло быть только сладостями; Генрих махнул ему, и вскоре мы сели на скамейку с пирожными в руках. — У нас не одобряются разводы, это так, но измену никто не терпит.

— А у нас считается, что женщина должна понимать, прощать и искать ошибки в себе, — пирожное оказалось настолько сладким, что я невольно зажмурилась. Генрих пожал плечами.

— У нас смотрят на брак как на договор. Измена — нарушение договора, и никаких дел с нарушителем уже никто иметь не станет.

Несколько минут мы молчали. Потом Генрих улыбнулся и произнес:

— Я вам очень благодарен, Людмила. Очень. Вы меня накормили, хотя сами были голодны. Вы меня вытащили из клетки. Я... — Генрих посмотрел на меня чуть ли не смущенно. — Я не знаю, как отблагодарить вас за вашу доброту. Но если я смогу что-то сделать для вас, то сделаю.

Мне сделалось настолько спокойно и легко, что я не знала, что тут можно ответить. И ответила первое, что пришло мне в голову:

— Я не сделала ничего особенного, Генрих. Правда.

Мне было... странно. Я давно никому не рассказывала о себе. Особенно так много.

— Вы сделали, — Генрих выбросил обертку от пирожного в корзину для мусора и добавил: — Не старайтесь уменьшить свои дела. У вас все равно не получится. И не сердитесь на меня, если я сказал что-то не так. Я отвык от людей.

— Все в порядке, — улыбнулась я.

— Знаете, я даже перестал верить, что однажды буду вот так сидеть на набережной, — признался Генрих. — Свободным. С красивой девушкой рядом.

— Как вы думаете, почему Андерс все-таки оставил вас в живых? — спросила я. Разговор начал уходить в опасную плоскость, и надо было вернуть его в прежнее русло.

Не люблю говорить о чувствах. Просто не люблю.

— Даже не знаю. Я много думал об этом, но так и не пришел ни к какому выводу.

— А Марвинская секретная служба? — поинтересовалась я. — Что это?

Лицо Генриха из расслабленного и спокойного на мгновение сделалось тяжелым. Окаменевшим.

— Как раз об этом я и хотел с вами поговорить, — ответил он.

— Что-то мне подсказывает, что это опасные люди, — вздохнула я. Генрих кивнул.

— Да. Опасные. Это не секретная служба в общем понимании, это что-то вроде крупного аналитического агентства. Они работают по всему миру, постоянно собирают и анализируют информацию, делают выводы, — чайки разорались над брошенным им бутербродом так, что Генрих невольно поморщился и недовольно посмотрел в сторону барышни, решившей покормить птичек. — И потом продают это. Видите ли, я хочу вернуться. Мой дядя Олаф не тот человек, который должен править Аланбергом. Но для этого мне надо знать, кто именно убил моего отца и Андерса.

— А такую информацию мы просто так не соберем, — сказала я. Генрих кивнул.

— Вот именно. Мне придется выйти с ними на связь, раскрыться и попросить о помощи, — негромко произнес он и признался: — И пока я думать не хочу, что они попросят в качестве оплаты.

— Разве не деньги? — удивилась я. Генрих снисходительно улыбнулся.

— Иногда деньги, да. Но от принца Аланберга, который хочет вернуть свою корону... и который, кстати, может быть и самозванцем, они могут попросить и что-то посерьезнее.

А ведь и верно. Андерс погиб, все заинтересованные наверняка видели его тело, и Генрих теперь действительно может выглядеть лже-

принцем. Как ему придется доказывать, что он именно тот, за кого себя выдает?

— Например, предложат работать на них, — сказала я. Генрих кивнул.

— Этого я и боюсь, — признался он. — Но надо действовать, а не бояться. У меня есть для вас предложение, Людмила.

Я улыбнулась, прекрасно понимая, в какую сторону сейчас дует ветер. Он, кстати, совсем стих: набережная погрузилась в золотисто-лиловый вечерний сумрак, и у девиц, гулявших с молодыми людьми, было самое романтическое настроение.

«Я сижу у моря с принцем, — подумала я. — Кто бы мог вообразить такое...»

Наверно, с точки зрения гуляющих девиц это должно мне льстить. Но мне было все равно.

— Кажется, я знаю, какое именно, — сказала я. — Какое же?

— Я прошу вас остаться со мной до того, как я верну себе корону, — решительно ответил Генрих, и я подумала, что он действительно отвык от общества. Слишком энергично сверкают глаза при слишком тихом голосе и слегка подрагивающих руках. Сейчас, на людях, он старался скрыть волнение, и не мог.

— Вы можете отказаться, конечно, — продолжал Генрих. — У меня есть деньги, я их вам отдам. Вы сможете устроиться в нашем мире или попытаетесь вернуться в свой. Но, Людмила... я очень хочу, чтобы дальше мы пошли вместе.

Какая-нибудь из моих клиенток, из тех, кто поумнее, сейчас бы начала отчаянно кокетничать. Уж очень все сказанное было похоже как минимум на плотскую тоску, как максимум — на предложение руки и сердца в женском понимании. Мои клиентки всюду искали на это намеки. Но я лишь ответила, просто и по-дружески:

— Конечно, я останусь, Генрих. Не волнуйтесь. Я помогу вам.

Генрих благодарно сжал мою руку. Я видела, что он очень рад, что я ответила именно так. По большому счету, мы оба были невероятно одиноки — и схватились друг за друга, чтобы не утонуть окончательно.

— Вы хотите вернуться домой? — спросил он.

Я улыбнулась. В моей жизни была ипотечная студия в челоуейнике, маленький офис, похожий на магазин с аляповатым

хламом, и клиентки, слишком глупые, чтобы посмотреть на себя со стороны. Мне давно было некуда и не к кому возвращаться, и я поняла это только сейчас.

— Потом, — ответила я. — Мы вернем вам корону, а там решим все остальное.

Генрих по-прежнему держал меня за руку, и мне впервые за долгое время не было неприятно от того, что кто-то прикасался ко мне. Его пальцы были теплыми, а пожатие — дружеским.

— Вряд ли Андерс думал, что вы освободите меня, когда вытаскивал вас в наш мир, — заметил Генрих.

— Иногда получается лучше, чем задумываешь, — сказала я. — Хорошо здесь, правда?

Уже успело стемнеть, и на набережной зажглись изящные золотые фонари. В их свете гуляющие казались привидениями или ожившими картинками в книге сказок.

Я вдруг подумала, что меня сейчас ищут. Не потому, что кто-то волнуется обо мне. Просто за ипотеку нужно платить, а клиенткам требуются очередные привороты.

— Очень хорошо, — согласился Генрих. — Как вы, кстати, переносите морские путешествия? Не укачивает?

— Вроде бы нет. Но я всего один раз каталась на яхте.

Снова вспомнилось наше с Игорем лето в Испании и отдых на большой яхте. Игорь фотографировал меня и повторял, что я его русалка. Интересно, удалил ли он те снимки, или они так и лежат в одной из папок в его ноутбуке?

Какая теперь разница? Игорь выбросил меня из головы и жизни. Я сделала то же самое. А сегодня вдруг вспомнилось...

Некоторые занозы сидят в нас глубже, чем мы думаем.

— Тогда завтра мы уплываем в Саалинский халифат, — сказал Генрих. — Там одна из штаб-квартир марвинцев. Правда, вам в тех краях придется закрывать лицо и волосы.

Я понимающе кивнула.

— Ну что же делать, потерплю. Кстати, почему?

— Там считается, что женщина с открытым лицом может наслать порчу, — со смехом сообщил Генрих. Я улыбнулась в ответ.

— Что ж, я ведь волшебница, мне положено, — сказала я и, помолчав, добавила: — Знаете, Генрих, я рада, что мы встретились.

Его рука сильнее сжала мои пальцы.

— А я-то как рад, — произнес Генрих, и в его глазах проплыли теплые сиреневые огни. — Вы даже не представляете.

Глава 3

Я переоценила свой организм. Когда отец Лукас привез нас в порт и вручил паспорта, то с определенным недоверием поинтересовался:

— Вы правда считаете, что все будет хорошо? Может, дирижабль?

Я заглянула в свои документы, увидела, что они выписаны на имя Людмилы Закари, аланбергской дворянки, и беспечно сказала:

— Не волнуйтесь за меня, отец Лукас. Я справлюсь.

Он лишь вздохнул и недоверчиво покачал головой.

Но короткая прогулка на удобной современной яхте оказалась совсем не то же самое, что долгое морское путешествие на пароходе. Меня стало тошнить сразу же, как только мы вышли из порта.

Наша каюта первого класса была на верхней палубе, и здесь было достаточно свежо, чтобы я не теряла сознание и все-таки держалась на ногах. На мое счастье мы были единственными пассажирами на этом уровне, и очаровательной зелени моего лица не видел никто, кроме команды.

— Как вы? — спросил Генрих. Я сидела в кресле, вытянув ноги, мир плыл передо мной, а желудок переворачивался. Даже Среднеземельное море, наполненное всеми оттенками синего и сиреневого, казалось мне болотом.

— Отвратительно, — призналась я и едва не расплакалась. — Генрих, это невыносимо!

— Может, приляжете? — предложил Генрих, и я видела, что он искренне жалеет меня. Игорь в такой ситуации нудел бы о том, что я все порчу, как обычно, что я неисправима, и зачем он вообще со мной связался.

И почему я вдруг их сравниваю? Это не к добру. Это точно не приведет ни к чему хорошему.

— Лучше не стоит, — всхлипнула я. Желудок снова принялся плясать, и слабость накатила такая, что я вцепилась в подлокотники кресла. На палубе показался официант в белом: нес большой поднос с бутылкой вина, бокалами и разноцветными фруктами, похожими на лампочки. Самые настоящие лампочки, с колбой и зеленоватым цоколем! Я удивилась так, что на мгновение тошнота отступила.

— Выпить я вам не предлагаю, — сказал Генрих, усаживаясь рядом со мной, — а вот варвалинская груша помогает при укачивании. Ну-ка, попробуйте!

Я послушно отправила в рот полупрозрачный кисловатый ломтик и вскоре обнаружила, что мне становится легче. Не до того, чтобы наслаждаться морским путешествием, конечно, но теперь я хотя бы видела мир без полубморочного марева перед глазами.

— Вы волшебник, — выдохнула я, и Генрих протянул мне еще один ломтик. — Вы спасли мне жизнь!

— Право же, это мелочи, Людмила, — заметил он и сделал глоток из своего бокала. — Джентльмен должен заботиться о своей даме.

Я откинулась на спинку кресла и устало прикрыла глаза.

— Несколько дней назад я внесла очередной платеж по ипотеке, — устало сообщила я. — А сегодня у меня должна быть клиентка из администрации города, ей хочется приворожить начальника. И вот я в другом мире, прыгаю через зеркала и плыву на пароходе в компании настоящего принца. Странно, правда?

Кругом не было ничего, кроме синевы неба и таинственной глубокой тьмы моря. Наконец-то я смогла их рассмотреть. Генрих улыбнулся.

— Это, скорее, непривычно. Но вы, кстати, очень хорошо справляетесь.

— Честно говоря, я боюсь, — призналась я. — Боюсь, что сошла с ума, и все это мне мерещится.

Генрих пожал плечами.

— Тогда лучше не бояться, а принимать все, как есть. Вы ведь пока ничего не можете изменить и вернуть, как было? Вот и не огорчайтесь. Просто живите, — он вдруг нахмурился и с искренним удивлением сообщил: — Знаете, я и представить не мог, что меня освободит женщина, которую вытащили из другого мира, чтобы она убила моего отца.

Некоторое время мы молчали. Над кораблем пролетела огромная белая птица, какой-нибудь здешний родственник земного альбатроса. Я отщипнула ягодку того, что напоминало виноград, но было ярко-оранжевого цвета, отправила в рот.

Виноград.

— Я соболезнаю, Генрих. Это тяжело.

Он усмехнулся. Одним глотком выпил вино и налил еще.

— Мы никогда не были особенными друзьями, — сказал он. — У отца всегда было множество других забот. Дела государства, фаворитки, охота и все в том же духе. Я не слишком много потерял с его смертью. Мы слишком мало знали друг друга.

— Тогда я не удивляюсь, что за четыре года он не понял, что с вами что-то не так, — сказала я. Генрих лишь рукой махнул.

— Вместо меня могли бы поставить мешок с мукой, — произнес он, — и то отец вряд ли бы понял, что тут что-то не так.

Груша действительно помогла. Съев еще один ломтик, я окончательно ожила.

— Интересно, что все-таки у вас могут попросить марвинцы, — задумчиво сказала я. Генрих пожал плечами.

— С учетом того, что я теперь полный нелегал с подложными документами от отца Лукаса, это может быть все, что угодно. Например, найти кого-нибудь. Или убить.

— Они же просто аналитическое агентство, — удивилась я. — Зачем им кого-то убивать?

— Вы не представляете, Людмила, насколько тонкая штука местная аналитика, — ответил Генрих. — Иногда какой-то из ее разделов требует убийства.

— Что ж! — ободряюще улыбнулась я. Хотелось верить, что я сейчас выгляжу не слишком страшной. — Тогда я буду подавать вам патроны. А там мы вернем вам корону, даже не сомневаюсь.

Так мы и плыли дальше, разговаривая обо всем и ни о чем и уничтожая запасы варвалинской груши. И на следующий день на горизонте показалась туманная полоска земли — Саалинский халифат.

В шляпке с вуалью, которую перед нашим отправлением принесла одна из помощниц отца Лукаса, была прорезь для глаз. Я пожалела, что в таможенном отделении нет зеркала, дотронулась было до вуали, и смуглый таможенник в белом одеянии, напоминавшем ночную рубашку с красной вышивкой по вороту, тотчас же воскликнул, растягивая гласные:

— Руки, миледи! Опустите руки на стол!

Я послушно положила руки на столешницу. Генрих предупредил меня, что со здешними господами лучше не спорить и делать все так,

как они велят, иначе после таможни можно будет отправиться напрямиком в тюрьму, а здесь она ничем не похожа на курорт.

— Цель приезда в халифат?

— Сопровождаю брата, — ответила я. Таможенник крутил и вертел мой паспорт в толстых пальцах, униженных тяжелыми золотыми кольцами, и мне с каждой минутой становилось все неудобнее. — Он инженер. Будет работать на установке по добыче олеума.

— Значит, сопровождаете брата, — повторил таможенник и бросил в мою сторону очередной цепкий взгляд. — Одинокая женщина на юге это просто маяк для всяких негодяев. Они летят к ней, как мотыльки на огонь. Понимаете?

— Понимаю, милорд, — как можно спокойнее ответила я. — Мой брат защитит меня от всех.

— Брат это хорошо, — согласился таможенник и, вырвав из записной книжки листок, что-то стал писать на нем золоченым карандашиком. — Но одинокой женщине нужен прежде всего муж. Понимаете?

— Понимаю, милорд, — кивнула я. С какой-то стороны ситуация выглядела смешной, но смеяться мне не хотелось.

— Вот и хорошо, — произнес таможенник, вложил листок в мой паспорт и протянул мне. — Меня зовут Али ин Масуд вин Ахмаль. Я буду рад увидеть вас в своем доме. С братом, разумеется.

— Благодарю вас за приглашение, милорд! — ответила я и почти бегом вылетела за дверь.

Рассмеяться я позволила себе только на улице, когда увидела поджидавшего меня Генриха. Тот сидел на скамеечке, попивал кофе из бумажного стаканчика и с красной феской на голове выглядел почти таким же, как халифатские мужчины.

— Что-то случилось? — спросил он, увидев меня. — Вы долго, я начал волноваться.

— Чуть не вышла замуж за Али ин Масуда вин Ахмаля, — ответила я и протянула Генриху паспорт с листком. — Даже не смотрела, что он там написал.

Генрих нахмурился, вынул листок и прочел:

— Малая песчаная улица, дом шесть. И почему мне это не нравится?

— Мне, честно говоря, тоже, — призналась я. — Вроде бы лип ко мне, а взгляд неприятный. Оценивал меня не как женщину, а как... — я замялась, подбирая нужное слово, но так и не подобрала. Генрих понимающе кивнул, и я добавила: — Приглашал нас с вами в гости.

Генрих убрал паспорт и записку во внутренний карман пиджака и ответил:

— Пойдемте отсюда, Людмила. Похоже, от здешней таможни лучше держаться подальше.

Я была с ним полностью согласна.

Аль-Ахнарт, большой приморский город, был ослепительно белым, сухим и солнечным, с густыми брызгами зелени в садах, мелодичным пением священников с высоких башен и статуями существ, чем-то напоминавших осьминогов.

— Кто это? — спросила я, когда мы проходили мимо одной из них. Женщины в глухих белых балахонах клали к ногам чудовища пестрые цветочные бутоны, и казалось, будто оно идет по крови.

— Один из Морских богов, — ответил Генрих. — Я когда-то знал их по именам, но сейчас уже забыл.

— Жуткий, — негромко сказала я. Генрих понимающе кивнул.

— Халифатцы морской народ, — произнес он. — Что видели, тому и молились.

Я невольно поежилась, представив, как такой кракен поднимается из моря в поисках добычи. По счастью скоро мы свернули в очередной проулок, и статуя осталась позади.

Погребок, в который мы спустились, был совсем маленьким. Всего три столика, стойка, за которой белела громада кабатчика, и запах жареной рыбы. Мне невольно вспомнилась похожая разливайка в соседнем с моим доме, только пахло оттуда не рыбой, а проблемами. Воняло на весь район. Мы сели за один из столиков, и кабатчик о чем-то спросил, но я, разумеется, не поняла ни слова. Генрих ответил ему на том же языке, кабатчик кивнул, и Генрих со вздохом вынул из кармана монетку и принялся катать ее по столу — туда-сюда, туда-сюда.

— Что он спрашивал? — поинтересовалась я.

— Чего угодно господам, — ответил Генрих и сказал едва слышно: — Я заказал мидий с лапшой, обязательно с базиликом. Это

блюдо и то, как я катаю монету — знак для марвинцев. Запоминайте, вдруг понадобится.

Я понимающе кивнула, стараясь спрятать подальше нарастающую тревогу.

Лапша с мидиями, кстати, была такой вкусной, что я сама не заметила, как откинула вуаль и опустошила тарелку. Кабатчик оценивающе смотрел в мою сторону, а потом о чем-то сказал Генриху, указывая на меня, и расхохотался.

— Что ему нужно? — сердито спросила я. Генрих улыбнулся, и мне сделалось спокойнее.

— Говорит, что тебе надо кушать по десять таких порций, ты очень худая, — он снова прокатил монетку по столу и произнес: — Знаешь, какие тут красавицы в моде? Дева, ликом подобна луне, взошедшей над морем, ее бедра — подушки шелковые, пухом набиты.

— Ну, до такой девы мне далеко, — невольно обрадовалась я.

Кабатчик принес десерт. Когда я запустила вилку в слоистую пахлаву с орехами и медом, в погребок вошел джентльмен совершенно северной наружности. Бледный и светловолосый, он выглядел угрюмым и больным. На лацкане его пиджака красовалась золотая брошь в виде нефтяной качалки, и я подумала, что это один из инженеров, добывающих олеум. Количество золотых перстней на руках было таким же, как у местных — пальцы едва не ломались.

Незнакомец сел за наш столик, не дожидаясь приглашения, всмотрелся в лицо Генриха и сделался еще бледнее. Потом он спросил:

— Так вы все-таки выжили, ваше высочество?

— Я был в то время совсем в другом месте, — ответил Генрих. Незнакомец понимающе кивнул.

— Рад видеть вас живым. Чем наше агентство может вам помочь.

— Вернуть мне мою корону, — произнес Генрих. — Справитесь?

Лицо незнакомца словно треснуло, выпуская улыбку.

— Справимся, — заверил он. — Сложные случаи как раз по нашей части. Меня зовут Анри Амиль. Я вам помогу.

Из погребка мы отправились на переговоры в такую затертую и неприметную контору, что было страшно смотреть. Возле входа прямо на земле сидел оборванец, постукивая плоской для подаяния, рядом с ним собака грызла мосол. Он мазнул по нам таким взглядом, что я

сразу поняла, что это не просто попрошайка. Амиль замешкался, вынимая из кармана мелочь, и Генрих поинтересовался:

— А то помпезное здание на улице Хамадди? Отец, помнится, говорил, что это ваш главный центр.

Амиль улыбнулся. Монетки зазвенели в плошке, и оборванец затянул какую-то унылую песню.

— Это наш архив. Можете, кстати, заглянуть в свободное время. Недавно рассекретили бумаги по делу тамерского посланника, убитого при штурме посольства. Удивительные стихи он писал, оказывается!

Я невольно вспомнила о Грибоедове.

Вскоре мы оказались в длинном сумрачном коридоре, и Амиль, толкнув одну из дверей, приказал:

— Побудьте пока здесь, миледи. Мы скоро вернемся.

«Проверка», — поняла я.

Всю обстановку комнаты составлял стул. Я села и, не в силах избавиться от ощущения чужого взгляда, стала читать про себя стихи. Когда-то я на спор выучила «Гамлета», и с тех пор это помогало мне сосредоточиться и взять себя в руки.

Да и время можно скоротать.

Проверка заняла около часа. Когда Амиль заглянул за мной, то я заметила, что он выглядит гораздо спокойнее, чем раньше. Вскоре мы уже сидели в крошечном кабинете, пили кофе, и Генрих рассказывал о том, как оказался в клетке. Амиль слушал и водил указательным пальцем по ладони, словно записывал что-то важное. Поймав мой заинтересованный взгляд, он коротко ответил:

— Мнемотехника, миледи. Откуда вы, кстати?

— Это вторая часть нашей истории, — произнес Генрих и тут же спросил: — А что, видно, что миледи не из Аланберга?

Амиль рассмеялся.

— Ну разумеется! Походка, манера держаться и смотреть, да и такая одежда для нее непривычна. Вы, конечно, стараетесь соответствовать, миледи, но от вас за версту разит чужачкой. Не просто человеком из другой культуры. Я бы сказал, что вы вообще из другого мира, хотя это, конечно, невозможно.

— И что мне делать? — нахмурилась я, чувствуя, как краснею.

— Тренироваться и наблюдать, — сказал Амиль. — Обыватели не обратят на вас внимания, они не поднимают головы от земли. Но вот

профессионал всегда заметит и заинтересуется, — он пощелкал по ладони и спросил: — Итак, что же во второй части?

Генрих сделал паузу, словно собирался с духом и боялся, что ему не поверят.

— Людмила действительно из другого мира. Андерс использовал магию для того, чтобы перетащить ее сюда.

Левая бровь Амиля едва заметно дернулась. Я невольно залюбовалась тем, как он владеет собой.

— Для чего же? — поинтересовался он.

— Андерс хотел, чтобы я убила короля, — ответила я. — Его величество Витган был окружен магической защитой, и советник Андерса решил, что я способна ее пробить.

Амиль провел ладонями по коленям, словно стирал написанное, и некоторое время всматривался в меня. Я почувствовала себя даже не обнаженной — он будто заглядывал мне под кожу.

Сердце вдруг заколотилось чуть ли не у горла. Теперь мне стало по-настоящему страшно.

— Что ж, — негромко сказал Амиль. — Пожалуй, я готов вам поверить. И вы действительно волшебница?

— Она смогла открыть зеркала, — с искренней гордостью произнес Генрих, и бровь Амиля снова дернулась.

— Даже так... — кажется, он наконец-то оценил меня по достоинству. — Seriously, seriously. Вы понимаете, что она оружие? И довольно опасное?

Генрих улыбнулся какой-то беззащитной и очень искренней улыбкой.

— Она спасла мне жизнь. Это все, что я понимаю.

Амиль откинулся на спинку стула и какое-то время сидел молча, а потом сказал:

— Что ж, это, конечно, удивительно, но ваша история все проясняет. Я, помнится, очень удивился, когда вы затеяли общение с хелевинцами. Король их ненавидит, а принц завязывает контакты, причем почему-то исключительно с магами, и его отец об этом не в курсе.

Генрих нахмурился.

— То есть, хелевинцы могли нанести тот удар?

Амиль прикрыл глаза.

— У них давно ведутся разработки магического оружия, способного пробивать защиту, — ответил он. — Все страны окутаны ей. Да, ее можно повредить, но пробить так, чтобы уничтожить королевскую семью, испепелив дополнительный щит короля, — Амиль развел руками и вдруг улыбнулся: — Впрочем, мы уже работаем над этим. Надеюсь, через пару месяцев узнаем, что это за разработка. Возможно, — он перевел взгляд на меня, — здесь не обошлось без ваших соотечественников.

— Невозможно, — отрезала я. — В нашем мире нет магии.

Амиль посмотрел на меня так, как смотрят на пустоголовую кокетку, которая говорит какие-то очаровательные пустяки.

— А мы? — спросил Генрих. — Что нам делать?

— Я думаю, вы пригодитесь нашему агентству на другой половине карты, — ответил Амиль, и я подумала, что он как-то успел посоветоваться с коллегами насчет нашей судьбы. — Вам что-нибудь говорит имя Эрика Ланге?

Генрих нахмурился.

— Разве он не погиб во время штурма Хотса?

Амиль едва уловимо улыбнулся.

— Мы все думали, что погиб. Но сейчас у нас есть все основания полагать, что он выжил и спокойно обретается в Фаринте. Возможно, даже ведет практику.

Лицо Генриха неприятно дрогнуло, словно Амиль сказал что-то очень бесцеремонное.

— Практика, — процедил он. — Вот как теперь называется то, чем он занимался.

Амиль одарил его поистине очаровательной улыбкой.

— Привезите нам доктора Ланге, ваше высочество. Живым и здоровым. А мы дадим вам корону Аланберга. Согласны?

Генрих ответил, даже не задумываясь:

— Согласен. Что еще мне остается?

— Мягче! Плавнее! Великие боги, женщина! Ты идешь так, будто у тебя обе ноги в гипсе! Кто тебя вообще учил ходить? Безногий инвалид?

Амиль решил, что вот так сразу нас нельзя отправлять на охоту за Ланге. Доктор был профессионалом и, увидев меня, сразу бы понял, что дело нечисто. После того, как Генрих дал согласие, Амиль

отправил его в архив знакомиться с досье, а меня — в тренировочный зал, где Альма, женщина с бочкообразным телом и угольно-черной кожей принялась за мое обучение.

Альма посмотрела на меня и сказала, что за неделю сделает из этой голодранки настоящую леди.

Я почему-то не была в этом так уверена.

— Не впечатывай так каблуки! Ты леди, а не полковой конь!

Доктор Эрик Ланге действительно был доктором: начинал в качестве хирурга в королевской академии Саатона, а затем, когда между Саатоном и Хевелинской империей разразилась война, принялся работать с пленными и развернулся на полную. Пленных было много, и эксперименты, которые Ланге ставил над ними, можно было назвать только изуверскими.

Он уверял, что им руководят только научные интересы. Особенно когда проверял устойчивость организма к холоду, поливая пленных ледяной водой на морозе. Я же не сомневалась в том, что доктор был форменным психом, безжалостным и циничным. Человеком, который считал всех остальных куклами — а кукол можно разломать, чтобы проверить, что у них внутри.

— Ну вот, уже лучше. Только не надо так махать руками! И не смотри ни в глаза, ни в переносицу! Ты скромная девушка, благородная девушка, а не какая-нибудь шлюха, простите меня Великие боги.

Потом хевелинцы победили, и Ланге сбежал, прекрасно понимая, что его не ждет ничего, кроме петли. Хевелинская разведка искала его по всему миру, но он уходил от них играючи, и тогда император, у которого были свои счеты с Черным доктором, как называли Ланге его жертвы, обратился за помощью к Марвинской секретной службе.

— Носовой платок хранится в сумочке. Кармашек на жилете исключительно для красоты, туда нельзя класть даже мелкую монетку. Шляпку можно не снимать.

По последним данным доктор Ланге сбежал в Фаринт — южную страну, которая славилась целительным климатом, говядиной самого высокого качества и традициями кровной мести. Генрих, который с детства был слаб здоровьем, провел в Фаринте много лет, учился там, отлично знал историю и культуру и говорил без акцента.

— Почему бы не отправить туда профессионала? — поинтересовался Генрих перед тем, как мы разошлись по разным залам. Амиль улыбнулся.

— Потому что вы и есть этот профессионал, — ответил он. — Вы сойдете там за своего. А остальные пока брошены на другие участки.

— А как же Брингель?

— Умер в прошлом году от желтой лихорадки.

Генрих понимающе кивнул и больше не задавал вопросов.

Вечером, когда мы встретились с Генрихом в маленькой столовой, я чувствовала свое тело совершенно чужим. Руки болели, спина, кажется, потрескивала от необходимости постоянно держать идеальную осанку, а ноги гудели. Генрих выглядел угрюмым и полным той злости, которая заставляет рвать врага голыми руками.

— Как вы? — спросила я, наливая ему кофе. Генрих пожал плечами.

— Все это время сидел над досье Ланге. Мы с вами будем искать просто исключительную мразь, Людмила.

Я понимающе кивнула.

— Будем и найдем. Но вы сейчас постарайтесь не думать об этом. На вас лица нет.

Генрих усмехнулся. Отпил кофе.

— Да, я, мягко скажем, впечатлен его подвигами. Страшно.

— А я тут еще о другом думаю, — сказала я. — Что, если у хелевинцев есть такие, как я? Мои соотечественники? И Андерс похитил меня не просто так, а потому, что был уверен: я смогу сделать то, что ему нужно. Все это не теория, а практика.

Генрих пожал плечами. Его лицо было хмурым и бледным.

— Может быть, нам не лезть во все это? — вдруг предложила я. — Вас и так уже похоронили. Может быть, начнем все заново?

Генрих улыбнулся. По его взгляду я поняла, что он благодарен мне за поддержку — но сказанное мной не имеет смысла.

— Я доказал марвинцам, что я настоящий, — ответил Генрих. — Представляете, сколько за эту информацию заплатит дядя Олаф? Тогда они начнут на меня охотиться сильнее, чем на Ланге.

— Они и так могут ее начать, эту охоту, — нахмурилась я. Генрих понимающе кивнул.

— Сейчас я их клиент. А Марвинская секретная служба не разбрасывается клиентами. Особенно теми, кто им полезен.

Я понимающе кивнула. Что ж, раз так, то придется отправляться на поиски человека, который способен развесить наши внутренности на елке. Пока я ходила так, как полагается леди, моя наставница познакомила меня с подвигами доктора Ланге. Конечно, не в тех деталях, что были в его досье, но впечатлений хватило.

— Альма, которая меня учит, сказала, что ей нужна неделя, — сообщила я. — Какова наша легенда?

— Я Виктор Готти, инженер, занимаюсь добычей олеума, — угрюмо ответил Генрих. — Вы моя сестра Милена. Амиль говорит, что это удобнее, чем называть вас женой.

— Ну правильно, — согласилась я. — Вдруг понадобится меня под кого-нибудь подложить? С женой так не поступишь, а с сестрой — только в путь.

Генрих посмотрел на меня, и я не поняла его взгляда.

— Я буду надеяться, что до этого не дойдет, — угрюмо сказал он. «Он что, ревнует?» — удивленно подумала я. То, что я сейчас видела в лице принца, было именно ревностью — чувством собственности, на которую кто-то может покушаться.

— Изучали добычу олеума? — поинтересовалась я, чтобы свести разговор в другую сторону. Генрих улыбнулся — уже мягче.

— Изучал. Это перспективное направление, его надо знать. Так что если мне будут задавать вопросы, я не оплошаю. Но инженер Виктор Готти больше не работает, он поправляет здоровье, подорванное праведными трудами.

— А его сестра? — спросила я. Улыбка Генриха сделалась еще шире.

— Его сестра — светская кокетка, мотовка и прожигательница жизни. Тратит деньги и меняет кавалеров, как перчатки. Справитесь?

— Даже не сомневаюсь, — ответила я, и Генрих снова нахмурился.

Но ничего не сказал.

Фаринт располагался на другом краю карты — чудесная страна вытянулась по боку материка, прижавшись к океану. Когда мы с Генрихом заняли наши кресла в дирижабле, то я невольно подумала о

том, что нас отсылают как можно дальше. Видя мое волнение, Генрих ободряюще сжал мою руку и спросил:

— Как вы, дорогая сестра?

Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Полет продлится десять часов: за это время среди пассажиров найдутся такие отчаянные храбрецы, которые даже выйдут на прогулочную палубу с большими окнами. Я не принадлежала к их числу. Сама мысль о том, что мы поднимемся в воздух в металлическом брюхе золотистого чудовища, внушала мне ужас.

— Я боюсь, — призналась я. — Никогда не летала на дирижаблях.

Генрих посмотрел по сторонам и, убедившись, что возле нас некому подслушивать — пока еще не все пассажиры заняли места — поинтересовался:

— В вашем мире есть воздухоплавание?

— Есть, — кивнула я. — Самолеты, вертолеты... дирижабли вот тоже были. Но я на них летала только два раза.

Тот полет в Испанию, а потом обратно я провела, вцепившись в руку Игоря. В итоге он смеялся, обзывал меня истеричкой и флиртовал со стюардессой, называя меня трусихой и говоря, что такому мужчине нужен кто-то посмелее.

Не знаю, почему я не бросила его прямо в аэропорту.

— Боитесь, — сказал Генрих. Я пожала плечами.

— Денег не было. Ну и боюсь, да.

Генрих улыбнулся и негромко произнес:

— Марвинцы отправляют нас в Фаринт, чтобы убрать чужими руками.

Я понимающе посмотрела на него. За ту неделю, что я провела в тренировочном зале, становясь настоящей леди, эта мысль не раз приходила мне в голову.

Генрих не разведчик. Отправлять его на охоту за монстром как минимум глупо и недальновидно. Если с поимкой доктора Ланге не справились профессионалы, то как должен справиться человек, который четыре года просидел в клетке?

Или это та самая надежда на дурачка? Умные не смогли, значит, дурачок справится?

Да и волшебница из иного мира слишком опасное оружие, чтобы его использовать. Лучше ее устранить и не искать приключений там,

где можно найти смерть.

— Ваш дядя, — процедила я. — Скорее всего, он как-то понял, что Андерс это не вы. И решил разобраться с настоящим принцем Генрихом. Чужими руками, как вы говорите.

Генрих кивнул.

— Давайте пока долетим до Фаринта и устроимся на месте. А там решим, что с этим делать.

Постепенно салон дирижабля заполнился пассажирами, стюарды в голубых пиджаках и красных кепи раздали всем пастилки с невыносимым ароматом мяты и показали пантомиму о том, как надо пристегиваться и вести себя при взлете. Я разорвала обертку, сунула пастилку в рот и зажмурилась. Генрих снова взял меня за руку, и от прикосновения его пальцев мне сделалось легче.

— Я здесь, — шепнул он мне на ухо. — Я здесь, с вами.

— Я рада, — тоже шепотом ответила я.

Я и правда была рада. Впервые после моего развода меня не коробило то, что рядом находится мужчина.

Я не вспоминала о том, что все они сделаны из одинаковой ваты. И не знала, правильно это или нет.

Дирижабль дрогнул всем своим огромным телом, и я поняла, что мы отрываемся от земли. Послышалось восторженное аханье, кто-то из пассажиров заплодировал, а я боялась поднять голову. Так и сидела, почти уткнувшись лбом в спинку соседнего кресла, Генрих по-прежнему держал меня за руку, и от этого мне было легче дышать.

— Все, — шепнул он мне на ухо. — Все, мы уже летим.

Я откинулась на спинку кресла и открыла глаза. Мята заполняла мой рот так густо, что почти начинало тошнить. Остальные пассажиры вели себя самым непринужденным образом. Кто-то вел светскую беседу, кто-то уже направлялся в сторону столов, где стюарды уже выставляли подносы с закусками и вином. Никто, кроме меня, не боялся летать, и, поняв, что я привлекаю к себе ненужное внимание, я решила взять себя в руки и быть как можно спокойнее.

Генрих смотрел на меня с искренней заботой. Я вдруг поняла, что эта забота мне приятна. И сам Генрих тоже. Он нравился мне — я не имела глупой привычки прятаться от своих чувств и всегда принимала их такими, какие они есть.

— Мне правда было страшно, — призналась я. — И спасибо вам, что вы не смеялись надо мной.

Генрих выглядел удивленным.

— Тут не над чем смеяться. У всех свои страхи, — сказал он. — Знаете, у нас пять лет назад появилась удивительная вещь, синема. Это такой экран, на котором показывают движущиеся картинки из аппарата. Вы не представляете, как перепугались зрители, когда прямо на них полетел дракон! Кто-то упал в обморок, кто-то убежал, кто-то стрелял прямо в экран.

Я невольно улыбнулась.

— В моем мире такое тоже есть. И люди тоже испугались в первый раз.

— Ну вот. Страх нас может ждать в самых неожиданных местах, и смеяться над ним лучше потом, а не в процессе, — сказал Генрих и поинтересовался: — Вас не укачивает? Может, перекусим?

Я посмотрела на корзиночки из теста, в которых красовались розоватые ломтики мяса с овощами, и невольно почувствовала голод.

— Отличная мысль, — согласилась я. — Пойду пока... носик припудрю.

Санузел располагался в стороне от пассажирского зала. Потянув на себя дверь с изображением дамы в пышном платье и с зонтиком, я оказалась в роскошной уборной с зеркалами, сверкающими раковинами и картинами на стенах. Отдельная кабинка была пуста. Моя руки под шипящей струей зеленоватой воды, пахнувшей яблоком, я думала о том, что никогда не хотела никаких приключений.

И вот лечу на дирижабле в компании принца. Лечу охотиться на здешнего доктора Менгеле.

И даже надеюсь вернуться живой.

Я оторвала от большого рулона кусок бумажного полотенца, вытерла руки и бросила его в корзину. Надеяться на лучшее — что еще нам остается? Что еще может удержать нас на плаву?

Корзина вдруг дрогнула, упала и покатила по полу, рассыпая скомканную бумагу. По полу мелькнула огненная комета и развернулась — выбросила когтистые лапки, щелкнула хвостом, украшенным шипами, раскинула круглый алый воротник вокруг треугольной головы. Существо было похоже на плащеносную ящерицу

— вот только от них не летят во все стороны темно-синие брызги, прожигающие плиты на полу.

Ящерица распахнула пасть, зашипела и плюнула в меня синим.

Кажется, я закричала.

Плевков ударил в раковину справа от меня, и сверкающий фаянс задымился. Я скользнула в сторону, в панике прикидывая, чем можно ударить или накрыть гадину.

Может, заманить ее в кабинку? А самой бежать и звать на помощь?

Еще один плевков пропалил подол моего платья. Насколько удобнее было бы в джинсах!

Откуда она вообще тут взялась? Я понимала, что ящерица может пробраться на борт дирижабля просто так. Но что-то подсказывало мне, что здесь не обошлось без помощников.

Напала-то она именно на меня. Ту даму в зеленом платье, которая вышла отсюда передо мной, ящерица не тронула.

Может, я пахну по-другому? Раздражаю ее? Или пугаю? Поди знай, какие привычки у здешних ящериц.

— Помогите! — заорала я во всю глотку и, вспомнив одну неприятную историю, прокричала: — Пожар! Горим!

Редко кто бросится спасти девушку из лап маньяка, который схватил ее возле лифта. Никому не хочется стать героем посмертно. Но на крики о пожаре выбегут все, даже глухие и безногие.

Был случай убедиться.

Ящерица разразилась отвратительным писком и затопала ножками, готовя очередной плевков. Платье дымилось. Я попробовала было обежать эту тварь и вырваться в коридор, но ящерица проворно отрезала мне путь. Кажется, она даже увеличилась в размерах.

Зеркало, подумала я, можно попытаться сбежать отсюда через зеркало.

И куда я попаду? В камеру Генриха или ту комнату, в которой меня держал Андерс?

— Спасите! — крикнула я, и ящерица выдала целую очередь плевков.

Платье загорелось. В ту же минуту открылась дверь, в туалет заглянул стюард и, пробормотав что-то исключительно удивленное и неприличное, задал деру. Хотелось надеяться, что он звал на помощь.

Задыхаясь от ужаса и боли, я выбросила руки перед собой, словно пыталась оттолкнуть ящерицу или заслониться от нее, и увидела, как от пальцев разливается голубое зарево.

Последним, что я увидела перед тем, как рухнуть на пол без сознания, была визжащая ящерица, окутанная огнем.

— Осторожно, осторожно. Вот так.

Голоса доносились до меня словно через слой ваты. Я лежала, и лежать было мягко.

Значит, все кончилось?

— Подержите вот тут. Надо смазать.

Прикосновение к колену было прохладным, но за прохладой пришло такое жжение, что я с криком села на койке. Немолодой мужчина в черном мундире с силой удержал мою ногу и произнес, отчеканивая каждую букву:

— Лежите, миледи! Еще немного!

Я увидела на колене толстый слой мази: под ним было черное и красное, и от одного взгляда меня повело в сторону, и я едва не упала с койки. Генрих поддержал: он, оказывается, сидел рядом и смотрел, как врач — я подозревала, что мужчина в мундире был именно врачом — наносит мазь.

— Что случилось? — прошептала я, глядя на Генриха и видя, что он страшно испугался, и этот страх только сейчас начинает разжимать пальцы.

— Беленский огненный змей, — ответил врач. — Я понятия не имею, как он пробрался на дирижабль. Но он несколько раз плюнул в вас, миледи, вы горели.

Черное и красное под мазью на глазах становилось меньше. Теперь чувствовала едва уловимое покалывание. Через несколько мгновений врач провел по колену губкой, и я увидела абсолютно чистую розовую кожу без малейшего следа ожога.

— Спасибо вам, — искренне сказала я. — А что со змеем?

— Вы его испепелили, миледи, — сообщил врач. — Направленный магический удар такой силы, что дирижабль едва не сошел с курса. Кстати, — он снял очки, убрал их в карман и принялся складывать банки и склянки в распахнутую пасть саквояжа. — Рекомендую вам сделать пометку в паспорте о том, что вы

волшебница. В халифатах к этому относятся беспечно, а вот фаринтцы предпочитают знать, с кем имеют дело. Капитан поставит печать.

— Хорошо, — согласилась я, и доктор вышел. Генрих помог мне лечь, набросил на меня покрывало, и я вдруг окончательно поняла, что все это время была в одном белье.

Панталоны и сорочка, причем изрядно декорированные обгорелыми пятнами и не скрывающие ровным счетом ничего. Врача-то не стыдно, он по долгу службы и не такое видел. Но вот Генрих это совсем другое дело.

— Я услышал, как ты кричишь, — негромко сказал он. — Бросился бежать. От той ящерицы осталась только тень на полу. А ты... — Генрих провел ладонями по лицу и признался: — Я испугался, что тебя больше нет. Слава всем святым, у них было достаточно мази от ожогов.

— Я сожгла ящерицу, — прошептала я. — Генрих, она там оказалась не просто так!

— Конечно, — усмехнулся Генрих. — Они очень скрытные и не нападают на людей. А эту натравили на тебя.

— Марвинцы? — спросила я. Генрих усмехнулся.

— Кто же еще...

Некоторое время мы молчали. Я запоздало поняла, что мы перешли на ты, и от этого сделалось как-то теплее, что ли. По большому счету, мы оба были невероятно одиноки — и вдвоем нам было легче переносить это одиночество.

— Что же нам теперь делать? — спросила я. Улыбка Генриха стала светлой и ободряющей.

— Тебе — лежать и приходить в себя, — ответил он. — А мне — поставить метку в твоём паспорте у капитана и принести тебе одежду.

— Спасибо, — сказала я, чувствуя, как между нами сейчас натягиваются тонкие, едва заметные нити. Что это было? Духовное родство, дружба?

— Было бы за что, — Генрих смотрел на меня с теплом и любовью. — Отдыхай.

Я послушно свернулась калачиком под покрывалом и сама не заметила, как погрузилась в сон.

Фаринт утопал в зелени.

Из окон дирижабля он казался зеленым медведем с кудрявой шерстью, который сунул лапы в океан. Возле одной из лап толпились птички кораблей — там был порт.

Город, в который мы приехали, назывался Лакмер. Пройдя таможенную, мы вышли на стоянку экипажей, и Генрих довольно сказал:

— Ну, наконец-то твердая земля под ногами.

Я понимающе кивнула. Теперь можно было жить спокойно, не думая о том, сколько под тобой километров пустоты.

Экипаж повез нас по улице мимо аккуратных, почти кукольных домиков под рыжими черепичными крышами. Город был изящным и каким-то легким — он рассыпал зелень бесчисленных садов, перебрасывал мосты через нитки рек, звенел золотом в магазинах и магазинчиках, и постепенно мое настроение стало таким же легким и беспечным.

— Куда мы сейчас? — спросила я.

— Для нас уже снят гостевой дом в Фалуни, — ответил Генрих. — Элитный район, лучшие люди страны. Там очень красиво.

Я нахмурилась.

— Знаешь, если его оплатили наши друзья из халифатов, то лучше бы нам держаться от него подальше, — сказала я, и Генрих согласно кивнул.

— Разумеется. Но не так сразу. Амиль поймет, что мы начали свою игру, и быстро ее закончит. Тут надо действовать тоньше.

Некоторое время мы ехали молча. Когда экипаж прогрохотал мимо площади с двумя колоннами, утыканными отрубленными носами кораблей, я задумчиво сказала:

— Знаешь, мне кажется, та ящерица была проверкой. Амиль хотел посмотреть, что я могу как волшебница.

— Он мог бы сделать это еще в халифатах, — заметил Генрих.

— Конечно. Но в экстремальной ситуации организм работает по-другому. А ему надо было увидеть меня не на тренировке, а в деле.

— Логично, — кивнул Генрих. — Нам надо придумать, как отказаться от дома. Хотя... — он устало покачал головой, — это может оказаться бесполезным.

Я вдруг подумала, что если Генрих жил здесь, то у него наверняка остались знакомые. И эти знакомые могут его опознать. Впрочем... впрочем, это было давно. Люди меняются. Во дворе моего

университета была автомастерская, и там трудился работяга, похожий на президента, словно брат-близнец. Ну и что?

Ладно, с этой стороны все вроде бы безопасно. Что, если Амиль сотоварищи решат проверить меня как-то еще? Что, если это была не проверка, а попытка убийства? Вернее, даже способ обезоружить Генриха и оставить его одного?

От волнения у меня даже голова начала болеть.

Наконец, экипаж остановился возле маленького уютного дома, белевшего сквозь ветви пышного сада. У гостеприимно распахнутых ворот стоял молодой человек в белом костюме. Увидев нас, он с улыбкой заговорил на незнакомом языке, полном сдвоенных гласных — должно быть, приветствовал гостей.

Я разочарованно подумала, что не стану здешней сокрушительницей сердец, не зная ни слова на фаринтском. И сама не подумала об этом, и Амиль не предложил мне хоть пару уроков. Генрих ответил молодому человеку на том же языке и негромко сказал мне:

— Это Камиль, наш домоправитель. Приветствует нас на фаринтской земле и надеется, что наше путешествие принесет нам только удовольствие.

Камиль доброжелательно улыбнулся мне, и я сказала, глядя в его загорелое лицо:

— Bin't a hharaa vilan, Khamile!

Генрих умудрился сделать вид, что ничего особенного не произошло. Камиль подал мне руку, помогая выйти из экипажа, и произнес:

— Надеюсь, перелет прошел спокойно, миледи?

Теперь я прекрасно понимала его. Что ж, удивлюсь этому, когда останусь наедине с Генрихом, сейчас надо делать вид, будто все в порядке.

— Да, но я ужасно устала. Хочется пообедать и отдохнуть.

— О, господа, разумеется! Обед уже накрыт! — сообщил Камиль и повел нас к дому. Генрих придержал меня под руку и негромко сказал на ухо:

— Ни малейшего следа акцента.

— Сама удивляюсь, — тоже шепотом ответила я.

Могла ли я подумать, когда привораживала дураков к дурам, что магия действительно существует? Что я буду ей владеть?

Меня пугало лишь то, что я не знала границ этой магии. И не понимала, как их узнать.

В какой-то момент это незнание могло бы нас уничтожить.

В светлой столовой действительно уже был накрыт обед. На тарелках расположились гнезда из желтоватой бумаги, в которых красовалась лапша с зеленью и завитками креветок, на огромном блюде были выложены толстые ломти индейки в приятной компании помидор, авокадо и бекона, а в пузатых графинах розовело что-то похожее на арбузный сок со льдом.

У меня даже голова закружилась от голода и запахов еды.

После того, как тарелки опустели, маленькая служанка с поклоном принесла чашечки кофе и десерт — креманки с фруктами и желе. Я смотрела не на разноцветные ломтики, а на ее прическу: башню из волос, увитую пестрыми нитями с бусинками и усеянную белыми и розовыми цветами. Девушка поймала мой взгляд и смущенно поклонилась.

— Какая у вас интересная прическа, — похвалила я. Служанка снова поклонилась.

— Благодарю вас, миледи. Это знак моей семьи, миледи, — ответила она. — На Аранбенском архипелаге все так носят, миледи.

Я улыбнулась, и девушка убежала на кухню. Почти сразу же в столовую вошел Камиль с серебряным подносом в руке и приблизился к Генриху.

— Приглашение, милорд.

Генрих понимающе кивнул, взял с подноса белую карточку с золотым краем и, прочитав написанное, сказал мне на аланбергском:

— Нас с тобой сегодня ждут в гости, Милли. Пишут, что отказ не принимается.

— Кто же? — спросила я, понимая, что игра началась.

— Вице-президент Морского банка Гвен Бринн. Наш дорогой дядюшка не забыл племянника и племянницу. Любишь танцевать?

— Люблю, — ответила я и вдруг вспомнила, что как раз сегодня мне надо было вносить очередной платеж по ипотеке.

Гвен Бринн жил в трехэтажном особняке с видом на море и горы. Глядя на его дом, я невольно подумала о том, что он компенсирует

недостаток размеров в другом месте.

— Напоминаю, ты сокрушительница сердец, — негромко сказал Генрих, когда мы подходили к гостеприимно распахнутым дверям. Я кокетливо ударила его веером по руке и рассмеялась:

— Виктор, ну хватит читать мне нотации! Тот случай с Анри всего лишь сплетни, я не собиралась с ним сбегать!

Генрих довольно кивнул.

Отправляя нас в Фаринт, Амиль снабдил меня несколькими чемоданами платьев. Если та мода, с которой я уже успела познакомиться, была очень сдержанной и в цветах, и в крое одежды, то платье, которое я выбрала для похода к Бринну, спорило с ней до хрипоты. Тончайший шелк, кружево и вышивка, россыпь жемчужин по дерзкому вырезу и юбка, которая мягко окутывала ноги и призывала только к одному: скорее ее снять.

В тех романчиках, которые я, бывало, почитывала от скуки по дороге на работу, пылкий любовник, как правило, разрывал такие платья вместе с бельем. Если бы кто-то решил разорвать это платье, я бы разорвала его самого.

Платье стоило целое состояние. Оно мне очень понравилось. Девушка в зеркале была похожей на меня и в то же время совершенно чужой: свободной, открытой, не привязанной ни к кому и ни к чему. Когда я спустилась в гостиную, то Генрих посмотрел на меня так, словно увидел впервые.

Мне вдруг сделалось не по себе от этого взгляда. Он будто бы говорил, что больше никто не посмеет на меня смотреть. Что я должна принадлежать только одному человеку. Что я...

Но вслух Генрих сказал, разумеется, только одно:

— Вы прекрасно выглядите, Людмила.

Я кивнула и поблагодарила, принимая комплимент.

По здешним меркам гостей было немного: я насчитала всего тридцать. Не бал и не званый вечер, всего лишь ужин в кругу близких друзей. По легенде Гвен Бринн был очень дальним родственником инженера Виктора Готти, который видел племянника двадцать лет назад. Настоящий Виктор Готти сидел в тюрьме в халифатах — он действительно был инженером, но занимался не только добычей олеума, но и перевозкой наркотиков. За такие подвиги его ждала

только казнь, но Амиль умудрился смягчить протокол до пожизненного заключения.

Его сестра уже год жила в гареме одного из шейхов на правах любимой жены. Поменяла веру, поменяла имя и готовилась родить мальчика.

Мне не хотелось идти к Бринну. Нападение ящерицы было цветочками, а в особняке меня могли ждать уже ягоды.

— Господа! — Гвен Бринн оказался громогласным здоровяком, больше похожим на пекаря, чем на финансиста. — Как же я рад вас видеть! Виктор, дружище, не стесняйся, чувствуй себя, как дома! А эта очаровательная юная леди и есть твоя сестра?

— Да, дядюшка, — ответил Генрих, пожимая его руку. — Милли, ты помнишь дядю Гвена?

— Ох, да это вряд ли! — пророкотал Бринн. — Она тогда была совсем еще крошкой. Но так задорно хлопала меня по лысине!

— Надеюсь, вы меня простили за эту шалость, — снова рассмеялась я, понимая, что нужно вести себя как можно непринужденнее, и спросила: — А танцы будут?

— Будут, девочка моя! — воскликнул Бринн и подтолкнул меня в сторону гостей, которые заинтересованно смотрели на нас с Генрихом. — Отдыхай и развлекайся, тут есть приличные молодые люди, не то, что в этих проклятых халифатах. Наконец-то вы вернулись, порадовали старика.

Подхватив Генриха под руку, Бринн куда-то увел его, и я почувствовала, как по животу растекается холод. Гости Бринна смотрели на меня так, что я невольно ощутила себя главным экспонатом на выставке.

Что ж, держаться непринужденно и делать вид, что у меня пустая голова, в которую еще ничего не занесло южным ветром. На мое счастье ко мне подошел слуга с подносом, и я взяла бокал игристого. Это послужило неким знаком для мужчины в белом фраке, который подошел ко мне и поинтересовался:

— Как вам Фаринт, миледи?

Я пригубила вина и посмотрела на незнакомца: ближе к тридцати, начинает лысеть, весь какой-то блеклый и невыразительный. Посмотришь — и сразу же забудешь, что видел. Но выражение этого

лица говорило о том, что его хозяин великий человек, которому сам черт не брат, и все остальные — это грязь у него под ногтями.

Не люблю таких. Насмотрелась. Хотя не спорю, иногда они могут произвести впечатление на тех, кто не ел ничего, слаще морковки.

— Солнечно, — беспечно заметила я. — У нас очаровательный дом в Фалуни.

— О, Фалуни! — воскликнул незнакомец. — Я тоже там живу. Гектор Эбернати, к вашим услугам.

Я одарила Эбернати самой очаровательной улыбкой из всех возможных и поинтересовалась:

— И в чем же именно мне могут пригодиться ваши услуги? Вы продаете бриллианты?

— Нет, я проверяю тех, кто их продает. Я налоговый инспектор, — сообщил Эбернати, и я поняла, где именно видела такое выражение лица, как у него.

Иногда Игорь смотрел точно так же, возвращаясь с работы. Он вершитель судеб людских. Похоже, налоговики одинаковы во всем мире.

— Как это, должно быть, интересно, — снова улыбнулась я. — Но я, к сожалению, ничего в этом не понимаю.

— Могу рассказать, — Эбернати встал ближе, почти на грани позволенного этикетом, и я отмахнулась:

— Ох, нет! Не стоит портить такой очаровательный вечер трескучими цифрами.

— Да, я давно понял, что девушки предпочитают разговоры о бриллиантах, — вздохнул Эбернати, и я легонько стукнула его веером по плечу, заодно делая шагок в сторону.

— Про бриллианты не надо говорить. Их надо носить. А что, там уже накрывают ужин?

Официанты действительно вкатывали в зал столы с таким количеством закусок, что у меня зарябило в глазах. Оркестр, игравший на балконе, даже взял паузу.

— Ваш дядюшка предпочитает исключительно фуршеты, — сообщил Эбернати. — Зачем подавать целую индейку, когда можно нарезать ножку на маленькие кусочки?

— Вы невыносимая злючка, Гектор, — рассмеялась я и снова стукнула его веером. Моя наставница говорила, что этот жест сейчас

исключительно моден и производит на молодых людей просто сокрушительное впечатление. — Капризничать будете у себя дома, а здесь не мешайте другим получать удовольствие...

Я не договорила. Дом вдруг вздрогнул, как живое существо, которое что-то хочет сбросить с себя и не может этого сделать.

Кажется, это были те самые ягодки, о которых я подумала, входя в дом Бринна.

Как там Генрих? Что, если Бринн разделил нас, чтобы уничтожить поодиночке?

— Что это? — мне пришлось схватить Эбернати за руку, чтобы удержаться на ногах, и было видно, что это его обрадовало. Он улыбнулся и ответил:

— Давайте подойдем к окну. Вам понравится.

Гости собрались у огромного окна во всю стену, которое выходило на море. Все переговаривались, смеялись, предвкушая удивительное зрелище, и я надеялась, что мне все-таки удалось сохранить невозмутимый вид.

Море, наполненное всеми оттенками сиреневого, было спокойным и тихим, когда мы подъезжали к особняку. Сейчас же я видела, как далеко-далеко, почти у горизонта, начинает закручиваться серебристо-синий столб смерча. Дымящийся хобот поднимался к небу, и я, кажется, увидела, как от него разлетаются какие-то морские обитатели.

— Боже мой! — только и смогла выдохнуть я. — Что это?

— Смотрите, смотрите! — восторженно выдохнул Эбернати, который времени даром не терял и уже поглаживал меня по руке: нарушение местного этикета, если верить моей наставнице. Но я не стала возмущаться. — Сейчас начнется!

Столб смерча вдруг содрогнулся, заплясал и рассыпался. Замерев от восторга, я увидела, как вода падает вниз, и прямо к берегу мчатся золотые драконы.

Драконы! От восторга я даже дышать перестала. Насколько я могла оценить отсюда, они были не слишком большими, размером с лошадь. Покрытые сверкающей броней, окутанные облачками пара, драконы летели к берегу, то опускаясь к воде и выхватывая рыбину, то взмывая под облака и стрелой падая вниз. Гости восторженно ахали и охали, и господин с черными завитыми усиками и видом победителя женских сердец воскликнул:

— Три драхмы на однорогого! Он победит!

— Кого победит? — спросила я. Усач улыбнулся, одарил меня поистине жарким взглядом и ответил:

— Это брачный танец драконов, дорогая. Смотрите, сейчас появится самка.

— Вот она! Вот! Летит! — пронеслось по толпе гостей, и я увидела еще одного дракона — гораздо меньше остальных, серебряный, он вырвался из воды с тихим курлыканьем и полетел над морем.

Появление самки заставило остальных драконов сперва сбиться в кучу, а потом закружиться над морем, стараясь держаться как можно ближе к ней. Однорогий, на которого поставил усач, был первым. Мягко обойдя соперников, он закружился рядом с драконицей, и ее курлыканье сделалось звонче.

— Понравился, — произнес Эбернати. — Ну вот, сейчас все и закончится.

Серебряный и золотой драконы переплели крылья и камнем рухнули в море. Для остальных это послужило сигналом: драконы один за одним стали погружаться в воду, и через несколько минут море начало успокаиваться. Гости, негромко обсуждая зрелище, направились в сторону фуршета.

— Удивительно красиво, — промолвила я. В мире платежей по ипотеке и торговых центров не было такого — хрупкого, искреннего, живого чуда. Могла ли я представить, что увижу дракона не во сне, а наяву?

— Они так танцуют только раз в год, — сообщил Эбернати, который уже вооружился блюдом с закусками. — Мой лечащий врач говорит, что этот танец, скажем так, стал частью культа водного божества.

Врач? Который разговаривает с пациентом о культах? Эбернати словно бы опомнился, понимая, что это не та беседа, которую стоит вести со светской пустышкой, однако я ободряюще улыбнулась и сказала:

— О, это так интересно! В халифатах мы с братом видели танцующих дикарей на островах. У меня даже записана пара их пословиц!

Эбернати оживился.

— Неужели! Никогда бы не подумал, что вы склонны к этнографии!

— Спасите меня все святые! — воскликнула я. — Такой болезни у меня отроду не было! Как вы сказали, эт-но-графия?

Эбернати улыбнулся.

— Полагаю, вы просто развеивали скуку, — произнес он. Я кивнула.

— Да, от скуки там и правда можно умереть. Брат занимался своим олеумом, а я записывала пословицы.

— Какие же?

— О! — я махнула рукой, вспомнив те пословицы, которыми, бывало, так и сыпала моя бабушка. — Они все исключительно неприличные.

Некоторое время мы отдавали должное креветкам в мундирах из бекона, а потом я поинтересовалась:

— Вы не выглядите больным, Гектор. Зачем вам врач, ну-ка, признавайтесь!

Эбернати снисходительно улыбнулся.

— Мое лицо, дорогая Милли. Некоторое время назад у нас в отделении был взрыв, и мне повредило левую сторону лица. Какая-то дрянь принесла шариковую бомбу, не понравилась ей возможность налоговой проверки.

Я пристально посмотрела на Эбернати, не нашла ни малейшего следа от ран и заметила:

— Надо же, а я была уверена, что у вас вполне мирная профессия. А тут бомбы, взрывы, прямо война! Ну теперь-то, как я вижу, с вами все в порядке?

— Да, — улыбнулся Эбернати. — Доктор Кравен творит просто чудеса со своим скальпелем, — он отвел взгляд и чуть ли не смущенно признался: — А ведь я уже успел поверить, что так и останусь уродом.

— Невероятно! — обрадовалась я. — Гектор, вы просто обязаны познакомить меня с вашим доктором Кравеном.

Эбернати скользнул по мне одновременно удивленным и раздевающим взглядом, словно хотел понять, в каком именно месте мне понадобилась помощь пластического хирурга. Я кокетливо улыбнулась.

— Право же, я не понимаю, зачем он вам, — сказал Эбернати.

— Никому не скажете? — спросила я заговорщицким шепотом. Эбернати прищурился.

— Ни единой живой душе.

— У меня некрасивое родимое пятно, — сообщила я. — На самом интересном месте. Давно хочу свести его, но все никак не найду, в чьи руки отдаться в этом смысле.

Теперь во взгляде Эбернати плавали два кусочка тающего масла. Он явно пытался понять, где именно расположено это пятно. Я одарила его снисходительной улыбкой.

— Договорились, я вас познакомлю, — согласился он. — Но обещайте, что дадите сравнить, как было до, и как стало после!

— Вы наглец, Гектор! — рассмеялась я. — Но продолжайте! Я посмотрю на ваше поведение и решу.

Глава 4

Домой мы с Генрихом вернулись по очереди: я позже, он раньше. Эбернати так и рвался меня проводить, чтобы остаться на чашечку кофе и потом, как и водится, все-таки рассмотреть мое родимое пятно во всех деталях, но я лишь в очередной раз стукнула его веером и прыгнула в экипаж.

— Везунчик ты, Гектор, — услышала я голос одного из гостей, который тем временем тоже проводил свою даму. Ответ Эбернати рассыпался невнятным шумом — экипаж покатило к воротам, и я уже не смогла разобрать слов.

Когда я вошла в гостиную, то увидела, что Генрих сидит на диване, устало вытянув ноги и держа в руке стакан — надо же, с молоком! Я почти рухнула в кресло напротив и призналась:

— Никогда бы не подумала, что ты пьешь молоко.

— Будешь смеяться, но я к нему привык за четыре года в клетке, — признался Генрих и сделал глоток. Его аккуратные усы побелели по краю. — Мои тюремщики в каком-то смысле обо мне заботились. Говорили, что в нем много витаминов, и надо пить.

— Как твой разговор с дядюшкой Бринном? — поинтересовалась я.

— Ну, — улыбнулся Генрих. — Теперь я не работаю с олеумом. Дядюшка устроил меня начальником отдела по связям с общественностью в своем банке. Видишь, как Виктору Готти повезло с родственниками!

— Поздравляю! Великое это дело, богатая и добрая родня, — с искренней радостью сказала я и тотчас же задумчиво спросила: — А что надо будет делать?

Генрих рассмеялся. Он нравился мне таким: спокойным, умиротворенным, расслабленным. Я вдруг подумала, что по моему лицу понятно, что мне нравится смотреть на Генриха — что, если он это увидит и поймет?

Допустим, поймет. Ну и что? Мы тут с ним не для того, чтобы крутить романы и играть в отношения.

Я слишком долго и старательно собирала себя по частям, чтобы все снова разлетелось на осколки.

— Заказные статьи в прессе, — ответил он. — Просветительские лекции. Многие не хотят нести деньги в банк, боятся, что он возьмет и лопнет. И все прочее в том же духе. Знаешь, что здесь самое главное?

— Доступ к именам и счетам на них, — сказала я, и Генрих в очередной раз посмотрел на меня с искренним уважением.

— Ты просто умница, — похвалил он. — Знаешь, сегодня я наблюдал за тобой и даже удивился, как можно настолько хорошо играть пустышку.

— Это было до того, как я пролила вино на Эбернати или после? — уточнила я. Генрих пожал плечами.

— А, так ты и вино пролила? — улыбнулся он. Я кивнула.

— Было дело. Он очень настойчиво хотел посмотреть на родимое пятно у меня с тыла и уже зазывал меня посмотреть какие-то ковры в малой гостиной. Надо было его остановить.

Генрих вопросительно поднял левую бровь.

— Даже узнавать не хочу, как вы до этого дошли. Ты прекрасно вошла в роль, Милли.

Он сказал это таким тоном, что пришла моя пора играть бровями. В его голосе отчетливо прозвучала... ревность?

Нет, ну это невозможно! Это даже нелепо. Генриху просто не к кому ревновать... да и вообще, зачем ему ревновать? Мы просто партнеры по опасному приключению, потому что...

Я окончательно растерялась.

— Зато я узнала, что в Лакмере практикует некий доктор Кравен, пластический хирург, — сообщила я, решив поскорее сменить тему. — Этому Эбернати он восстановил лицо после взрыва, причем так, что ни малейшего следа не осталось. И завтра я пойду с ним знакомиться.

Взгляд Генриха снова изменился: теперь в нем пульсировало нетерпение и злость.

— Думаешь, это Ланге? — спросил он. Я пожала плечами.

— Ланге хирург. Который для забавы сшивал веки своим жертвам. Просто ради практики, — сказала я. — Да, это может быть он. Конечно, мы можем проверять ветеринаров, но лучше все-таки начать с человеческих докторов.

— Боюсь даже спрашивать, зачем тебе к нему, — усмешка Генриха сделалась нервной и кривой.

— Говорю же, родимое пятно в тылу. Это единственное, что можно предъявить пластическому хирургу.

— Вот как, — Генрих залпом выпил молоко, и я самым непринужденным тоном спросила:

— Что-то не так? Мне кажется, ты злишься.

Генрих вздохнул.

— Не знаю. Мне отчего-то не по себе. Очень сильно не по себе.

Значит, все-таки ревнует. Меня тоже мазнуло холодком по плечам. С другой стороны, чему тут удивляться? Генрих четыре года провел в заточении, я была первой женщиной, которую он увидел, но воспитание и благодарность за свое освобождение не позволяют ему идти в атаку и рубить сплеча.

Или же все дело просто в том, что я достаточно нравлюсь ему, чтобы ревновать, и недостаточно, чтобы что-то предлагать.

— Мне, честно говоря, тоже, — призналась я. — Что, если это и в самом деле Ланге? Что мы будем делать, Генрих?

Он ободряюще улыбнулся, поставил стакан и протянул мне руку.

— Иди сюда, Милли.

Мне сделалось одновременно жарко и холодно. Я поднялась и шагнула к нему, запоздало подумав, что в доме могут быть слуги, у которых наверняка ушки на макушке. Генрих взял меня за руку и посмотрел так, что я невольно почувствовала, как ноги делаются ватными.

— Я не позволю ему тебя обидеть, — произнес он, глядя мне в глаза. — Он не причинит тебе ни малейшего вреда. Обещаю.

— Я верю, — ответила я, не сводя с него взгляда. Мне нравилось смотреть на него — и сейчас Генрих это понимал.

«Ты ведь не разобьешь меня?» — хотелось мне спросить. Но я, конечно, не стала спрашивать.

В таком случае ответ немного предсказуем. И не имеет отношения к тому, что все-таки будет потом.

Просто мы все хотим казаться лучше, чем мы есть. И иногда даже сами верим в то, что говорим.

— А если это Ланге? — спросила я, понимая, что Генрих сейчас выпустит мою руку, и этот хрупкий момент единения рассыплется и

растает. — Что тогда?

— Тогда я подаю знак марвинцам. Они забирают Ланге, а я иду забирать свою корону у дяди Олафа, — ответил Генрих и вдруг спросил: — Тебе страшно, Милли?

Я перевела взгляд за окно, где синела южная ночь, полная шелеста сверчков и запахов растений. Конечно, мне было страшно, но...

«Господи, я, кажется, влюбляюсь в него», — подумала я, и это было еще страшнее.

— Да, — кивнула я. — Мне просто никогда еще не приходилось идти в лапы маньяка, вот и дрожу немножко.

Генрих улыбнулся, поднялся с дивана и осторожно, будто боялся спугнуть, погладил меня по щеке. Кажется, во мне все окаменело. Кажется, я перестала дышать.

— Я не позволю тебя обидеть, помнишь? — негромко сказал Генрих и, словно давая отрезвляющую пощечину самому себе, добавил: — Пора спать. Завтра нам обоим рано вставать.

Я кивнула и, не чувствуя под собой пола, пошла к лестнице на второй этаж.

«Все это к лучшему, к лучшему, к лучшему», — твердил внутренний голос.

И я соглашалась с ним и не соглашалась.

Для визита к доктору Кравену я выбрала светлое платье очень скромного покроя. Никаких глубоких вырезов, никаких кружев, только умеренность и аккуратность. Я иду к врачу, а не на гульки.

Генрих, который с утра отправлялся на работу в банк, скользнул по мне оценивающим взглядом, и я увидела, что он одобрил мой выбор. Кажется, вот такая я, спокойная и скромная, никому не бросающая вызов, нравилась ему намного больше.

Я выругалась про себя. Какая мне, в конце концов, разница, что нравится Генриху, а что не нравится? Что мне до того?

— Красивое платье, — заметил Генрих. Я улыбнулась и тотчас же сделалась серьезнее.

— Иду на прием к тому, кто, возможно, окажется чудовищем, — сказала я. — Надо будет постараться не выдать себя, если что.

Генрих ободряюще погладил меня по плечам, и мне вдруг захотелось, чтобы он не убирал рук. Мне так было легче. Я так чувствовала себя живой. Настоящей.

— В кабинете врача все волнуются, — произнес он и вдруг с неожиданным смущением поинтересовался: — У тебя там правда есть родимое пятно?

— Правда, — ответила я. — Но не родимое пятно, а крупная родинка. И не на заду, а под лопаткой.

Генрих рассмеялся.

— Боюсь, твой новый знакомый будет разочарован!

Я только руками развела.

— Имею же я право на определенное кокетство!

Генрих улыбнулся и потом заговорил уже серьезно:

— Ничего не бойся, Милли. Все будет в порядке, он не причинит тебе никакого вреда. Ты мне веришь?

— Верю, — ответила я. — И знаешь, мне очень нравится, когда ты называешь меня «Милли».

Улыбка Генриха сделалась еще шире, словно я сказала что-то очень хорошее. Нет, надо держать себя в руках, мы всего лишь друзья, которые делают одно очень важное дело, и остальные чувства могут все только испортить.

А я не хотела ничего портить. С меня хватило Игоря.

На том мы и разошлись. Генрих отправился в банк, а я села в гостиную с модным журналом и стала ждать Эбернати. Судя по пестрым статейкам, в моду снова входил античный стиль с пояском под грудью, а само платье нагло укорачивалось до колен.

Ну и правильно. Не все же подметать им дорожную пыль...

Эбернати примчался ровно в девять, и по его встрепанному виду было件нятно, что он всю ночь проворочался, представляя, где именно у меня находится пятно. Я протянула ему руку для поцелуя и сказала:

— Ну что, мой дорогой? Будете умницей?

— Буду! — воскликнул Эбернати так, словно после визита к врачу планировал визит ко мне в спальню.

— Тогда везите меня к вашему замечательному доктору, — я вздохнула и дотронулась веером до виска, выражая крайнюю взволнованность. — Я так переживаю, Гектор!

— Незачем, — ободрил меня Эбернати. — У доктора Кравена золотые руки. Да вы и так это видите, я пример его искусства.

Доктор Кравен практиковал в районе с поэтическим названием «Белые сосны». По словам Эбернати это был сосновый заповедник, где

власти разрешили точечную застройку, и доктор Кравен построил здесь свою клинику. Это было белое двухэтажное здание, и, когда мы вышли из экипажа у ворот, мне почему-то сделалось холодно, несмотря на жаркий день.

Внутри это была самая обычная больница. За столом в приемной сидела девушка в белом халате и такой же белой шапочке, за ее спиной стоял аккуратный шкаф с медицинскими картами. Увидев нас, она доброжелательно улыбнулась и сказала:

— Здравствуйте, господин Эбернати! Как ваша челюсть?

Эбернати дотронулся до лица и с гордостью сообщил:

— Даже не ноет! Доктор Кравен творит чудеса.

Спустя несколько минут ожидания на диванчике меня пригласили в кабинет доктора. Я со вздохом встала и, посмотрев на Эбернати, сказала, не скрывая волнения:

— Надеюсь, это будет не очень больно.

— Не волнуйтесь, моя дорогая! Доктор Кравен просто волшебник.

Что ж, хочется верить...

Кравену было около пятидесяти. Рыжеватые волосы, уже начинающие выпадать, были зачесаны назад, в аккуратно подстриженной бороде были седые мазки, бледно-голубые глаза смотрели так, что я сразу же ощутила себя не просто обнаженной, а препарированной.

Эрик Ланге был блондином. Тощим, крючконосым, с торчащими ушами. Вроде бы ни малейшего сходства между ними не было, но я все равно чувствовала, что здесь что-то не так. Я не могла сказать, что именно, но колокольчик тревоги в моей голове так и заливался нервным звоном.

— Надеюсь, Гектор не слишком вас напугал? — с улыбкой спросил Кравен после обмена любезностями и моего краткого рассказа о том, что именно мне понадобилось у врача. — Он склонен преувеличивать свои страдания и мое мастерство.

— Я не из пугливых, доктор Кравен, — призналась я. — Тем более, зачем бояться врача?

— Разумный подход, — одобрительно произнес Кравен. — Что ж, давайте посмотрим на вашу родинку.

— Беда в том, что ее постоянно цепляет корсет, — сказала я, раздеваясь за ширмой. — И я боюсь, что она может разрастись. Или

переродиться в опухоль. Лучше уж удалить, тем более, в умелых руках...

Только сейчас мне стало по-настоящему страшно. Родинка действительно мне мешала со здешней одеждой, но вот так вырезать ее... Кажется, я сваляла дурака.

Кравен осмотрел родинку, отошел к своему письменному столу и велел мне одеваться. Я вздохнула с облегчением: значит, резать меня будут не сейчас.

— Элементарный случай, — услышала я его голос из-за ширмы. — Сегодня и завтра у меня уже все занято, так что давайте запишем вас на послезавтра, на десять утра.

— Договорились, — чуть ли не с радостью ответила я. — Спасибо, доктор Кравен!

— Рекомендую вам избегать открытого солнца, — посоветовал доктор, заполняя мою карточку. — И воздержитесь от спиртного до операции и еще три дня после. Как там у классика говорится, не пей вина, Гертруда...

Я поблагодарила доктора и вышла из его кабинета, надеясь, что у меня получается скрывать дрожь и ватные ноги.

Не пей вина, Гертруда?! Откуда он, черт его побери, может знать Шекспира?

- Он попаданец! Он такой же, как я!

Когда Генрих вернулся домой на обед, я бросилась к нему и рассказала все о визите к доктору Кравену. От обеда Генрих сразу же отказался; он задумчиво мерил шагами ту комнату, которую отвел под кабинет, и я видела, насколько сильно он взволнован.

— То есть, он процитировал вашего классического поэта?

— Да!

Генрих еще раз прошел по кабинету и задумчиво запустил обе руки в волосы.

— Два варианта, — сказал он. — Либо доктор Кравен сделал это случайно, просто всплыла в голове цитата в тему. Либо он как-то понял, что ты тоже попаданка. И подал тебе знак. «Я вижу, кто ты, посмотри, кто я». Как он мог это понять?

Некоторое время я сидела молча, а потом решительно принялась раздеваться. Генрих смотрел на меня так, словно я потрясла его до

глубины души, и он ожидал чего угодно, только не этого. Его взгляд потемнел, пальцы нервно забарабанили по спинке кресла.

— Вот! — сказала я и продемонстрировала ему свою левую руку. — Видишь этот след? Это от прививки. Первое: ее делают в моей стране. Второе — Кравен мой соотечественник, раз опознал ее. Если это, конечно, не совпадение. Но он осматривал меня и заметил шрам.

Генрих кивнул, и я стала одеваться. Дурацкое платье, сколько раз за сегодня я его снимала и надевала!

— Что ты сделала после того, как он это сказал? — поинтересовался Генрих.

— Ничего. Поблагодарила за прием и ушла. Он будет удалять мне родинку послезавтра, — меня вдруг накрыло такой волной паники, что руки затряслись. — Генрих, что делать?

— Для начала успокоиться, — Генрих опустился рядом со мной на диван, взял меня за руки, и мне действительно сделалось легче. Мы рядом, мы вместе, мы со всем справимся и разберемся. — Веришь?

— Верю, — кивнула я. Страх постепенно разжимал пальцы. — Так что нам все-таки делать?

— Я сегодня по долгу службы заглянул в банковские счета господина Кравена, — сообщил Генрих. — И выяснил, что два года назад ему мелкими платежами перевели достаточно серьезную сумму из Саатона. Хотя, если верить тому, что написано в документах при оформлении счета, он всю жизнь провел в Фаринте.

— Возможно, друзья или родня, — предположила я. — Но мне кажется, это кто-то из тех, кто спонсировал и одобрял его пытки пленных хевелинцев.

Некоторое время мы с Генрихом смотрели друг на друга и пытались уместить в головах все сказанное. Доктор Ланге действительно жил и работал в Лакмере. Он, вдобавок, оказался таким же как я, попаданцем из другого мира, и дал мне это понять.

— Знаешь, что мне не нравится? — сказала я. — То, что все произошло очень быстро. Не успели мы приехать, как нам уже поднесли Ланге на блюдечке! Твой дядя сразу же устроил тебя в банк, где ты смог пошарить по платежкам. Меня принялся окучивать Эбернати, стоило мне войти в дом. И вот он, военный преступник, берите и кушайте его с маслом. Профессионалы Марвинской

секретной службы и хелевинской разведки не сделали того, что с лету смогли сделать два простачка? Уж прости, я в такое не поверю.

Люди, которые прикрывали Ланге и обеспечивали ему тихую и спокойную жизнь, просто позволили нам найти его. Я была уверена, что следующим номером программы будет смерть от руки доктора. Причем эта смерть будет долгой и мучительной — вряд ли Ланге откажется от возможности потренироваться. Генрих устало провел ладонями по лицу. Я вдруг почувствовала, насколько его вымотали все эти дни.

— Знаешь, я сейчас очень хочу просто встать и уехать, — признался он. — Скрыться так, чтобы не нашли, и плевать на корону. Нас с тобой хотят убить, Милли. Амиль, возможно, отстучал телеграмму дядюшке Олафу, когда убедился, что я это я, и тот дал команду прибрать меня чужими руками на другом краю света. Чтобы я уж точно не выплыл ни при каких обстоятельствах.

Я взяла его за руку, положила голову ему на плечо, вздохнула. Что бы я сказала своему клиенту в такой ситуации? Что нужно не падать духом, верить, что все будет хорошо, и продолжать действовать.

Но Генрих не был моим клиентом. За эти дни он стал моим другом, а друзьям надо говорить совсем другие вещи.

— Чего они ждут от нас? — спросила я. — Что послезавтра я приду на прием и попробую как-то прощупать Ланге, убедиться в том, что он — это именно он... Слушай, Генрих, но они ведь не похожи! Доктор Кравен совсем другой.

— Если ты скрываешься, то изменишь внешность, — сказал Генрих, задумчиво поглаживая меня по руке. — Вот он и изменил ее... Но почему он все-таки дал тебе знак? Ему бы сидеть тихонько и не отвечать. А он, считай, раскрылся полностью.

Я почесала кончик носа. Могла ли я месяц назад предположить, что попаду в другой мир и заодно в шпионскую историю? Да мне бы такое и во сне не привиделось! И вот теперь думай, что делать с секретными службами разных стран и доктором Смертью впридачу.

— Что, если он решил играть от себя? — спросила я. — И мы ему зачем-то понадобились?

— Поди знай, зачем, — вздохнул Генрих. — Впрочем... почему бы и нет?

Я посмотрела на него и вдруг рассмеялась.

— Мне кажется, у тебя появилась какая-то идея, — сказала я. Генрих кивнул.

— Ты умеешь кататься на лошади?

— Нет! — воскликнула я. — Я их боюсь.

— Прекрасно, — довольно ответил Генрих. — Значит, поедешь на верховую прогулку.

— Вот так, миледи, правильно. Шершень очень спокойный конь, не бойтесь.

Доктор Кравен любил верховую езду, оплачивал абонемент в конном клубе, и сегодня я пришла туда в надежде на беседу с доктором в непринужденной обстановке. Надо было понять, была ли цитата из Шекспира случайностью, или же он действительно подавал мне знак.

Рыжий конь по имени Шершень и правда был спокойным и каким-то сонным. Самое то для тех, кто боится лошадей. Я сидела на его спине, судорожно вцепившись в рожок седла, и юный сотрудник конного клуба, который осторожно вел коня, иногда косился в мою сторону с насмешливым блеском в глазах.

Я его забавляла, и это неудивительно.

Впрочем, он никак не показывал, что ему смешно. И это тоже неудивительно. Деньги творят чудеса.

Не знаю, каким святым чудом мне все-таки удалось расслабиться. Шершень и правда был спокойным конем, двигался плавно и ровно, и через четверть часа занятий мне даже стала нравиться верховая езда, пусть мы пока всего лишь шли по дорожке в той части парка, которая отводилась для всадников.

Кравен должен был появиться здесь с минуты на минуту. Я достаточно осмелела, чтобы смотреть по сторонам, и наконец-то увидела, как доктор выезжает из-за деревьев на тонконогом вороном красавце-коне. Стоило ему появиться, как я негромко сказала:

— Давай, как договаривались.

Паренек кивнул. Серебряная монета в кармане сделала его сговорчивым. Должно быть, он решил, что я имею определенные виды на доктора и придумала, как прибиться к нему поближе.

Что еще тут можно было решить?

Я так и не поняла, что именно сделал мой сообщник, но Шершень вдруг рванул вперед с такой скоростью, словно ему дали хорошего пинка. Заорав дурным голосом от страха, я соскользнула с седла,

передо мной все завертелось в зеленом водовороте, и я лишь успела подумать, что при падении не переломаю ребра или еще хуже, шейку бедра.

Потом стало темно.

Потом я почувствовала, как меня хлопают по щекам, и голос доктора Кравена сердито произнес:

— Ты-то куда смотрел, ворона?

— Да я сам не знаю, что с ним случилось, ваша милость! Ведь тихий же конь, спокойный! Мы его всегда для новичков ставим, — оправдывался паренек. — Хоть бы она не убилась!

— Не убилась, — проворчал доктор Кравен, и я почувствовала, как меня поднимают на руки и куда-то несут.

— Коня-то поймай, — бросил Кравен через плечо. Должно быть, Шершень так и бегал среди деревьев.

— Что... случилось? — пробормотала я, приоткрыв глаза и застонав. Мне было в самом деле больно, хотя я, судя по всему, умудрилась приземлиться удачно.

— Вы упали с лошади, Милена, — ответил доктор Кравен. — Не уверен, но мне кажется, у вас треснуло ребро.

Я заплакала. Только сломанного ребра мне недостает!

Спустя несколько минут мы уже были в здании конного клуба, в отдельном кабинете, который нам сразу же уступил директор, перепуганный тем, что благородная дама, возможно, покалечилась в его заведении. Я не переставала плакать — сейчас мне действительно казалось, что у меня сломано ребро, и боль в боку усиливалась с каждым движением.

— Вы сможете снять рубашку и жилет? — спросил Кравен, обтирая руки полотенцем. Я кивнула и со стоном принялась расстегивать пуговицы.

— Здесь страшная скука, — пожаловалась я. — Виктор посоветовал поучиться верховой езде, и вот чем это кончилось...

— Не знаю, что на это ответить, — сказал Кравен. — Я вот работаю, и мне никогда не скучно.

— Работать? — с ужасом спросила я. — Ох, только не это!

Вскоре Кравен осмотрел меня, нашел только ушибы и ни единого перелома, и я заметила, что он бросил пристальный взгляд на мою левую руку.

— Как я? — всхлипывая, поинтересовалась я. Доктор ободряюще улыбнулся и произнес:

— Все не так страшно, как кажется. Проведете денек в кровати и будете, как новенькая. И я еще выпишу вам мазь от ушибов.

— Какая досада! — вздохнула я. — Я как раз собиралась на пикник со своими новыми друзьями.

Кравен прищурился.

— Ты в силе — и друзей хоть отбавляй, Ты в горе — и приятели прощай, — произнес он. — Думайте о себе, Милена, а не о тех, кто хочет поживиться за ваш счет.

Мне казалось, будто у меня в животе зазвенела туго натянутая струна.

— Но кончу тем, откуда начал речь: не может жизнь по нашей воле течь, — проговорила я, понимая, что могу и не выйти из этой комнаты. Тогда Генриху останется лишь отомстить за меня. Как жаль, что это совсем не утешает.

Кравен рассмеялся.

— Вы русская? — спросил он по-русски. Деваться было некуда. Я кивнула.

— Вы тоже, как я вижу, — ответила я, стараясь держаться спокойно и непринужденно. Кравен улыбнулся.

— Кто бы мог подумать, что встречу соотечественницу в другом мире, — произнес он. — Как вас угораздило?

— Провалилась, когда пошла на обед, — ответила я. Нет, я точно не выйду отсюда живой. Прощай, Генрих. — А вы?

— А меня сбила машина, — сказал Кравен, глядя мне в лицо так, словно хотел увидеть кого-то знакомого. — И я очнулся на мелководье, хорошо, что не захлебнулся.

Некоторое время мы молчали. Затем Кравен произнес:

— Вы в опасности, Милена. Вы и ваш брат. Я попробую вам помочь, но мне нужна правда. Что именно вы ищете в Фаринте?

— Военного преступника, — ответила я, не сводя с него взгляда. Доктор Кравен и бровью не повел. — Вашего коллегу, в некотором смысле. Доктора Эрика Ланге.

Кравен понимающе качнул головой.

— Тогда все намного проще. А то Гвен решил, что ваших хозяев заинтересовали его дела с белым льдом.

— Белый лед? — переспросила я. — Это еще что такое?

— Наркотик, — коротко ответил Кравен. — Ваш дядюшка держит торговлю по всему материку. Конечно, он забеспокоился от внезапного появления племянников, которых, говорят, повесили в халифатах.

Кажется, пришла пора вздохнуть с облегчением.

— Нам нужен только Ланге, доктор Кравен, — ответила я. — Помогите.

— Помогу, — кивнул Кравен. — Я делал ему пластику лица.

«Вот откуда взялись деньги на его счету», — подумала я. Кравен поднялся со стула и протянул мне руку, помогая встать.

— В следующий раз придумайте что-то другое, а не падение с лошади, — посоветовал он уже на фаринтском так, словно кто-то подслушивал нас. — Вдруг я тогда не окажусь рядом, чтобы вам помочь?

— Хорошо, доктор, — холодно ответила я. — Разумеется.

Кравен подцепил со стола листок бумаги для записей и карандаш и быстро что-то написал и сунул листок мне в руку.

— Завтра, — едва слышно прошелестел он. — Я дам вам его портрет.

— То есть, он действительно попаданец, и он не Ланге? — уточнил Генрих.

Мы встретились возле банка: несмотря на заверения Кравена в том, что все в порядке, у меня по-прежнему ныло в боку. Генрих оценил мое состояние и предложил отдохнуть в каком-нибудь приятном месте.

— Именно так, — ответила я, пригубив густого вина. — И мы с тобой умудрились влезть в здешнюю наркоторговлю.

Приятное место оказалось маленьким кафе, высеченным прямо в скале. Отсюда открывался великолепный вид на море, бухту и сосновый лес, а диванчики были завалены мягкими подушками так, что я смогла устроиться вполне удобно. Генрих и в самом деле умел выбирать места для свиданий.

Интересно, с кем он встречался раньше? Кого любил?

Я тотчас же напомнила себе, что у нас не свидание. Несмотря на хорошее вино и фрукты, несмотря на то, что в этой части кафе-пещеры мы совершенно одни, несмотря на то, что Генрих сидит так близко, и у

него какой-то новый одеколон, с приятным травянистым запахом — нет, это не свидание.

И те женщины, которые ему нравились и отвечали взаимностью, тоже большой кусок не моего дела. Незачем и думать об этом.

— Твой дядя сразу понял, что дело нечисто, — продолжала я. — Он был уверен, что Виктор и Милена Готти повешены в халифатах, а тут мы свалились ему на голову! Кравен сказал, что Гвен Бринн курирует наркоторговлю по всему Фаринту, и мы его, мягко говоря, заставили насторожиться. Какой-то белый лед.

— О, — понимающе протянул Генрих. — Серьезная вещь. В Аланберге стоит баснословно дорого.

— Пробовал? — поинтересовалась я. Генрих посмотрел так, словно я сказала невероятно глупую и обидную вещь.

— Ни в коем случае, — ответил он. — Я не такой дурак, чтобы разрушать себя собственноручно.

Я ободряюще улыбнулась.

— Поэтому ты и выстоял.

Генрих сделал глоток вина и спросил:

— Как ты себя чувствуешь? Ты сильно ударилась?

— Ты об этом спрашиваешь уже восьмой раз, — с улыбкой заметила я. — Все в порядке. Ушиблась, конечно, но без последствий. Думаю, моему соотечественнику можно верить.

У нас не свидание. Я сказала себе об этом еще раз. Но Генрих смотрел на меня так, словно это было именно оно. Словно это было что-то намного важнее и глубже, чем свидание.

— У Кравена остался портрет Ланге, — сказала я жестче, чем планировала. — Мы получим его новое лицо и отправимся на поиски. Честно говоря, мне хочется держаться подальше от нашего с тобой доброго дяди.

— Мне тоже, — признался Генрих и вдруг рассмеялся. — Забавно получается! Гвен Бринн ведет свои дела, живет спокойно, и тут вдруг мы. Я понимаю, почему он так напрягся.

— Говорил с ним сегодня? — спросила я. Генрих кивнул, и я неожиданно обнаружила, что он держит меня за руку. Мягко, осторожно, словно боясь причинить боль.

Это прикосновение одновременно успокаивало и заставляло дрожать. С момента нашей встречи прошло совсем немного времени

— и мы стали слишком близки друг к другу. Слишком быстро, слишком близко.

Мне стало страшно, и я сама не знала, чего так боюсь.

— Говорил, — ответил Генрих. — Мы вели вроде бы деловую беседу, но он умудрился полностью меня проверить. Задавал важные вопросы вроде бы вскользь, но так, что не ответить было нельзя.

Мне сделалось холодно. Я села поудобнее и попробовала освободить руку так, чтобы это выглядело максимально естественно. Внутренний голос сказал с интонациями одной из моих клиенток, что надо перестать ломаться, когда рядом с тобой мужчина, который, возможно, скоро наденет корону.

Королевой станешь! На трон сядешь! Ничего себе прыжок из провинциальной грязи в иномирные князи, правда?

— А ты? — спросила я. Сейчас мне было страшно и за себя, и за Генриха. Но, судя по тому, что мы сейчас сидели в кафе, а не лежали где-нибудь в подвале с простреленными головами, все прошло хорошо.

— А я не оплошал, — признался Генрих с довольным видом. — И почти дословно пересказал ему то, что однажды говорил настоящий Виктор Готти перед тем, как уехать из Фаринта.

— Что же это было?

— То, что человек, который заменил ему и Милли отца и мать, обязательно будет им гордиться, — произнес Генрих. — И сказал, что я и сейчас не подведу его.

Я понимающе кивнула. Что ж, нам пока везло. Возможно, Бринн успокоился.

— Знаешь, что я думаю? Что Эбернати свел меня с доктором Кравеном как раз для того, чтобы он меня осмотрел и опознал Милену Готти. Возможно, у нее был шрам или родинка. А Кравен понял, что я его соотечественница, подал мне знак и решил не выдавать, — я вдруг поняла, что мой бокал опустел. — Мы оба живы, Генрих. Нам пока верят.

— Вот и замечательно, — улыбнулся Генрих. Над морем что-то мелькнуло, и я подумала, что это драконы снова начинают свой танец. Но нет, просто пролетела птица. Внизу, на площадке, огороженной перилами, собирался оркестр, и музыканты потихоньку готовились к выступлению.

— Тут будут танцы? — спросила я. Генрих кивнул.

— Будут. Любишь танцевать?

— Я не умею, — призналась я. — Не пришлось научиться, а теперь уже поздно.

— Не поздно, — улыбнулся Генрих. — И это совсем нетрудно, я тебя научу. А начать можно...

Когда я поняла, что он меня целует, то, кажется, перестала дышать. Прикосновение чужих губ к моим губам было таким любящим, таким трепетным, что струна, которая натянулась в моей душе, зазвенела и оборвалась. Я откликнулась на поцелуй и вдруг почувствовала, что мы с Генрихом скользим куда-то в сторону, падая и сбивая столик с бокалами и фруктами.

Бутылка вина разбилась, я обмякла на полу, и стало совсем темно.

Глава 5

Сознание возвращалось постепенно.

Сперва я услышала какие-то далекие тени голосов. Потом из белого марева, в котором я плавала, стали проступать серые пятна. Потом я услышала голос доктора Кравена:

— Сейчас придет в себя.

Я выскользнула из обморока и сразу же закрыла глаза. Надо было сориентироваться и для начала понять, где я, и что происходит. Подвела нас с Генрихом та бутылка вина, ох, как подвела...

Меня похлопали по щекам, и доктор Кравен сказал:

— Милена, я вижу, что вы очнулись.

Пришлось открыть глаза. Я увидела, что лежу на грязном полу, поняла, что онемевшие руки связаны за спиной, и заерзала, пытаюсь подняться. Доктор Кравен помог мне сесть, привалил спиной к стене, словно куль. Я увидела, что нахожусь в просторном помещении без окон. Свет разгоняла маленькая лампа, в которой кружились золотые светлячки.

Я видела в кино, как герои оказываются в подвале у злодея, но и представить не могла, что сама сюда попаду.

— Что случилось? — шепотом спросила я и сразу же услышала тяжелые удары откуда-то из-за стены и сдавленный стон Генриха.

Генрих!

— У нас мало времени, — едва слышно произнес Кравен и молниеносным движением провел по моим губам, вложив в рот пилюлю, которая сразу же растаяла. — Сейчас вас начнут допрашивать. Рассказывайте только правду, все, как есть. Иначе я ничем не смогу вам помочь.

— Правду? — переспросила я. — Дядюшка Гвен хочет услышать о том, что я попаданка?

Кравен кивнул.

— И это тоже. Нам нужно выгадать время. И обязательно попросите у него воды!

Я больше не успела ни о чем подумать: из-за стены вышел добрый дядюшка Гвен в компании Эбернати. Сейчас милашка Гектор не

выглядел убогим и жалким неудачником: это был хищник. Пусть мелкий, но все же.

— Ну как она? — спросил Бринн. Кравен выпрямился, выдернул из кармана белоснежный носовой платок и принялся вытирать руки.

— Пришла в себя, как видите. Я еще раз осмотрел ее, шрама там и в самом деле нет.

Бринн нагнулся ко мне и, уткнув горячую мокрую ладонь в затылок, пригнул мою голову чуть ли не к полу.

— У Милли был шрам на шее, — угрюмо произнес он. — Вы правы, доктор.

— Что вы делаете? — прошептала я, чувствуя, как на глаза наворачиваются вполне искренние слезы. — Что происходит?

Бринн выпрямился и некоторое время рассматривал меня с цепким интересом людоеда. Потом он поинтересовался:

— Хочешь выйти отсюда живой?

— Хочу, — с готовностью кивнула я. Еще бы я не хотела!

— А тогда рассказывай! — чуть ли не весело предложил Бринн. — Кто ты такая, кто он такой, что вам нужно на Фаринте, и кто вас сюда, таких ловких, отправил?

— Хорошо, — согласилась я. — Я все расскажу, только попить дайте.

— Дайте ей воды, — тотчас же поддержал меня Кравен. — Эфаол вызывает быстрое обезвоживание, она может умереть, ничего не рассказав.

Бринн кивнул, и Эбернати присел на корточки и поднес к моим губам флягу. Вода оказалась свежей и ледяной до ломоты в зубах. Я сделала несколько глотков и поклялась себе, что выберусь отсюда живой.

И Генриха вытащу. Нам оно не в первый раз.

— Я тебя внимательно слушаю, — чуть ли не дружелюбно произнес Бринн. Я села поудобнее, насколько это, конечно, было возможно, и ответила:

— Меня зовут Людмила Захарова, а не Милена Готти. Принц Генрих использовал магию, чтобы выдернуть меня из моего мира для того, чтобы я убила его отца, — в горле сделалось горячо и сухо, и на мгновение мне показалось, что я куда-то падаю.

Я качнулась и завалилась набок. Руки стало жечь.

Бринн посмотрел на меня так, словно я бредила.

— Что? — выплюнул он. — Из твоего мира?

— Да, — ответила я. — Я родилась не здесь. Не на этой планете. Генриху нужна была иномирная волшебница, чтобы пробить магическую защиту его отца. Ну вот она я...

Тяжелое лицо Бринна налилось красным. Некоторое время он стоял неподвижно, а потом принялся ходить по подвалу, словно не мог понять, говорю ли я правду, брежу или просто смеюсь ему в лицо. Наконец, он подошел ко мне и с размаху ударил ногой в живот.

Я заорала от боли. На мгновение перед глазами схлопнулся серый занавес обморока, но Бринн выбил меня из него еще одним ударом.

— Ах, ты, сука, врать мне решила? Сказки рассказывать? За дурака держать? — он побагровел от ярости так, что я подумала, что его вот-вот хватит удар. — Кто вас сюда послал? Малетти? Марвинская секретная служба?

— Я не знаю никакого Малетти! — прокричала я, обливаясь слезами. — Я не знаю никаких секретных служб! Меня выдернули из моего мира, и я просто... — жжение в горле сделалось невыносимым, но я все-таки смогла прохрипеть: — Я просто хочу вернуться домой!

Мне казалось, что еще немного, и я задохнусь. В горле словно поселился дракон, готовый выплевывать пламя.

— Господин Гвен! — испуганно прокричали из-за стены. — Смотрите! Что это с ним?

Бринн дернулся было в сторону выхода, но Эбернати придержал его за руку и, раскрыв от удивления рот, показал в мою сторону. Бринн замер, уставившись на меня, и я увидела, как мои ноги делаются прозрачными.

— Что за... — оторопело выдохнул Эбернати. Ощущение падения теперь было не призрачным, а настоящим — я уже летела куда-то во мрак.

Последним, что я увидела, было потрясенное лицо Бринна.

— Господин Бринн! — с ужасом прокричали из-за стены. — Он пропал!

И все померкло.

Я прокатилась по упавшему Генриху, пролетела вперед и очень больно ударилась плечом обо что-то твердое. Боль окончательно прояснила сознание, и я увидела, что мы с Генрихом, оказывается,

вылетели из камина и теперь лежим на страшно затоптанном ковре в маленькой гостиной.

Кажется, здесь несколько лет не появлялся человек с тряпкой и чистящим средством. Окна заросли грязью, углы были богато украшены пылью и паутиной, и в высокой вазе красовались сухие стебли давно истлевших забытых цветов. В лунном свете, который заглядывал сквозь стекла, все было призрачным, словно нарисованным.

— Милли, — едва слышно выдохнул Генрих. — Милли, ты жива?

Я беспомощно обмякла на ковре, понимая, что могу сейчас только лежать. Кажется, даже моргать было больно.

— Жива, — просипела я. — Как ты? Тебя били?

Сил не было даже на то, чтобы обернуться в его сторону. Сейчас я самой себе казалась вареной медузой.

— Били, конечно, — рассмеялся Генрих. — Кравен сказал, что я должен молчать. Только так он сможет нас спасти.

— Пиллюля? — спросила я. — Он тебе тоже дал пиллюлю?

Генрих со вздохом завозился на ковре, и я почувствовала, как он взял меня за руку. Мне сразу же стало легче. Мы были вместе, мы были живы, мы были достаточно далеко от Бринна и его подручных, чтобы не беспокоиться.

— Нет. Никакой пиллюли.

Желудок скрутило тошнотой, и я испугалась, что меня сейчас вырвет. Но обошлось, только все тело покрылось потом — зато я почувствовала, что теперь смогу сесть.

Получается, если Генрих не принял пиллюлю, то Кравен дал ее мне для того, чтобы я смогла куда-то перебросить нас обоих? Пиллюля, которая активирует магию?

В голове зазвенела боль.

Я села на ковре. Генрих поддержал меня; я увидела, что всю правую сторону его лица покрывает свежий синяк. Рубашка была разорвана, на груди и животе тоже были следы ударов.

— Живы, — прошептала я и рассмеялась. Почему-то мне вдруг стало очень-очень легко, словно я в любую минуту могла взлететь. В кончиках пальцев сгустился огонь, и, кажется, волосы стали подниматься дыбом.

Я прикоснулась к щеке Генриха и подумала, что ту боль, которая сейчас наполняет его, надо убрать, а следы, оставленные ею — стереть. Генрих вздрогнул и, взяв меня за запястье, закрыл глаза. Я рассмеялась от того чувства, которое сейчас переполняло меня, и увидела, как пятно синяка расплывается, светлеет и исчезает.

И чем легче становилось Генриху, тем большая легкость и спокойствие наполняли меня.

Потом все вдруг исчезло, словно лопнул воздушный шарик. Какое-то время мы сидели в тишине, глядя друг на друга, и постепенно вокруг меня начинал просыпаться мир. Я почувствовала запах пыли, услышала легкое цоканье дождя по подоконнику, поняла, что за окном почти наступила ночь, и подумала, что страшно проголодалась.

— Интересно, где мы? — негромко спросила я, почему-то не убирая руки от щеки Генриха. Мне нравилось к нему прикасаться. Мне нравилось на него смотреть.

— Не знаю, — так же тихо ответил он. — Пойдем посмотрим?

Поднявшись на ноги, мы вышли из гостиной, стараясь двигаться как можно тише. Дом выглядел заброшенным, но это не значило, что в нем не может быть засады или ловушек.

Но пока было тихо. Снаружи едва слышно цокал дождь, луна уходила за тучи, и дом погружался в непроницаемый мрак. Я подумала, что неплохо было бы раздобыть свечу, и на моей правой руке тотчас же вспыхнул огонек.

От неожиданности я ахнула. Огонек горел и светил, но не обжигал, и это было еще одно чудо. Генрих удивленно улыбнулся, а потом рассмеялся и произнес:

— Ну, теперь-то Ланге точно никуда от нас не денется.

Я в этом даже не сомневалась.

— Не жжется? — озадаченно спросил Генрих. Я отрицательно качнула головой и указала туда, где, кажется, когда-то была столовая.

— Нет, но ты лучше не трогай его. Что там?

Генрих пожал плечами.

— Не знаю. Посмотрим?

Это действительно была столовая, и, в отличие от остального дома, заросшего грязью и пылью, здесь было очень чисто. Хрустящая чистота, я бы сказала. Кран и мойка так и сверкали. Ножи, половники

и щипцы едва заметно покачивались на крючках и выглядели, как новые.

— Не нравится мне все это, — произнес Генрих.

— Мне тоже, — сказала я. — Лучше бы уйти отсюда. Но я думаю, нас все же будет искать доктор Кравен.

— Не верю я ему, — проронил Генрих. — Кого, интересно, он принесет на хвосте?

Он прошел к стене, на которой висели ножи, и выбрал для себя такой тесак, которым можно было бы снести голову быку с одного удара. Стоило Генриху взять новое оружие в руки, как все залило светом, и под ногами дрогнул пол.

Огонь на моей руке погас.

Что-то тяжело бахнуло, отдавшись эхом по всему дому. Еще один удар в пол. Еще.

К нам шло что-то огромное. Тяжелое. Я бросилась к окну, пытаюсь открыть раму, но ничего не вышло. Щеколда не поддавалась, и мне почему-то показалось, что окно нарисовано на стене.

Удар! Еще один!

Я обернулась и увидела, что в столовую вошла каменная глыба и, увидев нас, замерла на пороге.

Первым порывом было спрятаться за Генриха, зажмуриться и никогда не открывать глаз. Я бы так и сделала, если бы не застыла на месте от страха. Постепенно я различила в каменной громадине грубо вылепленное лицо, руки, почти достававшие до пола, и красный иероглиф, который был намалеван на лбу.

— Голем? — прошептала я. — Генрих, у вас что, есть големы?

Только сейчас я поняла, что Генрих, как говорится, вздохнул с облегчением и даже положил нож на стол.

— Есть, конечно, — ответил он. — А у вас разве нет?

— Нет, — сдержанно сказала я. Ноги все еще были ватными. Генрих заметил, как я испугала, и мягко обнял меня за плечи.

— Не бойся! Видишь, он увидел нас и теперь спокойно ждет приказаний, — он откашлялся и четко произнес: — Кто твой хозяин?

В каменной физиономии бесшумно открылась щель рта, и голем проскрипел:

— Доктор Мадс Кравен.

Теперь уже и я вздохнула с облегчением.

— Где твой хозяин? — спросил Генрих.

— Ушел, — голос голема был похож на стук камней. — Велел ждать гостей. Велел принять их.

— Мы гости, — со спокойным достоинством произнес Генрих. — Принимай нас.

Голем медленно поднял руки и с грохотом соединил ладони. По кухне прошел ледяной ветер, дом снова содрогнулся, и я увидела, как становится еще светлее.

Вездесущий запах пыли и грязи рассеялся, будто его и не было. В воздухе повеяло легким ароматом пионов, в печи затрещал огонь, и на столе словно сами собой возникли тарелки. При взгляде на их содержимое мой голод усилился в несколько раз.

— Прошу, — проскрипел голем и с медлительной осторожностью вышел из столовой. Генрих сделал несколько шагов, провожая его, потом вернулся и сообщил:

— Надо же, он стоит в углу в коридоре. И как мы его не заметили, когда шли мимо?

Я тоже выглянула в коридор и увидела, что теперь дом абсолютно чист, ярко освещен, и в нем нет ни следа грязной запущенности. Голем действительно встал в угол, и я решила, что доктор Кравен там устроил для него место для подзарядки.

— Мне кажется, это маскировка, — предположила я. — Со стороны дом выглядит заброшенным. Если кто-то сюда заберется, то увидит лишь грязь и хлам.

— Да, красть тут нечего, — согласился Генрих. — А голем встретит и приветит званых гостей. Ну что, Милли, пойдем все-таки поужинаем?

Меня не надо было приглашать дважды.

Когда мы сели за стол, и я придвинула к себе тарелку со стейком в брусничном соусе, то у меня невольно мелькнула мысль о том, что доктор Кравен мог подмешать в еду что-то вроде той пилюли, которую дал мне. Ну и черт с ней. Разберемся.

Генрих подложил мне картофельного салата, снял с огня кофейник и сказал:

— Интересно, долго ли нам ждать доктора Кравена?

— Пока вся компания бегает и ищет нас, — я невольно рассмеялась, представив, какими выразительными были лица Бринна и

Эбернати. — Но теперь нам придется быть в десять раз осторожнее, Генрих. Если за нами начнет охоту наркокартель, то нам мало не покажется.

Генрих кивнул, соглашаясь.

— Теперь я еще больше убедился в том, что марвинцы хотели нас убрать чужими руками. Проверили твои силы, когда ящерица напала на тебя на дирижабле. Убедились, что ты сильная волшебница. И сунули нас Бринну, который сразу же усомнился в появлении племянников.

— Может, он просто осторожен? — сказала я, отрезая очередной кусок от стейка. — Доверяй, да проверяй. Особенно тех, кого ты видел много лет назад.

Генрих вздохнул.

— Хотел бы я знать, что им нужно на самом деле.

Некоторое время мы ели молча. Я вслушивалась в звуки, которые доносились из коридора, и мне казалось, что голем негромко поскрипывает и вздыхает. Да, доктор Кравен не ищет простых путей.

Стоило вспомнить о докторе Кравене, как из гостиной раздался шум, словно кто-то прокатился по полу. Я представила, как Кравен вылетает из камина, улыбнулась и потянулась к висящим на доске ножам — на тот случай, если это не хозяин дома, а какие-то новые незваные гости. Генрих тоже взялся за свой тесак.

Однако это был именно Кравен. Он вошел в столовую, посмотрел на нас, чумазных и вооруженных, и рассмеялся:

— Все в порядке, господа! Отложите ваши сабли.

— Что там? — спросила я. Генрих неохотно положил тесак рядом с тарелкой. Кравен вынул из ящичка чашку, налил себе кофе и ответил:

— Бринн рвет и мечет. Мало того, что ему хочется узнать, на кого именно вы работаете, теперь ему понадобилась такая сильная волшебница, как вы. Такая, которая способна раствориться в тумане и забрать с собой приятеля.

— Что это была за пилюля? — поинтересовалась я. Кравен улыбнулся с гордостью первооткрывателя.

— Это моя личная разработка. Она, скажем так, усиливает личную магию.

Я подумала о том, что совсем недавно во мне не было ни капли магии. Я была всего лишь психологом, который дорого продавал

иллюзии и хорошее настроение.

— Потрясающе, — с искренним уважением произнес Генрих. — Я когда-то читал о том, что фармакология может усилить магию, но не думал, что исследования зашли так далеко.

— Они не зашли, — беспечно ответил Кравен. — Правители всех стран запретили их единогласно. Одно дело иметь личного сильного мага и совсем другое — мага, у которого постоянно увеличиваются силы. Ходячая бомба.

Я в чем-то была с этим согласна. Таковую мощь и в самом деле надо ограничивать — иначе однажды она может очень сильно рвануть.

— А как мы оказались здесь?

Кравен улыбнулся. Отпил кофе.

— Когда я осматривал вас, то прикрепил к волосам маячок, который вас и утянул. Пилюля подействовала, пробудила и увеличила ваши силы, и вас с Генрихом затянуло.

Генрих машинально провел ладонью по голове, словно пытался найти тот маячок, о котором сказал Кравен. Доктор лишь улыбнулся.

— Он уже растаял. Я не маг, но умею использовать эту магию.

Генрих вдруг стал очень серьезным и какое-то время всматривался в Кравена так, словно пытался прочесть его мысли. Доктор тоже смотрел на принца, но не испытующе, а спокойно.

— Почему вы нам помогаете? — спросил Генрих. — Это ведь помощь.

Кравен улыбнулся.

— На память о том времени, когда я был Андреем Кравцовым, — ответил он. — А Милена Готти была Людмилой Захаровой. Знаете, иногда мне казалось, что я сошел с ума. Что мой прежний мир мне приснился. А потом я начинал думать, что мне мерещится то, что я вижу сейчас. И, когда появилась она, — доктор улыбнулся мне, — я поверил, что жив, что не сплю, не брежу и не живу в аду.

У меня защипало в носу. Кравен сейчас говорил о том, о чем я сама думала перед тем, как заснуть. Он сделал паузу и добавил:

— Ну и знаете, мы, русские, помогаем друг другу. Это правильно.

Генрих вздохнул.

— Спасибо, — с той же искренностью произнес он. — Вы расскажете нам о Ланге?

— Расскажу, — кивнул Кравен. — У меня есть все бумаги по новой личности доктора Эрика.

После ужина, чашки кофе и вполне себе светской беседы о пустяках, которую я забыла сразу же после того, как вышла из столовой, мы отправились в небольшой кабинет доктора, заставленный книжными шкапами так плотно, что казалось, будто все эти книги, папки и коробки сейчас рухнут нам на голову и похоронят под собой. Окна здесь не было, и через несколько секунд мне стало казаться, что я задыхаюсь. Мы с Генрихом сумели уместиться на крошечном диванчике, а Кравен принялся рыться в одной из коробок.

Голем тоскливо поскрипывал в коридоре. Стараясь отвлечься, я задумалась о том, чем он питается. Может быть, сует остатки еды в каменный рот, или там, в углу, существует источник магии, который его наполняет.

Големы. Надо же.

— У меня есть информация по всем моим пациентам, — сообщил Кравен. — Сами понимаете, я храню это в полной тайне. Если хоть один из них узнает, что у меня есть снимки его нового лица, то мне не жить.

Я понимающе кивнула. Такие, как доктор Ланге, не будут церемониться.

— Мы будем молчать, — подал голос Генрих. — Мы никому ничего не скажем.

Кравен понимающе кивнул.

— Несколько лет назад ко мне обратился человек, который назвался Эриком Эрикссоном, — продолжал Кравен. — Он хотел, чтобы я сделал ему такую пластическую операцию, которая полностью изменила бы его внешность. Его желание подкрепилось хорошей суммой, которую мне перевели из Саатона мелкими партиями. А потом приехал и сам Эрикссон. Вот он.

Он вынул тонкую папку и протянул Генриху. С портрета на нас смотрел ничем не примечательный мужчина средних лет. Светлые волосы были зачесаны назад, брови настолько редкие и белесые, что их почти не видно. Глаза бледно-голубые, взгляд спокойный и равнодушный. Тонкие губы поджаты.

Если бы я не знала о том, какие опыты Ланге ставил над пленными, то ни за что бы не поверила, что с портрета на меня

смотрит чудовище. Самый обычный человек с тихой и мирной внешностью сельского почтальона. Вряд ли он смог бы отрезать голову, чтобы проверить, сколько она проживет вне тела. Генрих оценивающе посмотрел на него и поинтересовался:

— Как же вы сделали снимок?

— В моем кабинете в стене есть особая камера на артефакте, — сообщил Кравен. — Я даю команду, она делает свою работу. Еще никто этого не заметил.

— Надо же, — сказала я, всматриваясь в лицо Ланге. Мне казалось, что стоит убрать снимок, и я сразу же забуду, как выглядит этот человек. — Вы действительно замечательный врач, доктор Кравен.

Мой соотечественник улыбнулся.

— Честно говоря, я и подумать не мог, что в этом мире такой спрос на пластическую хирургию, — признался он. — И такие хорошие инструменты на артефактах. Вот, работаю по специальности.

— А фотография Эбернати здесь тоже есть? — поинтересовалась я. Кравен кивнул.

— Разумеется. Он остался вполне доволен моей работой, как и доктор Ланге. По документам он по-прежнему Эрик Эрикссон. Насколько я знаю, уехал на острова святого Брутуса. Точного адреса вам дать не могу, уж извините, он не оставил его, но полагаю, что вам надо будет искать хирурга. Вряд ли он бросил практику.

— Мы так и подумали, — сказал Генрих. Кравен улыбнулся.

— Решили, что я и есть Ланге?

— Да, были такие мысли, — ответила я и сразу же добавила: — Только не обижайтесь, пожалуйста! Мы с самого начала понимали, что надо искать врача. Деньги с неба не падают, а хирург их всегда зарабатывает.

Кравен рассмеялся.

— Логично! — он быстро постучал пальцами по краю стола и, нахмурившись, произнес: — Кстати, не знаю, полезно ли это для вас, но вдруг. Когда он расплачивался, то я увидел среди карт в его бумажнике какую-то карточку с гербом Левенинского королевского дома. Откуда бы ей взяться, если Левенин и Саатон находились в состоянии войны? Я, разумеется, не стал задавать лишних вопросов, но запомнил.

— Левенинская принцесса! — воскликнула я и обернулась к Генриху. — Король Виттан хотел поженить тебя и Элизу...

Я тотчас же прикусила язык и посмотрела на Генриха, мысленно давая себе оплеухи, да покрепче. Лицо Генриха закаменело, словно он думал, что со мной сделать: выбросить в окно или задушить.

Дура! Какая же я дура!

— Можете так на нее не смотреть, я сразу понял, что вы Генрих Аланбергский, — миролюбиво произнес Кравен. — Ваша маскировка обманет кого угодно, но не профессионального пластического хирурга.

Несколько минут мы сидели молча. Генрих рассматривал свои руки и, должно быть, думал о том, что сбритая борода и слегка тонированные волосы и в самом деле оказались не тем, что может скрыть его от внимательного взгляда.

— Если у вас есть время, — спокойно сказал Кравен, — то я предложил бы вам свою помощь в этом вопросе.

— Пластическая операция? — уточнил Генрих. — Нет. Я еще собираюсь вернуть себе корону.

— А я и не о ней говорю, — ободряюще улыбнулся Кравен. — Зерна Геккеля. Это вам о чем-нибудь говорит?

Генрих неопределенно пожал плечами.

— Они позволяют изменить внешность, не прибегая к операции. Вы принимаете несколько зерен и меняетесь, — объяснил Кравен. — Чтобы сохранять новый облик, нужно снова глотать зерна... как думаете, почему они под строжайшим запретом во всех странах?

— Чтобы преступники не меняли физиономии налегке, — улыбнулся Генрих и, обернувшись ко мне, сказал: — Милли, ты очень вовремя обмолвилась!

Теперь я наконец-то вздохнула с облегчением. Что ни делается, все к лучшему!

— Через пару дней я смогу их раздобыть, — сказал Кравен. — А пока вам придется погостить у меня. Спальня тут есть, голем будет делать все, что вам понадобится.

— А вы? — спросила я. Кравен убрал коробку на полку и ответил:

— А я пойду обратно. Бринн ничего не должен заподозрить.

Спальня была совсем крошечной. Каким невероятным чудом Кравен смог втиснуть в нее кровать и шкаф, так и осталось для меня загадкой. Уловив мой взгляд, он рассмеялся и сказал:

— Мы жили в коммуналке, когда я был маленький. Там было так тесно, что я пошел только в два года, негде было ходить. Но зато есть плюс, теперь могу уместить что угодно и где угодно.

— Спасибо вам, — с искренним теплом сказала я. Если бы не доктор Кравен, мы с Генрихом, возможно, уже погибли бы. Бринн не стал бы с нами церемониться. Кого бы он ни видел в нас — засланных казачков от конкурентов по наркоторговле, агентов фаринтской полиции или людей марвинской секретной службы — он не отпустил бы нас живыми.

Море всегда молчит и хранит свои тайны. Мертвецы тоже не слишком болтливы.

— Всегда пожалуйста, — ответил Кравен. — Как не помочь тому, кто тоже видел кораблик Адмиралтейства. Ваше высочество, — добавил он уже официальнее. — Я постараюсь собрать информацию о том, что сейчас происходит в Аланберге, и как ищут тех, кто произвел удар.

Генрих только махнул рукой.

— Если его заказал дядюшка Олаф, то никого не ищут, — вздохнул он. — Повозмущались для вида, а потом все списали на какое-нибудь природное явление. На них и не такое списывали.

Я понимающе кивнула, вспомнив анекдот о том, что элитный лес извели бобры. Природа дело такое, иногда безответное.

— Скажите, доктор, — поинтересовалась я напоследок, — а почему весь дом вы маскируете в грязи, а кухню оставляете чистой?

— Голем так просит, — ответил Кравен, и я удивленно заметила, что в его голосе прозвучало что-то очень похожее на любовь. — Ему тяжело, если кухня в грязи, он чуть ли не заболевает от этого. Я решил с ним не спорить и сделать так, как он просит. Все равно те, кто доберется до кухни без разрешения и моего приглашения, пойдут мимо голема... — доктор усмехнулся и припечатал: — И уже никуда не выйдут.

Я вспомнила расхожую фразу о том, что среда сильнее силы воли. И если ты заштопываешь раненых наркоторговцев, то невольно нахватаешься от них всякого.

Хотелось надеяться, что стейки, которые мы ели, не были сделаны из непрошенных гостей.

Кравен подошел к камину, и его тотчас же окутало зеленоватым пламенем. Обернувшись, он помахал нам и рассыпался облаком сверкающих искр. Генрих смотрел на это с тем восторгом, с каким ребенок смотрит на деда Мороза.

— Каминный переход, — зачарованно произнес он. — Я такое только в детстве видел. Потом каналы связи закрылись по всему матерiku, и через каминны уже никто не отваживался переходить.

— Почему? — спросила я.

— Потому что закрытый канал не работает правильно, — объяснил Генрих. — Руки вылетят в Саатоне, ноги в халифатах, а голова еще где-нибудь. А этот надо же, работает.

Я подумала, что магия этого мира очень непредсказуемая вещь. Генрих посмотрел по сторонам, оценил обстановку и сказал:

— Ну что ж, давай готовиться ко сну. Я буду здесь, на диване. Если что, зови.

Я посмотрела на диван: он был размером как раз для пятилетнего ребенка. Высокий крепкий мужчина вроде Генриха поместился бы на нем только если сложить его пополам.

Мужчину, разумеется, не диван.

— Пойдем лучше в спальню, — предложила я. — Разместимся как-нибудь. Тебе надо отдохнуть, а не набить новых синяков.

Генрих улыбнулся, осторожно взял мою руку и поднес к губам. Мне показалось, что по моей спине побежали язычки огня. Ноги сделались ватными — я вспомнила, чем закончился наш вечер в пещерном ресторанчике перед тем, как подействовал яд.

Хочу ли я продолжения? Чего я вообще хочу?

— Ты прекрасно справилась с моими синяками, — признался Генрих и ребячески добавил: — Совсем не болит. Ты сильная волшебница, Милли... сколько раз я это утверждал?

— Много, — я невольно улыбнулась в ответ. — А у себя дома я была просто психологом, который знает, что надо сказать, кому и как. Вот и вся моя магия.

Вспомнился мой кабинет в торговом центре — хрустальные шары, карты, кости и веточки, даже череп, отлитый из эпоксидной смолы с сухоцветами. Череп всегда производил нужное впечатление... Но вот я пропала без вести, скоро закончится арендный платеж, и все

мое пыльное барахло вынесут на свалку, чтобы освободить место для новых арендаторов.

Почему-то мне стало грустно. Пусть моя работа во многом была просто актерской игрой, но я делала ее хорошо и никому не навредила.

Я хотела не зашибать деньги на дурачках. Я хотела помогать тем, кому нужна была помощь. Сейчас я поняла это особенно остро и почувствовала, что все мое прошлое уже не имеет значения.

Оно было просто пестрым рисунком на карте из колоды, которую я всегда доставала вовремя.

— Милли, вся твоя магия в том, что ты хороший человек, — произнес Генрих. — А это по нынешним временам огромная редкость. Может, как раз поэтому ты оживляешь зеркала и дружишь с големами.

— Я с ними не дружу! — снова рассмеялась я. — Мне просто... ну как-то жалко его, что ли. Стоит совсем один, и вся его радость — чистая кухня.

— Это и есть дружба, — ответил Генрих. — Понимание того, что нужно другому. Это и есть твоя магия, Милли. Остальное пустяки.

Когда он снова поцеловал меня, я уже ни о чем не думала. Не вспоминала о прошлом. Не думала о настоящем и будущем.

Просто откликнулась на его поцелуй и позволила себе быть счастливой.

Хотя бы на эту ночь.

Утром я проснулась от пения птицы за окном.

Кровать, которая выглядела такой маленькой, оказалась вполне удобной. Мы с Генрихом заснули почти на рассвете, когда наконец-то смогли оторваться друг от друга.

Птичка, золотистая, с красным дерзким хохолком и черными бусинками глазок, прыгала по подоконнику. Дождь кончился, и теперь в утреннем свете я видела, что дом стоит среди непролазных зарослей. Возможно, мы даже не сможем выйти на прогулку, настолько заросла его дверь.

Кажется, птичка поняла, что я ее вижу, потому что прыгнула, повернулась сначала одним боком, потом вторым и, поклонившись, стала петь. Мне даже показалось, что я разбираю слова в ее щебетании. Или это тоже была магия?

Я прекрасно понимала, что между мной и Генрихом не может быть ни любви, ни каких-либо долгих отношений. Он четыре года

просидел в каменном мешке — разумеется, первая женщина, которую он увидел, произвела на него самое глубокое впечатление.

Не прилагая к этому никаких усилий, между прочим.

Не стараясь понравиться.

Потом эта женщина его накормила, а потом спасла. Все дело в инстинктах. Тебя кормят — значит, это хороший человек. Тебя выводят на свободу — значит, этот человек еще лучше, чем ты думал сначала. После того, как просидишь в заточении, не видя человеческих лиц и не слыша голосов, ты будешь ведом именно инстинктами.

Это не любовь, хотя ночью, обнимая меня, Генрих сбивчиво говорил как раз о ней.

Это просто привязанность. Душевное тепло. Нежность.

Вот и все.

Он вернет себе корону, поблагодарит меня за помощь и, возможно, некоторое время я буду его фавориткой. Но он никогда не женится на той, которая пришла из-за грани миров. Постепенно мы станем отдаляться друг от друга, а советники будут рекомендовать молодому королю как можно скорее заключить законный брак с какой-нибудь достойной девушкой.

Мир велик. Принцесс в нем много. Есть из кого выбрать.

Генрих принц, и однажды он обязательно станет королем. А я просто девушка из другого мира. Вот и все.

Между нами пропасть, которую не перепрыгнуть.

Птичка в очередной раз подпрыгнула на подоконнике, поклонилась, и я услышала вторую трель. Такая же золотистая птица, только поменьше и не с таким ярким хохолком выпорхнула из темно-зеленой листвы и села рядом с первой. Несколько секунд они кланялись друг другу, а потом запели вместе.

Я никогда не думала, что выйти замуж — это венец и вершина всего, что может добиться женщина. Я никогда не мечтала стать женой принца. «Лови момент, — сказала бы любая из моих клиенток. — Хоть сколько-то, но поживешь с любимым, а там и забеременеешь, и никуда он уже не денется».

Денется. Еще как.

И дело даже не в этом. Я слишком хорошо видела, чем все кончится, и не хотела испытывать напрасные надежды. Чем быстрее теряешь голову, тем больше разбивается сердце.

А я и так потратила слишком много времени, чтобы собрать себя по частям.

«Он не Игорь», — напомнил мне мой внутренний голос.

«Да, — подумала я. — Он намного сильнее, благороднее и лучше».

Но вряд ли это что-то меняло.

Генрих шевельнулся за моей спиной и мягко погладил меня по плечу.

— Неразлучники, — негромко сказал он. — Красиво поют, правда?

Я обернулась к нему. Улыбнулась. Надо было вести себя так, как ведет женщина после ночи любви с любимым мужчиной. И постараться не расплакаться от того, что все это не навсегда.

— Правда, — ответила я. — Уже несколько минут их слушаю.

Генрих все с той же трогательной осторожностью привлек меня к себе. Узкая кровать оказалась не такой уж и узкой... или это тоже была магия? Я поудобнее устроилась в его объятиях и сказала:

— У нас есть несколько дней...

Я сама не знала точно, что имею в виду. Несколько дней до возвращения доктора Кравена с зернами Геккеля? Или несколько дней тех отношений, которые до боли в сердце похожи на медовый месяц?

«В жизни бывает больше, чем одна любовь, — так сказала бы я-волшебница любой из своих клиенток. — Живите здесь и сейчас и не бойтесь будущего. То, что Игорь оказался мерзавцем, еще не означает, что все остальные мерзавцы. Возможно, именно сейчас вы встретили по-настоящему хорошего человека. И не делайте глупостей, не теряйте его».

— У нас намного больше времени, — сказал Генрих. Негромко, словно боялся спугнуть что-то, намного важнее птиц за окном. — Знаешь, что означает пара неразлучников рядом с женщиной и женщиной?

— Что же? — спросила я. Генрих улыбнулся — я не увидела его улыбку, но почувствовала ее.

— Что эти мужчина и женщина будут любить друг друга, — ответил Генрих. — И проживут долгую жизнь в любви и согласии. Милли, я хотел бы жить дальше с тобой. Не разлучаться. Никогда тебя не терять.

Кажется, я тоже улыбнулась. Уткнулась лбом в его грудь, стараясь сделать так, чтобы он не увидел моего лица и всего, что на нем написано.

Я понимала, что в нем сейчас говорит только привязанность и благодарность, которые Генрих принимает за любовь.

Ничего кроме. Только это.

Мне захотелось заплакать — и рассмеяться от счастья.

— Милли? — окликнул он меня. — Милли, что-то не так?

— Нет, — прошептала я. — Нет, Генрих, все хорошо. Неразлучники никогда не расстаются, правда?

— Правда, — ответил он. — И мы с тобой будем такими же.

Вход в дом в самом деле зарос буйной зеленью. Когда голем сервировал нам завтрак, то я поинтересовалась:

— А как отсюда выйти? Хочется подышать свежим воздухом.

Голем повел каменюкой головы и проскрипел:

— Есть выход. Покажу.

На тарелках перед нами лежали корзиночки из теста с начинкой: я увидела креветки, курицу и ветчину в сопровождении сырных шариков и ломтиков жареной картошки.

— Традиционный южный завтрак, — сообщил Генрих. — Эти корзиночки называются саугадо.

Голем медленно двинулся в сторону выхода, и я спросила:

— А вы поели?

Голем остановился так, словно наткнулся на невидимое препятствие. Кажется, никто не задумывался о том, сыт ли он. И никто не обращался к нему на «вы».

— Нам не нужна еда людей, — проскрежетал он. — Но спасибо.

Кажется, глупо себя чувствовать стало входить у меня в привычку. Однако я удивленно заметила, что Генрих смотрит на меня с искренним уважением.

— Что-то не так? — спросила я, погружая вилку в начинку саугадо.

— Ты очень добрая, Милли, — улыбнулся Генрих. — И я, честно говоря, не перестаю этому удивляться.

— Почему? — кажется, теперь удивляться была моя очередь.

— Потому что благородные леди никогда не обращают внимания на прислугу, — ответил Генрих. — И уж конечно, им все равно, как

она себя чувствует, и что ей нужно.

— У меня никогда не было прислуги, — сказала я. — Родителей я не помню, они умерли, когда я была маленькой. Меня воспитывала бабушка, и у нас было очень много забот.

Вспомнилась наша маленькая квартирка в доме на окраине и листовки, которые я раздавала на улице еще со школы, чтобы хоть что-то заработать. Потом листовки сменила ближайшая забегаловка, где я была раздатчицей, потом были ночные смены в круглосуточном магазине.

Когда бабушка умирала, то повторяла мне: не бросай учебу. Только учебу не бросай. Я и не бросила — просто бросилась на Игоря, первого, кто обратил на меня хоть какое-то внимание. Мне хотелось любви и душевного тепла, и я поверила, что Игорь способен дать их мне.

Но бывают люди, которые способны только забирать, а не делиться.

— Ты любила ее, — сказал Генрих. Я кивнула.

— Очень любила. Иногда бабушка делала похожие корзиночки, — я указала на саугадо. — Но, конечно, не с такой начинкой.

Генрих снова улыбнулся, и мне стало теплее на душе. И я сказала себе: неважно, сколько это продлится. Пусть однажды мы расстанемся — но пока у меня есть это утро и эта улыбка.

Вот что важно. Никто не отберет у меня моих хороших воспоминаний.

— Моя бабушка никогда не готовила, сама понимаешь, — сказал он, придвигая ко мне блюдо с разноцветными ломтиками фруктов, среди которых я заметила что-то очень похожее на самый обычный арбуз. — Однажды отец в шутку попросил у нее теплое питье, молоко с медом. Якобы приготовленное материнскими руками, оно имеет особую целительную силу. Мать так кричала на него, что люстра чуть не лопнула. Говорила, что она не служанка, а королева, и как такая глупость вообще могла вползти в его пустую голову.

— Я бы приготовила, — вздохнула я. Генрих взял меня за руку и произнес:

— Ты совсем другая, Милли. Знаю, это прозвучит банально, но ты очень много для меня значишь. И с каждым днем это все сильнее.

Мне сделалось неловко. Я давно заметила, что люди робеют перед по-настоящему важными вещами — и стремятся засмеяться и свести все в шутку, потому что боятся, что это может принести им боль. Может, из-за этого страха и любовь, и дружба уже потеряли свою ценность.

Зачем ценить то, что однажды можешь потерять? Проще притвориться, что это не имеет значения.

Тогда не будет больно.

Но я решила не притворяться.

— Генрих...

— Подожди, — сказал он уже серьезнее. — Ты можешь думать, что ты для меня просто привязанность. Или интрижка. Но Милли, я... — он вздохнул и признался: — Я любил. И не один раз. Но никогда и ни к кому я не относился так, как к тебе.

— Как же? — спросила я.

— Я боюсь тебя потерять, — признался Генрих. — И я хочу никогда тебя не терять. Ты выйдешь за меня замуж, когда все это закончится?

Кажется, несколько минут я сидела молча, открывая и закрывая рот, словно рыбка на берегу.

Одна моя часть прыгала, плясала и кричала «Да! Да-да-да!»

Вторая рассудительно говорила, что это предложение сделано под влиянием привязанности и порыва. Люди часто принимают решение под влиянием момента. Адреналин бьет в голову и заставляет терять рассудок.

Потом наступает протрезвление, и человек удивляется тому, что сделал. Пытается опомниться и взять свои слова назад.

— Генрих, ты уверен? — спросила я. — То есть... ты действительно готов видеть меня рядом всегда?

Я понимала, что говорю чушь. Все умения и знания, весь мой хорошо подвешенный язык, который позволял убедить кого угодно в чем угодно — все исчезло.

— Всегда, — кивнул Генрих. — Я не из тех, кто сегодня говорит одно, а завтра другое. Если я сказал, что люблю тебя, то завтра это не изменится.

Что-то сжалось в груди — было одновременно сладко и больно. Может, это и в самом деле то, чего я искала так долго? И мне не

придется склеивать душу по кусочкам, потому что ее больше никто и никогда не разобьет.

— Разве я пара королю? Что скажут сплетники и законы? — улыбнулась я. Генрих улыбнулся в ответ и сжал мои пальцы.

— Моя воля и есть закон. И наплевать на сплетников. Ты выйдешь за меня замуж, Милли?

— Выйду, — ответила я, понимая, что вот-вот расплачусь. — Да, Генрих. Я согласна.

Выход из дома располагался в коридоре, причем замаскирован настолько хитро, что я никогда бы не догадалась, что нужно нажать именно на этот завиток на старых обоях, чтобы дверь скользнула в сторону и открыла перед нами стену из буйной зелени и розовых цветов. Голем со скрежетом и грохотом прошел мимо нас, и пышные ветви заструились в стороны, давая ему дорогу.

Доктор создал для себя и своего хранилища настоящую крепость. Стойкий защитник, два разных выхода и наверняка есть и еще сюрпризы.

— Вот, — сказал голем и медленно повел рукой, показывая на заросли. — Сад доктора. Можно гулять.

— Я бы сказал, что это лес, — пожившись, произнес Генрих и, протянув руку, сорвал с одной из ветвей крупный розовый плод, похожий на персик. Голем недовольно заскрипел.

— Бросьте. Яд.

Генрих бросил свою добычу так, словно голем ударил его по руке. Провел ладонями по штанам.

— Доктор отравил? — поинтересовалась я. Дом настолько зарос высокой травой и кустарником, что и догадаться было нельзя, что он тут есть. Но доктор Кравен все же не мог обойтись без системы безопасности, зная повадки своих друзей-наркоторговцев, и отравленные фрукты наверняка были еще цветочками.

— Да.

— И что, захаживают любопытные? — поинтересовался Генрих.

— Нет, — мне почему-то показалось, что наши вопросы забавляют голема. И что ему приятно с кем-то поговорить. Вряд ли доктор Кравен появлялся здесь часто и вел с ним беседы. — Но могут зайти. Не нужно.

Я погладила голема по плечу и спросила:

— Хотите с нами погулять?

Мной сейчас двигала не только вежливость, но и понимание, что в случае опасности голем защитит нас намного лучше, чем наши безоружные руки.

— Хочу. Но есть работа, — ответил голем и вдруг проскрежетал с теми интонациями, которые, кажется, были веселыми: — Бояться нечего. Вы гости. Гуляйте.

Он совершенно бесшумно развернулся и скрылся в доме. Я представила, как эта громадина беззвучно возникает за спинами незваных гостей, и невольно поежилась: голем умел произвести впечатление. Я хотела было сказать ему, чтобы он не закрывал дверь, но голем это сделал и без моей просьбы.

— Он хороший, — сказала я. — Мне его даже жалко.

— Почему? — удивленно улыбнулся Генрих.

— Не знаю, — ответила я. — Давай посмотрим, что там?

Среди зарослей оказалась старая беседка, увитая плющом и цветами. Я вдруг вспомнила, что у нас с Игорем была выездная свадьба за городом, и на церемонии была белоснежная арка, украшенная розами. Я так и не смогла выбросить свадебные фотографии — они лежали у меня в шкафу в пакете под ворохом старья. Там я стояла рядом с Игорем среди цветов и была так счастлива, что становилось больно вспоминать.

Постепенно задолженность по ипотеке вырастет, в квартиру придут посторонние и вышвырнут все мое прошлое в мусорный бак под окнами. Может, туда ему и дорога? Может, пора попробовать стать счастливой здесь и сейчас?

Скамейки оказались на удивление чистыми. Возможно, доктор Крамер сидел здесь, делал какие-нибудь пометки в блокноте, пил кофе и вспоминал прошлое, в которое уже никогда бы не смог вернуться. Мы с Генрихом сели рядом, и он вдруг сказал:

— Хорошо здесь, правда? Спокойно.

— Да, — согласилась я. — У нас в последние дни была только беготня. Хочется посидеть просто так.

Парочка неразлучников попрыгала по провалу в крыше, рассыпая переливчатые трели, и я готова была поклясться, что это те же самые птицы, которых мы видели утром. Генрих улыбнулся.

— Так и летают за нами, — заметил он. — Слушай, а мне ведь даже нечего тебе сейчас подарить.

Я удивленно посмотрела на него.

— О чем ты?

— А ты не любишь подарки? — удивился Генрих, ответив вопросом на вопрос. — У нас ведь помолвка, ты сказала мне «да». Значит, нужно обменяться чем-нибудь.

А, вот он о чем. Помнится, Игорь после моего согласия подарил мне большое ничего и секс.

— У меня есть кое-что, — ответила я и, запустив руку под воротник платья, вынула золотую цепочку с медальоном. Кажется, святая Людмила улыбнулась мне: ты все делаешь правильно, продолжай.

— Это моя святая покровительница, — объяснила я и, расстегнув замок и сняв цепочку, протянула ее Генриху. — Она заботится, оберегает... пусть теперь хранит тебя. И пусть у нас все будет хорошо, и сегодня, и всегда.

Генрих осторожно принял медальон, поднес к губам и надел на шею. Его лицо сделалось торжественным и строгим — было ясно, что и помолвка, и обмен подарками для него не просто забавная дань старой традиции. Потом он снял с себя темный шнурок с камешком и передал мне.

— Конечно, это не такой важный предмет, — чуть ли не извиняясь, произнес он. — Просто камешек, мы его однажды нашли с матерью, когда гуляли у моря. Я его хранил все это время.

Камешек оказался прозрачным, с легким зеленоватым оттенком. Когда я взяла его в руки, по коже побежало тепло. В таинственной глубине вспыхнула и погасла бледно-голубая звездочка, и мне показалось, что я слышу шелест волн и далекое пение. Передо мной будто бы легло утреннее море, которое стирало все, что было в нашем прошлом.

— Красивый, — зачарованно промолвила я.

— Его называют звездой Магриба, — произнес Генрих. — Видишь звездочку? Чем сильнее тьма, тем ярче он светит.

Я вдруг поняла, что улыбаюсь, как ребенок, который неожиданно получил не просто подарок, а настоящее чудо.

— Ну вот, — сказала я, стараясь не терять это ощущение прикосновения к чему-то очень хорошему. — Теперь у нас настоящая помолвка.

Генрих обнял меня за плечи, и я подумала, что могла бы сидеть вот так вечно. Мне уже давно не было настолько легко и спокойно, и я бы никогда не поверила, что в такой момент рядом со мной будет мужчина.

Хороший мужчина.

Настоящий.

Глава 6

Доктор Кравен появился из камина на следующий день, под вечер, когда мы с Генрихом вернулись из сада.

Среди зелени мы заметили робкое существо, похожее на косулю. Генрих сказал, что это вин-вен, он очень любит соль, и я решила его угостить. Голем принес щедро насоленную краюху хлеба, и вин-вен, осторожно переступая тонкими ножками, подошел к нам.

Темно-карие бархатные глаза смотрели с испуганной надеждой, словно спрашивали: вы ведь не обидите меня? Не ударите, не поймаете?

— Не бойся, маленький, — сказала я самым успокаивающим тоном. — Никто тебя не обидит. Подходи, угощайся.

Вин-вен осторожно ел хлеб с солью, а я держала Генриха за руку и понимала, что вот оно, еще одно чудо. Тихое и хрупкое, просто пришло к нам.

— Хороший, правда? — спросила я и протянула руку к голове вин-вена с крошечными белыми рожками. Он не отпрянул, я погладила его, и в красивых глазах животного появилась не тревога, а спокойная радость.

— Очень хороший, — ответил Генрих. — Будешь смеяться, но это добрая примета. Увидеть вин-вена — к удаче.

— Удача нам понадобится, — согласилась я. Вин-вен доел хлеб, бойко припрыгнул на месте и, развернувшись, рыжей молнией бросился в кусты. Там он бросил на нас прощальный взгляд и был таков.

— Надо будет сказать голему, чтобы он его подкармливал, — сказала я, когда мы входили в дом. Голем, который стоял в коридоре, важно повел тяжелой головой.

— Кормлю. Давно, — ответил он и добавил, поймав мой удивленный взгляд: — Скучно одному. С ним легче.

Я погладила голема по холодному плечу, и из гостиной донесся шум.

Доктор Кравен поднимался с пола, держа в руке мешочек из белой ткани. Судя по одежде доктора, он отправился в путешествие прямо из

кровати, решив не снимать пижаму. Увидев нас, он улыбнулся и произнес:

— Бринн поставил весь Лакмер с ног на голову. Вас ищут. Он рвет и мечет, полиция тоже в ярости. У нас давно не появлялась настолько сильная волшебница.

Я невольно улыбнулась, представив, как Бринн грозит кулаками и требует капли от нервов.

— Да, нам говорили, что здесь не любят волшебников, — ответила я. Кравен пожал плечами.

— Не то что бы не любят, просто относятся настороженно, — сказал он. — Волшебников считают ходячими бомбами и хотят, чтобы они были под учетом и контролем.

Он протянул нам мешочек и сказал:

— Ваши зерна Геккеля.

Генрих взял мешочек, растянул тесемки и высыпал на ладонь несколько мелких ярко-синих зернышек. Я удивленно увидела, что они недовольно припрыгивают, словно сердятся на тех, кто нарушил их покой.

— Четыре зерна для изменения внешности, — объяснил доктор Кравен. — Потом каждый вечер по два зерна для ее сохранения. Того, что в мешке, вам хватит на полгода. Думаю, за это время вы сможете найти Ланге.

Я кивнула. На островах святого Брутуса мы будем искать мерзавца с мирной внешностью сельского почтальона. Это не мой мир — казалось бы, какое мне дело до здешних военных преступников, чтобы испытывать к ним такую сильную злость?

Но я даже не злилась. Это была спокойная ледяная ярость.

Зло не должно ходить по земле, какой бы ни была эта земля.

— Запивать надо? — осведомился Генрих, отсчитывая мне четыре зерна. Три вели себя спокойно, четвертое все время крутилось и прыгало.

— Нет, глотайте так, — ответил доктор Кравен, и я послушно отправила зерна в рот и проглотила.

Желудок скрутило такой болью, что я рухнула на затоптанный ковер, скуля и поджимая ноги к животу. Все тело покрылось ледяным потом, суставы наполнило огнем, выворачивая и сминая — я

корчилась на ковре, каким-то чудом не теряя сознания, и мир медленно плыл вокруг меня, мягкий, как глина.

Первым, что я увидела, когда боль ушла, была моя рука — вроде бы моя, но... я смотрела и понимала, что она мужская. Аккуратная рука с длинными пальцами и коротко подстриженными ногтями, которая могла бы принадлежать хирургу.

Доктор Кравен помог мне подняться, и я поняла, что у меня другой нос и аккуратная борода.

— Господи... — только и смогла сказать я. — Что вы сделали?

Я запустила руки в волосы, выдернула один волосок — темный, короткий. Я ощупала лицо — оно совершенно точно было мужским. Я стала мужчиной после зерен?

Я с ужасом поняла, что и внизу у меня теперь тоже мужская анатомия.

— Господи... — повторила я и опомнилась только тогда, когда Генрих захохотал. Даже нет, он заржал на весь дом.

Обернувшись, я увидела, что с пола поднимается... Ну и зерна, ну и магия! Генрих обрел внешность Льва Толстого в молодости! Без бороды веником, в обуви, но это совершенно точно был Толстой.

Мне захотелось перекреститься. Я не знала, смеяться мне или плакать. Доктор Кравен смотрел на нас с искренним удивлением, словно не понимал, почему я настолько поражена.

— Зерна сделали меня мужчиной? — уточнила я, пытаюсь понять, на кого я стала похожа, если Генрих превратился в копию Толстого.

— Ну разумеется, — чуть ли не с обидой ответил Кравен. — Бринн разослал ваши ориентировки по всему Фаринту. Его сподручные в полиции ищут молодого мужчину в компании юной волшебницы. Все понимают, что вы попытаетесь изменить внешность, но не пол. На двух достойных джентльменов никто не обратит внимания.

— Разумно, — согласился Генрих. — Милли, но мы же не обязаны так ходить вечно! Доберемся до островов и просто перестанем принимать зерна. Там-то нас никто не станет искать.

Я кивнула, еще раз дотронулась до лица и вытянула вперед нижнюю челюсть, пытаюсь рассмотреть аккуратную бородку.

Похоже, Толстой поедет на острова святого Брутуса в компании Чехова.

На то, чтобы освоиться в мужском теле, у меня ушло еще полтора дня. Если сначала Альма учила меня ходить так, как ходят здешние леди, то теперь Генрих показывал, как нужно передвигаться джентльмену.

В общем, махать руками было можно.

С прочей анатомией я тоже справилась, хотя было непривычно и даже чуть ли не дико. Но я справилась. В итоге, когда я вошла в гостиную, Генрих одобрительно сказал:

— Джентльмен из тебя хоть куда, Милли. Провинциальный, правда, но все же джентльмен.

— Я в столицы и не лезу, — ответила я. — Надо было попросить доктора, чтобы он не меня делал мужчиной, а тебя девушкой.

Генрих только расхохотался во весь голос. Удивительное это было зрелище: классик русской литературы в другом мире. Возможно, зерна выцепили какие-то образы из моего сознания и надели их на нас.

Я лишь радовалась тому, что не примерила облик Игоря. Это было бы совсем иронично.

Доктор Кравен принес нам несколько комплектов одежды и бумажник: когда Генрих открыл его, я увидела два паспорта в темно-синих обложках и солидную стопку наличных и чеков.

— Удивительно! — воскликнул Генрих. — Я даже не думал, что у вас это получится!

— Вы смогли найти лазейку в его тайники? — спросила я. Кравен кивнул.

— Все заблокировали буквально через четверть часа после того, как я ее опустошил, — с достоинством сообщил он. — Так что голодать вам не придется. Те документы, которые там были, я не взял. Сделал новые.

— Вот и замечательно, — ответил Генрих и совершенно серьезно спросил: — Вы очень много сделали для нас, доктор Кравен. Что я теперь могу сделать для вас?

Кравен задумчиво помолчал, а потом ответил:

— Найдите Ланге. И постарайтесь выжить. И вот еще что, — он снова сделал паузу и со вздохом добавил: — Если у вас получится убить его, то убейте. Подозреваю, что вам его заказали не для суда и казни.

У меня тоже создалось такое впечатление. Мерзавцы вроде Ланге прекрасно находят себе новых хозяев и так же прекрасно им служат — иногда обмолвятся, назовут президента фюрером, и работают дальше.

— Я тоже начинаю к этому склоняться, — хмуро сказал Генрих. — Они ведь не уточнили, что он нужен прямо живым и невредимым. Привезем голову в банке. Ну, вот так получилось, ничего не исправишь уже.

Я была с ним полностью согласна.

Мы распрощались с големом, и я видела, что ему тоскливо. За эти дни он успел к нам привыкнуть, и я с грустью представила, как он будет тут жить в одиночестве. Редкие визиты доктора Кравена это все же немного не то.

— К вам будет приходиться вин-вен, — ободряюще сказала я. — Вы тут не один.

Голем заскрипел, и я вдруг подумала, что он так плачет.

— Человек редко понимает, — произнес он. — Спасибо.

Голем ушел на место своей стоянки в коридоре, доктор Кравен вывел нас с Генрихом в центр гостиной и спросил:

— Ну что, Людмила? Сможете сами открыть проход?

Я только руками развела.

— А что для этого нужно сделать? С зеркалами надо было представить место, но я не знаю, куда мы должны попасть.

— Морской вокзал, — ответил Кравен. — Можно было бы попробовать перебросить вас прямо на острова, но я боюсь, что вы рухнете в океан.

Я кивнула, соглашаясь. Морской вокзал был мне знаком.

— Хорошо. Надо просто представить место?

Доктор Кравен кивнул.

— У вас получится, Людмила.

Закрыв глаза, я взяла Генриха за руку, представила стройные колонны возле входа на вокзал и вдруг почувствовала, что мы падаем. Ветер свистел в ушах, воздух пах чем-то горелым, и я опомнилась только тогда, когда меня похлопали по плечу и сказали:

— Идемте, дорогой Джек! Нас ждут морские приключения!

— Получилось? — негромко спросила я, боясь открывать глаза. Генрих вложил в мою мокрую ладонь ручку саквояжа с вещами и ответил:

— Лучше не бывает! Но нам бы не торчать тут, а идти.

Я открыла глаза и увидела, что мы действительно стоим возле входа на Морской вокзал. Здесь было полно народу, носильщики бегали с чемоданами, орудовали мастера карманной тяги, кричали газетчики и лоточники с товаром, толпились экипажи, пытаюсь разъехаться, и я внезапно поняла, что нас с Генрихом пока не видят.

Мы были словно в непроницаемом пузыре, который готовился лопнуть.

Я покрепче ухватила саквояж и стала подниматься за Генрихом по ступеням. Глядя по сторонам, я заметила полицейских, которые пристально всматривались в идущих, сверяя их с ориентировками. В толпе сновали подозрительного вида люди, которые могли быть только подручными Бринна.

Нас действительно искали. Мысленно я поблагодарила доктора Кравена за отличную идею — два джентльмена совершенно не привлекали внимания.

Мы без проблем купили билеты до островов святого Брутуса — паспорта, которые принес доктор Кравен, не вызвали ни малейшего подозрения у кассира — и сели на скамью в зале ожидания. Генрих едва заметно толкнул меня в бок и сказал:

— Там, у газетного киоска.

Я бросила взгляд туда, куда было сказано, и увидела Эбернати. Тот листал газету, выглядел так, словно получил пресловутую и легендарную клизму с патефонными иглками, и пристально смотрел на людей в зале ожидания. Вот его взгляд прилип к молодоженам, юноше и девушке, которые щебетали и целовались, вот скользнул к матери с тремя детьми, которые никак не хотели усаживаться на скамейке, вот безразлично пробежал мимо нас, и я вздохнула с облегчением.

— Вот видите, дружище Джек, — улыбнулся Генрих. — Наш друг все сделал правильно.

Я кивнула. В это время Эбернати махнул рукой полицейским в высоких шлемах и решительно двинулся в нашу сторону.

Я старательно делала вид, что ничего не происходит. Жаль, что мы не успели купить газету — можно было бы притвориться, что внимательно читаешь какую-нибудь статью. Я почувствовала напряжение Генриха — оно так и искрило в воздухе.

— Успокойся, — сквозь зубы посоветовала я и толкнула его носком ботинка. — Засыплемся.

— Что, прости? — Генрих вопросительно поднял бровь: такого слова явно не было в его словаре. Зато удивление сделало его лицо немного мягче, а не как у школьника, который съел конфеты, а мама нашла фантики. У меня от страха и напряжения даже живот заболел, но я постаралась сказать как можно непринужденнее:

— Говорил я тебе, что от красных пиклиз будет изжога, но ты же не верил. Сядем на корабль, дам тебе суспензию.

— Господа! — подошедшие полицейские прикоснулись к шлемам, и один из стражей порядка, самый мордастый, приказал: — Откройте саквояжи.

Эбернати смотрел на нас так, словно пытался понять, о чем мы думаем. Его физиономия сделалась еще неприятнее, чем в день вечеринки у Бринна. Мысленно скорчив ему рожу, я вспомнила об упражнении со стеной, которое, бывало, советовала своим клиенткам. Представь, что между тобой и людьми находится стена, они тебя не видят и при всем желании не сумеют причинить тебе вред.

Нет. Стена это не то. Надо было думать раньше, тогда бы они к нам не подошли.

Платок, вот что нам нужно. Набросить на нас платок, который вроде бы даст рассмотреть, что происходит, но мягко скроет детали.

— А что, собственно, произошло? — нахмурился Генрих. Должно быть, именно с таким видом зеркало русской революции распекало незадачливых критиков. Вид был впечатляющий, кстати.

— Немедленно. Откройте. Саквояжи, — вразбивку произнес Эбернати.

Я миролюбиво улыбнулась и щелкнула замочком. Саквояж разинул пасть, показав всем желающим аккуратно сложенную одежду, суспензию от боли в животе и мешочек с зернами.

Мешочек с зернами! Господи, только не это!

У меня душа ушла в пятки — теперь-то я поняла, что это означает. В животе стало холодно, а голову окутало волной жара.

Эбернати сунул руку в саквояж и принялся ворошить мои вещи. «Ты ничего не видишь», — приказала я, понимая, что это вряд ли сработает. Но Эбернати ощупал мешочек, положил его на место, выпрямился и сказал своим спутникам:

— Все в порядке. Это не они.

Бринн был явно не дураком. Он прекрасно знал о зернах Геккеля, и его подручные теперь искали не просто мужчину и женщину, а проверяли всех, кто едет вдвоем.

Но у меня получилось! Эбернати ничего не заметил, и вид у него сейчас был слегка удивленный, словно он неожиданно сел на мокрое.

«Ты ничего не видишь, — спокойно повторила я и, покосившись в сторону полицейских, добавила: — И вы тоже. Здесь безопасно. Здесь все хорошо».

Мама с детьми смотрела в нашу сторону с искренним испугом. Дети даже прекратили возню. Возможно, представляли, как полицейские вынут наручники, а мы станем отстреливаться от них, как в детективном романе, а потом исчезнем с треском и блеском. Я улыбнулась им и сказала про себя: «Все в порядке, волноваться не о чем».

Дети снова завозились, пытаясь залезть на головы друг другу.

— А что, собственно, произошло? — спросил Генрих, застегивая свой саквояж, в котором полицейские предсказуемо не нашли ничего интересного. Эбернати сунул руку в карман и вынул листок с полицейскими ориентировками. Надо сказать, нас с Генрихом нарисовали довольно прилично. Только у меня, конечно, не настолько пухлые губы и не такой развратный взгляд.

Кажется, рисовал как раз Эбернати. Изображал женщину из своих фантазий.

— Взгляните, — предложил он. — Вы видели этих людей?

Генрих посмотрел на ориентировки и неопределенно пожал плечами.

— Вряд ли. Я переводчик, так что чаще смотрю в книгу, чем по сторонам. А ты, Джек?

Я пристально посмотрела на наши портреты и ответила:

— Совершенно определенно нет. А что они сделали, эти люди? Красотка сбежала с любовником от надоевшего мужа?

Женщина с детьми услышала мои слова и поджала губы.

— Это рецидивисты, — ответил Эбернати. — Особо опасные. Наркотрафик из Саалинского и Арруйского халифатов, три наемных убийства.

Я постаралась придать лицу как можно больше строгости.

— Мерзавцы, а ведь выглядят порядочными людьми, — сказала я и еще раз отдала команду: «Здесь безопасно, здесь все в порядке». Скоро Эбернати с подручными вообще не вспомнит, что разговаривал с нами. — Найдите их, офицеры, обязательно найдите.

— Благодарим за содействие, — сказал один из полицейских, они снова прикоснулись к краям шлемов и отправились в сторону парочки. Когда вся троица отошла достаточно далеко, то Генрих едва слышно произнес:

— Но как?

— Неужели ты забыл, с кем путешествуешь? — невозмутимо ответила я и только потом почувствовала, как сильно у меня дрожат колени. Ведь мешочек с зернами был в руках Эбернати! Он держал его, рассматривал и ничего не понял! Ничего!

Я и в самом деле волшебница. Пора к этому привыкать. Я несколько лет работала с волшебством, не веря в него и считая просто психологией и даром убеждения.

А волшебство взяло и пришло в мою жизнь. И, кажется, собиралось остаться здесь навсегда.

Ну что ж, раз оно помогает спасти наши жизни, то я не против.

- Интересно, здесь есть варвалинская груша? — с тоской спросила я, глядя, как берег Фаринта удаляется от нас.

В желудке поднимался ком сухой тошноты. Понимая, что мне будет плохо во время путешествия, я не стала есть в доме доктора Кравена, но сейчас от этого было не легче. Мы с Генрихом стояли на палубе, ветерок весело поглаживал меня по лицу, а внизу в воде играли крупные золотистые рыбины, но мир все равно был для меня выцветшей старой фотографией.

— Я уже сказал, чтобы принесли, — ответил Генрих. Вскоре на палубе действительно появился человек с подносом фруктов, протянул мне картонную мисочку с нарезанными ломтями груши и поспешил к даме, которая выбралась из каюты. Лицо дамы было приятного зеленоватого оттенка, и я невольно обрадовалась тому, что страдаю не одна. Проглотив кусочек груши, я вздохнула с облегчением.

— Красивые рыбы, — заметила я. Одна из них высоко выпрыгнула из воды, и я увидела, что прозрачные плавники раскрыты веером, усеянным брызгами.

— Привычные корабельные спутники в этих краях, — ответил Генрих и, взяв один из ломтиков груши, бросил вниз. Он даже не долетел до воды: очередная выпрыгнувшая рыбина подхватила его и с довольным видом скрылась в волнах. — Плавают за кораблями, кланчат угощение. Все с удовольствием их кормят.

— Ну как их не угостить, — улыбнулась я и поняла, что мне и правда легче. Улыбка даже похожа на улыбку, а не на гримасу. — Ведь красавцы!

Официант расторопно поднес нам мисочку с кусочками хлеба, и где-то четверть часа мы развлекались тем, что бросали его рыбам, а те ели.

— Что нам делать, Генрих? — спросила я, когда гуляющая парочка прошла мимо нас, и я убедилась, что рядом нет ничьих ушек на макушке, которым есть дело до беседы двух джентльменов. — Люди Бринна нас потеряли, марвинцы, я надеюсь, тоже. Что теперь?

Вспомнилась ящерица, которая напала на меня во время полета на дирижабле. Хотелось надеяться, что дальше обойдется без опасных сюрпризов, но это была слабая надежда. Марвинцы будут нас искать, и, в отличие от слуг Бринна, они не ограничены только Фаринтом.

— Я много думал об этом, — ответил Генрих. — Читал прессу, и знаешь, что понял?

Я вопросительно подняла бровь. В его голосе сейчас звучало слишком много боли, словно Генрих долго принимал какое-то решение, и сейчас оно наконец-то вызрело в нем.

— Что убийц моего отца никто не ищет. Дядя Олаф стал королем... и неплохим королем. Если нашим газетам верить нельзя, то остальным — вполне. Народ им доволен, его любят. Это значит...

— Что именно он заказал убийство, — ответила я.

Генрих кивнул.

— Он как-то понял, что мертвый принц — это не я, — произнес он. — И заказал меня марвинцам. Помнишь, мы говорили об этом перед полетом.

— Помню.

Мне захотелось взять его за руку. Утешить. От Генриха сейчас веяло настолько глубоким одиночеством, что у меня замирало сердце. Я представила тот платок, о котором думала перед общением с полицией и Эбернати, и мысленно набросила его на голову Генриха.

Пусть успокоит. Пусть приглушит его боль.

— Знаешь, я никогда не верну себе корону, — сказал Генрих, и в его голосе не было ничего, кроме спокойной усталости. — Для народа Аланберга я все равно буду самозванцем. Ненавистным, к тому же, если придется убирать их любимого Олафа.

Он сделал паузу и добавил:

— Я это окончательно понял, когда мы сидели в саду у доктора Кравена. Помнишь?

— Помню.

Мне было жаль его. Мне было невыносимо его жаль.

— Генрих, — сказала я. — Что я могу для тебя сделать? Как я могу тебе помочь?

Он посмотрел на меня с тоской и любовью.

— Знаешь, я так рад, что Андерс вытащил тебя в наш мир, — ответил он и грустно улыбнулся. — Без тебя я до сих пор сидел бы в камере... меня, возможно, уже перестали бы кормить. Я теперь не один, Милли, это невероятно важно. Ты даже не представляешь, насколько.

— Представляю. Я ведь в чужом мире. У меня тут никого нет, кроме тебя.

Некоторое время мы молчали. Доев грушу, я со вздохом спросила:

— Что же нам теперь делать?

Да, корону он не вернет, значит, надо решать, как быть дальше. Мы ведь не одни. У нас есть друзья, на которых мы сможем опереться. Отец Лукас, доктор Кравен...

— Искать Ланге, что же еще? — улыбнулся Генрих, но улыбка была печальной. — Найдем его и отправим марвинцам его голову. А потом я бы хотел вернуться к доктору Кравену и пообщаться с ним по поводу изменения внешности.

Я не знала, что сказать. В голове сделалось холодно и пусто.

— То есть, ты покажешь им, что выполнил заказ? — уточнила я. — Но тогда они увидят, что ты жив, и не оставят тебя в покое. Нас будут искать.

— Будут, — кивнул Генрих. — Но не найдут, в этом я уверен.

Я не стала спорить. Уверен, так уверен. В конце концов, мир велик, и два маленьких человека всегда найдут в нем место, в котором

их никто не достанет. Особенно если над их внешностью поработает специалист уровня доктора Кравена.

— Но сначала мы разгадаем все загадки, — сказал Генрих. — Кто создал ту пушку, которая пробила магический щит Аланберга, как с этим связан Левенинский королевский дом, и какие у него отношения с доктором Ланге.

Он был прав — это обязательно нужно сделать. Иногда можно оставить загадки за спиной, но однажды они обязательно ударят в эту спину. Через год, через десять лет, но ударят.

— Я с тобой, — негромко сказала я. — И жду не дождусь, когда сниму эту личину, чтобы ты в этом убедился.

Генрих улыбнулся.

— Значит, все будет хорошо, — ответил он. — Я в этом даже не сомневаюсь.

Острова святого Брутуса были похожи на зеленые пирожки, которые кто-то разбросал в море, щедро утыкал разноцветными домиками и натянул между ними рельсы канатной дороги. Таможни здесь не было; сойдя с корабля на самом крупном острове и миновав вокзал, мы вышли на стоянку экипажей, и я спросила:

— Ты когда-нибудь бывал здесь?

— Да, выдался однажды случай, — ответил Генрих. — Поедем сейчас в одно очень интересное место. Там никто не обратит внимания на то, что в комнату вошли бородатые джентльмены, а вышла девушка с молодым человеком.

Логично. Раз уж мы ушли от Бринна, как тот колобок от дедушки, то можно вернуть себе привычный вид. Я до сих пор с трудом сдерживала смех, когда смотрела на Генриха и видела Льва Николаевича.

Но меня не переставало удивлять то, насколько разных людей знал принц Аланберга. Кажется, у него были знакомые в любой стране и в любом слое общества.

Экипаж быстро проехал мимо квартала с дорогими магазинами, который утопал в зелени и роскоши, миновал белую набережную с гуляющими барышнями и господами, которые увивались за ними, оставил позади несколько совершенно непримечательных улиц с одинаковыми домами и постепенно оказался в самых настоящих трущобах. Кривенькие домишки, слепленные, кажется, из мятых

коробок, чумадые дети в пыли, какие-то подозрительные типы, которые проводили экипаж весьма неприятными взглядами...

— Ты с ума сошел? — негромко спросила я. — Да нас тут выпотрошат, как только мы остановимся!

Не знаю, как Генриху удалось сохранять совершенно невозмутимый вид. Не хотелось думать, что он не понимает опасности. Экипаж остановился возле двухэтажного здания — на круглой вывеске красовалась мышь в поварском колпаке, державшая половник над дымящимся котелком — и Генрих спрыгнул на землю и сказал:

— Нам не о чем волноваться, дружище! Нас тут встретят в лучшем виде.

Я решила не спорить. Пока.

Гостиница называлась «Повар Поль» — видимо, так звали ту мышь в колпаке — и внутри оказалась намного приличнее, чем снаружи. Первый этаж занимала едальня, на втором, как я поняла, располагались комнаты. Пока за деревянными столами почти никого не было, лишь пара оборванцев сидела над здоровенными пивными кружками. Увидев нас, один из них откинулся на спинку скамьи и нарочито громко осведомился на фаринтском с ужасающим акцентом:

— Фу-ты, ну-ты, откуда же к нам прилетели такие жирненькие птички?

Мне стало еще тревожнее: как правило, жирных птичек оциплют, выпотрошат и съедят. И выбросят в канаву то, что осталось.

Генрих даже не обернулся. Прошел к стойке, несколько раз хлопнул по ней ладонью и крикнул:

— Ah-haan mun ja, Anzor-ho!

Оборванцы даже сели ровно. Один сделал глоток из кружки, второй, перегоняя языком зубочистку из одного уголка рта в другой, быстро забарабанил пальцами по столу. Со стороны кухни появился невысокий господин в белоснежном халате — черный, со сверкающей лысиной и множеством шнурков на запястьях и подвесок на шее, он производил впечатление сказочного джинна, который вынырнул из лампы, чтобы выполнить наши желания.

«Анзор, — подумала я. Чужая речь вливалась в меня прохладной водой. — Его зовут Анзор».

— Добрый день, — со сдержанным достоинством произнес Анзор. — Что угодно господам?

— Угодно распить пинту черного пива с вяленой свининой, глядя на Барванийскую бухту, — ответил Генрих, и я поняла, что это пароль. — И поговорить о том, сколько стоит жизнь бедолаги, который влюбился во фрейлину при аланбергском дворе. Не больше монетки, которую он носит на шее в память о старом друге.

Анзор застыл, словно налетел на невидимое препятствие. Медленно поднял руку, дотронулся до виска и едва слышно проговорил так, будто сам себе не верил:

— Генрих?

Генрих кивнул и похлопал его по плечу.

— Как дела, дружище? — спросил он. Анзор сел за стол, не сводя с нас взгляда, пытаясь заглянуть под личину и увидеть лица. Потом он махнул оборванцам, те поднялись, поклонились нам и были таковы.

— Ты под зернами? — спросил Анзор. — Хилла всемогущий и всемилостивый! Я прочел в газетах, что ты умер!

— Слухи о моей смерти оказались сильно преувеличенными, — улыбнулся Генрих. — Да, мы под зернами, вечером их надо обновить, но мы не станем. Ну что, Анзор? Найдется у тебя уголок для старого друга?

— Еще бы не нашелся! — воскликнул Анзор, и в его глазах заблестели слезы. Он поднялся, обнял Генриха, и некоторое время они стояли просто так, радуясь друг другу. Я смотрела на них, улыбалась, и мне снова стало спокойно.

Мы у тех, кто не хочет снять с нас шкуру. Есть, чему радоваться.

Анзор отвел нас в номер на втором этаже. Когда мы поставили наши саквояжи на пол, то он поинтересовался:

— Рассказывайте, что вам принести, кроме кофе. Обед будем подавать через час.

— Мне понадобится платье, — сказала я и подумала, что Анзор не сможет не улыбнуться. Однако он остался совершенно серьезен и лишь кивнул.

— Сделаем по последней островной моде.

— А мне нужна подшивка газет, — произнес Генрих, и я почувствовала, как дрогнул его голос.

Пусть он отказался от короны. Пусть он решил не сражаться — он все равно остался собой. Генрих был настоящим принцем — а это не

просто корона на голове. Это еще и любовь к своей стране, а Генрих любил Аланберг и тяжело переносил разлуку.

«Однажды ты привыкнешь», — с грустью подумала я.

— И вот еще что, — добавил Генрих. — Есть ли на островах врач по имени Эрик Эрикссон?

— Конечно! — ответил Анзор. — Он всегда у нас обедает и ужинает. Как раз и познакомитесь. Старина Эрик вам понравится.

Кажется, у нас с Генрихом было одинаковое выражение лиц, и Анзор осекся.

— С ним что-то не так?

— Мы должны на него посмотреть со стороны, — сказал Генрих. — Так, чтобы он не заметил.

К чести Анзора надо было сказать, что он, кажется, никогда не спорил.

— Сделаем в лучшем виде, — произнес он. — Есть у меня один способ.

Глава 7

Комната, в которую нас отвели, оказалась маленькой, но очень чистой. Даже цветы стояли на столике, а в уборной я увидела подставку с ароматической пирамидкой — я так поняла, что в нынешних местах это было что-то вроде президентского люкса. Когда Анзор закрыл за нами дверь, я сняла пиджак и почти без сил вытянулась на кровати.

— Устала? — понимающе спросил Генрих. Я кивнула, чувствуя, как по всему моему телу бродят волны. Голову медленно наполнял далекий гул.

— Устала, — ответила я. — Кажется, зерна прекращают действовать. Скоро буду собой.

— Ты тоже чувствуешь это движение? — Генрих ослабил галстук, бросил взгляд в крошечное зеркало и покачал головой. — Надоело мне ходить таким бородачом.

Я не могла с ним не согласиться. Мне тоже надоел мужской облик. Хотелось поскорее стать собой и не вздрагивать при виде своего отражения.

— Ну, у нас еще есть время. Обед через час.

Генрих дотронулся до лица — его правую щеку вздуло так, словно он засунул туда грецкий орех. Пузырь опал, и я увидела, как тают борода и волосы.

Генриха окутало туманом — такие же белесые дымные пряди закрутились возле меня, и сквозь мужскую руку начали проступать очертания моей собственной руки.

Генрих рассмеялся.

— Вовремя же мы успели спрятаться! — заметил он. — Представляешь, если бы превращение началось на людях?

— Наверно, поэтому зерна Геккеля не убирают далеко, — сказала я. Вот ко мне вернулись мои руки — и сразу же накрыла волна вязкой слабости, как при гриппе, когда лежишь и не можешь пошевелиться.

Генрих почти рухнул на кровать рядом со мной. Я протянула руку, нашарила его ледяные пальцы. Ну ничего, это все недолго, скоро закончится действие зерен, и все будет хорошо...

— Дьявольщина, — выдохнул Генрих. — Это как будто я подхватил легочную жабу...

Ничего хорошего, судя по названию. Я старалась дышать глубже, тело покрывалось потом, и комната медленно вальсировала перед глазами. Да, Ланге правильно поступил, выбрав пластическую хирургию. Один раз отмучился, а потом живешь себе, не думая о том, когда принимать зерна и сколько будет стоить пополнение запаса.

Постепенно качка прекратилась. Комната замерла, перестав трястись и плавать. Я дотронулась до своего лица и с удовольствием обнаружила, что теперь оно принадлежит Людмиле Захаровой, а не копии Чехова. Я обернулась к Генриху — теперь он тоже был самым собой.

Я вздохнула с облегчением. Генрих поднялся с кровати, налил воды в стакан и протянул мне. Я схватилась за него так, словно не пила дней десять.

— Милли, — сказал Генрих. — Я тебе говорил, что ты прекрасна?

Я невольно рассмеялась, и он тоже улыбнулся.

— Ну, той ночью в доме доктора Кравена, — ответила я. — Тогда ты сказал много всяких вещей. И я им даже поверила.

— Правильно сделала, — улыбнулся Генрих. Слабость и тошнота улеглись, и я смогла сесть; он обнял меня, и я подумала, что могла бы сидеть вот так всегда. Чтобы было спокойно и тихо, чтобы Генрих обнимал меня, чтобы я понимала, что не одна на белом свете...

— Милли, — Генрих дотронулся до моей щеки, словно хотел убедиться, что я — это я. Его улыбка сделалась еще теплее. — Как же я рад тебя видеть, ты просто не представляешь!

До обеда был почти час. И мы потратили это время с пользой и с удовольствием.

Потом, когда мы уже успели одеться, заглянул Анзор — принес огромный бумажный сверток с женской одеждой для меня. Я нырнула в уборную, чтобы переодеться, и услышала, как Анзор говорит:

— Да, дружище, это ты. Теперь-то я точно вижу.

— Это я, — ответил Генрих. — Как там Эрик Эрикссон, еще не появился?

— Еще нет, придет ровно через восемь минут, — сообщил Анзор. — Он страшный педант, по нему можно сверять часы. Мы сейчас с тобой пройдем на кухню, там есть небольшое окошко,

которого не видно из зала. Миледи! — произнес он уже громче. — Вам лучше пока подождать здесь. Чем меньше толкотни где бы то ни было, тем лучше.

— Да, я тоже так подумал, — согласился Генрих. — Милли, подождешь меня здесь?

— Подожду, конечно, — откликнулась я, застегивая блузку. — Но только если мне принесут сюда обед.

— Принесут, разумеется! — рассмеялся Анзор и они с Генрихом вышли в коридор.

Я вернулась в комнату, выглянула из окна — солнечная улица показалась мне почти веселой. Да, район, конечно, был убогим, но что поделать? Выбирать нам с Генрихом не из чего. Почему, интересно, Ланге обедает именно здесь? Если он по-прежнему врач, который имеет практику, логичнее было бы ходить в какой-нибудь ресторан вроде тех, мимо которых мы проезжали в приличном и дорогом районе.

Или он решил замолить свои грехи и теперь тратит время на помощь здешним беднякам? Что-то не верится. Скорее, Ланге подбирает в этих местах тех, кого потом пустит на органы. Людей из этого квартала вряд ли кто-нибудь будет искать. И полиция, и родственники все спишут на криминал.

Как-то там Генрих? На мгновение мне сделалось страшно за него, но я сразу же сказала себе, что Генрих взрослый мужчина, способный за себя постоять, а если случится потасовка, то я скорее буду мешать, чем помогать.

В дверь постучали, и я услышала негромкий голос:

— Обед, миледи!

Быстро же они.

Открыв дверь, я поняла, что люди, которые стоят на пороге, не имеют никакого отношения к моему обеду. Судя по их физиономиям, отобедают они как раз мной. Самым впечатляющим был главарь — мне хватило одного взгляда, чтобы понять: этот человек со шрамом через правый глаз и щеку и красной косынкой на черепе не станет со мной церемониться.

Лучше не сопротивляться.

Дольше проживу.

— Не дергайся, цыпа, — едва слышно прошелестел его голос. — И больно не будет.

В следующий миг он коротким резким движением ударил меня в голову, и я рухнула во мрак.

— А если стукнет?

Кто? Кого? Пока тут стукнули только меня... Я плыла во тьме, как сонная рыбина, и голоса мягко звенели надо мной.

— Не. Не стукнет. Вот, видал, что у меня есть супротив нее? Корень винской пальмы, он особую силу от ведьм имеет.

Я лежала на чем-то твердом, и это твердое качалось туда-сюда. В голове плескалась боль.

— Да ну хорош ты врать! Ни от чего этот корень не помогает, а ты небось за него еще и денег отвалил, дурила!

Надо мной рассмеялись двое. Я попробовала приоткрыть глаза — надо же, у меня получилось с первого раза.

— Не отвалил, мне кума просто так дала.

— А-ха-ха-ха! — раскатился хохот. — А корень тогда у тебя откуда?

Первым, что я увидела, были сандали на грязных ногах. Я слегка повернула голову, переводя взгляд вверх, и поняла, что лежу на дне повозки, сквозь ткань крыши светит солнце, и двое здоровяков, которые меня охраняют, вообще-то здорово испуганы и прячут этот испуг за подшучиванием друг над другом.

— Куда едем, молодые люди? — хрипло поинтересовалась я.

Один из молодых людей, рыжий, в жилете на голое пузо и заплатанных штанах, вскочил и направил на меня какую-то деревяшку, должно быть, тот самый корень, который укрощал злых ведьм.

— Вишь, чего есть, ведьма? — решительно спросил он. Я выразительно завела глаза к тканой крыше.

Если меня не убили, значит, я нужна живой и невредимой, и вряд ли эти добры молодцы смогут пустить в ход кулаки. Очень уж напуганы.

— И что? — ответила я вопросом на вопрос. — В суп его сунем?

Второй сопровождающий, долговязый смуглый шатен, который в моем мире был бы в выпускном классе, рассмеялся и ковырнул в носу.

— Ну что, видал? Ничего ей не делается от твоего корня! Зря кума давала!

Рыжий, кажется, стал еще рыжее от обиды, спрятал корень и на правах старшего распорядился:

— Ты это, ты слышь, чего, ведьма. Ты лежи ровно и не колдуй. Поняла? Так нам всем хорошо и будет, так и доедем.

Я одарила его самой очаровательной улыбкой из всех возможных.

— Я не против, чтобы «всем хорошо», но мне бы лучше сесть.

Почему-то они не стали спорить. Просто вздернули меня за связанные за спиной руки и уронили на скамью. Я фыркнула, сдула прядь, упавшую на лицо, и поинтересовалась:

— Так куда едем, господа?

Мои спутники даже зарумянились от удовольствия. Видно, никто и никогда, даже слепой и сумасшедший, не называл их господами.

Ну да я ведьма, мне позволительно.

— К господину Морису, — ответил мальчишка. — Будешь работать.

Так, дело принимало интересный оборот. К своему удивлению, я даже как-то взбодрилась.

— Ловко придумано, — заметила я. — И кем работать?

Рыжий и мальчишка посмотрели на меня с одинаковым удивленным выражением.

— Ну как «кем»? — спросил рыжий. — Ведьмой и будешь. Станешь ребятам ворожить на хороший улов с жирненьких селедок.

Жирненькие селедки, надо же. Еще интереснее.

— Это ваши приятели собираются грабить тех, кто побогаче? — уточнила я.

— Ну и это тоже! — осклабился рыжий. — Вон какие по набережной ходят, карманы так от рыжья и лопаются. А корабли у них какие? Да с пряностями, да с монетой, да с орехом! Это что значит? Делиться надо!

— И вам нужна помощь ведьмы? — уточнила я. Рыжий кивнул, и снаружи тотчас же донесся оклик:

— Э, Гастон! Харэ болтать с ней, ща она тебя заколдует, дурила ты этакий! В жабу превратит!

Гастон с опаской посмотрел на меня и, кажется, даже стал ниже ростом. Я устало вздохнула.

— Да не заколдую я вас, не бойтесь. Так что надо-то? Только работать?

— Ну, — утвердительно качнул головой Гастон. — Будешь хорошо работать, знаешь, как заживешь?

Я представляла, что ведьма после своей работы проведет время либо на костре, либо в петле, но, конечно, не стала говорить об этом вслух.

Генрих! Что, если меня похитили по указанию Анзора? Я ничем не смогу помочь Генриху, а Анзор с легкостью сдаст его Ланге! От страха у меня похолодело в животе, все тело покрылось потом.

Куда бы меня ни везли, мне надо будет выбраться оттуда. А для этого надо было получить хоть немного свободы и независимости. А для этого надо было делать то, что мне говорят, и не спорить.

— И как же я заживу? — поинтересовалась я. Гастон и его приятель расплылись в улыбках.

— У Мориса дом знаешь, какой? Там чего только нет! В платьях будешь ходить шелковых, да мясо есть с серебряных тарелок, — сказал Гастон и тотчас же нахмурился. — Хотя не. Серебро вам, ведьмам, вредно.

— Я и из простой поем, лишь бы было что есть, — сказала я, и мои сопровождающие расхохотались.

— А, вот это правильное дело! Ты точно нас не заколдуешь?

Я вздохнула.

— Да точно, точно. Нужны-то вы мне, магию на вас тратить, — сказала я и поинтересовалась: — А как вы узнали, что я ведьма?

Гастон хмыкнул. Чернявый ковырнул в носу.

— Ну а как не узнать, у Мориса же этот есть, как его, дьявола... о, детектор, точно. Только ты тут появилась, как он так начал орать и крутиться, что хоть прыгай в лодку да плыви куда подальше. Морис его к карте, а он и кажет, что ведьма аккурат как в «Поваре Поле». Ну Морис нам и говорит: давайте, ребята, клювами не щелкайте, время дорого.

Кажется, пришла пора вздохнуть с облегчением. Глядя на рыжего, я видела, что он не врет, а значит, похитителям была нужна только я. Генрих в безопасности! И у меня есть надежда!

Повозка перевалила через какое-то препятствие и дальше покатилась намного мягче и ровнее. Кажется, мы приближались к дому Мориса, охотника за ведьмами.

Спустя несколько минут повозка остановилась, и мои похитители вывели меня в просторный двор, вымощенный светлым камнем. Дом, перед которым я стояла, словно сошел со страниц книг о рабовладельческом юге. Белый, со стройными колоннами, легкий, он словно парил в воздухе. За домом зеленел пышный сад.

Вот, значит, как живет местный криминальный авторитет. Что ж, попробуем найти к нему подход — ничего другого мне все равно не оставалось.

Меня провели в просторную гостиную, обставленную мебелью не хуже той, что я видела во дворце Андерса. В высоких вазах красовались пышные букеты пионов и орхидей, и от сладковатого запаха у меня закружилась голова. Важные господа смотрели с портретов солидно и строго.

Одним словом, этот Морис жил как дворянин, а не как бандит. Причем, если судить по обстановке, у него даже был определенный вкус, а не просто желание сделать подороже и побогаче. А к людям со вкусом нужен особый подход. Они не будут есть ту похлебку, которая легко скармливается всем остальным.

Этот Морис далеко не прост. Надо быть настороже и следить за каждым словом.

В своей прежней жизни я не имела контактов с криминалом. Преступники жили только в книгах и в кино, да и то я не особенно любила такие книги и фильмы. Ладно, все вещи когда-то приходится делать в первый раз.

Гостиную наполнил треск. Я обернулась и увидела черноволосого красавца в белоснежной рубашке и белых штанах, который вошел быстрым шагом, держа в руках темно-синий ларчик. От ларчика летел треск, и казалось, что там ворочается что-то сердитое и живое.

— Идеально! — воскликнул незнакомец. — Давно я такого не видел!

— А меня давно так не били, — сообщила я и указала на свое лицо, которое до сих пор гудело от боли. — Ваши люди всегда так поступают с дамами?

Мужчина вздохнул, и я увидела, что ему сейчас действительно стыдно.

— Деревня, грубые нравы, — сказал он. — Я велел, чтобы вас доставили сюда, но мои идиоты всегда проявляют усердие не по

разуму. Они, видите ли, считают, что лишний удар идет только на пользу. Морис Гроссо, к вашим услугам.

— Меня зовут Милена, — сдержанно представилась я и дотронулась до лица, приказывая боли уняться, а кровоподтеку растаять. Да и хозяина дома надо было впечатлить делами, а не словами.

Судя по тому, что он слегка приоткрыл рот и быстро пробежался пальцами по своему ларчику, у меня все получилось.

— Простите моих помощников, — произнес Морис. — Они страшно боятся ведьм, вот и переусердствовали. Я обязательно накажу их, а ваше неудобство компенсирую.

— Для начала расскажите, кто вы такой, — по-прежнему холодно осведомилась я, опустившись в ближайшее кресло. На обивке тоже красовались светлые пионы и орхидеи. — И почему вы приказали меня похитить?

Морис понимающе кивнул. Наша беседа пока шла в спокойном и мирном русле, и это мне нравилось, но я не обольщалась. Человек, который сел напротив, мог в любую минуту всадить мне пулю в голову: я чувствовала исходящую от него опасность.

— Я, скажем так, настоящий хозяин островов святого Брутуса, — ответил Морис, — хотя и вынужден держаться в определенной тени. Ряд дел приходится вести в отдалении от закона, и иногда для этого нужны именно волшебные способности. Те, которые есть у вас.

Я понимающе кивнула. Морис чем-то напомнил мне Андерса — и держаться с ним надо было так же.

— Прикрывать поставки оружия от полиции? — решительно предположила я. — Плюс каналы наркотиков из Фаринта?

Морис пристально посмотрел на меня, словно собирался прочесть мои мысли. Я испуганно подумала, что следующим номером программы будет мой труп с простреленной головой на дне моря.

— Наркотики у нас и свои есть, — с некоторой гордостью сказал Морис, — а вот грузы бодрящего ореха койли идут с Черного юга, и их действительно надо прикрывать. Потом они двигаются в Фаринт и халифаты. И с оружием вы тоже правы.

— И как я их должна прикрыть? — осведомилась я. — Сделать невидимыми? Таможенники смотрят и видят пустой трюм?

Морис рассмеялся, и я поняла, что двигаюсь в верном направлении.

— Не пустой, — ответил он. — Это подозрительно, особенно собаки нервничают. Запах-то они чувят, а мешков не видят. А вот если они увидят тщательно задекларированный груз перца и табака, то это будет намного лучше.

— Табак и перец? — переспросила я. — У ищеек напрочь отобьет дух. Впрочем, это не имеет значения, главное, чтобы совпадали записи в документах и то, что есть в мешках. Увидят то, что скажете. Это несложно.

Я не знала точно, сложно это или нет. Я никогда не пробовала маскировать мешки с орехами койли. Но Морис должен был увидеть мою уверенность.

— Спасибо вам, — с искренним теплом сказал он. — Партия орехов уже погружена на корабль, который поедет в Фаринт. Инспекторы поднимутся на борт сегодня вечером.

Морис похлопал в ладоши, и в гостиную величавым шагом вошла женщина, похожая на огромную черную гору в белой пене фартука.

— Все уже готово, милорд, — с поклоном прогудела она. Морис кивнул и, поднявшись, протянул мне руку.

— Предлагаю пообедать, — произнес он. — Потом поедем в порт. Я считаю волшебство работой, а работать на голодный желудок — это просто дурной тон.

Я была с ним полностью согласна.

Обед был таким обильным, словно гостеприимный хозяин хотел накормить не одну голодную волшебницу, а десяток десантников после боевого задания. На столе я увидела черный рис с фасолью и красным луком, смуглые ломти тушеного мяса с томатным соусом, фрикадельки в золотистой панировке, яркую маринованную капусту, изогнутые спинки креветок размером с мою ладонь и бесчисленное количество пирожков.

Мысленно я потерла ладони и решила, что не оплошаю.

— Приятного аппетита, — улыбнулся Морис и, вооружившись ложкой, вонзил ее в гору риса, как захватчик вонзает клинок в тело побежденного. — Я так понимаю, вам пришлось много путешествовать?

Я положила себе мяса, обильно полила соусом и подумала, что этот вопрос неспроста. А когда так спрашивают, то лучше говорить правду и не выдумывать, меньше ненужного придется запоминать.

— Очень много, — кивнула я. — Аланберг, потом Фаринт и теперь острова святого Брутуса. Но меня редко где угощали настолько богато.

Морис понимающе кивнул.

— Ведьмам приходится скрываться, так часто бывает, — сказал он. — У вас был долгий путь.

Мясо так и таяло во рту. Я вспомнила, когда ела в последний раз, и взялась за еду с утроенной энергией.

— Откровенно говоря, — призналась я, — мне нужен один человек на островах.

Морис вопросительно поднял бровь и разломил очередной пирожок с куриной начинкой. Он метал эти пирожки в рот, словно орешки, и я невольно удивилась тому, как при таком славном аппетите хозяин дома умудряется сохранять стройную фигуру без капли жира.

— Кто же? — осведомился он уверенным деловым тоном.

— Доктор Эрик Эрикссон, — ответила я. — Знаете такого?

— Конечно! — рассмеялся Морис. — В прошлом году у меня воспалилась слепая кишка, он делал мне операцию. И сделал ее просто идеально, к вечеру я уже стоял на ногах, а мог бы лежать в могиле.

Спустя мгновение он сделался крайне серьезным и спросил:

— Зачем вам доктор Эрикссон?

Я снова решила говорить правду.

— Вы знаете о войне Саатона с Хелевинской империей?

Морис вновь улыбнулся.

— Знаю, конечно, здесь не все дикари на пальмах. Она была далеко от наших краев, но газеты писали все подробности. Венсан Лаваль, наше острое перо, был там военным корреспондентом. Так потом и остался в Саатоне, говорят, хорошо живет.

— Среди военных преступников был доктор Ланге, — продолжала я. — Он ставил эксперименты над пленными... проверял, допустим, сколько проживет человек, если из него вынимать органы.

Морис и бровью не повел. Похоже, в здешних краях еще и не таким занимались.

— Изувер, я понимаю, — кивнул он. — Вы думаете, что доктор Ланге и доктор Эрикссон, это один человек?

— Я уверена в этом, — твердо ответила я.

Морис задумчиво постучал пальцами по подбородку. Взял с блюда несколько креветок и принялся вытаскивать их из панцирей.

— Зачем он вам?

Я улыбнулась, надеясь, что улыбка получилась достаточно хищной. Взгляд Мориса едва заметно потемнел.

— Позвольте вашу руку, — попросила я, взяла Мориса за руку и нашарила его пальцами шрам у меня под волосами. Он остался после того, как в юности я неудачно упала на катке почти под коньки других катающихся, но Морис об этом, разумеется, никогда бы не узнал.

Все нужно использовать себе на благо. Даже старые шрамы.

— Вы были его подопытной? — негромко спросил Морис, его голос едва заметно дрогнул, и, когда я выпустила его руку, он метнул в рот еще один пирожок для успокоения нервов. А мой сдержанный рассказ его впечатлил, я это видела.

— Он вскрывал мне череп, — с прежним отстраненным холодом в голосе ответила я. — Пытался узнать, чем мозг ведьмы отличается от остальных мозгов в его коллекции. Почти узнал, как видите, но потом был штурм Хотса, город горел несколько дней, и доктору Ланге было уже не до его науки. Хелевинцы с ним бы не стали церемониться, там у самого императора были личные счета. Все считают, что он погиб, но я знаю, что он жив и сейчас находится на островах святого Брутуса.

Некоторое время мы молчали. В столовую скользнула бесшумная тень служанки и унесла несколько опустевших блюд.

— Хотите пообщаться со своим доктором? — поинтересовался Морис, забирая оставшиеся креветки.

— Всякая тварь желает взглянуть в лицо своему создателю, — кивнула я. — Иногда чтобы поговорить. Иногда чтобы помолчать. А иногда чтобы сделать все, что сделали с ней.

Губы Мориса дрогнули в понимающей улыбке.

— Жаль, конечно, — сказал он. — Подозреваю, после вашей с ним встречи на островах не останется врача. А он хороший врач, говорю вам по собственному опыту.

— Разумеется, он хороший врач! — воскликнула я. — Сколько лет он тренировался?

— Ну явно не один год, — улыбнулся Морис и предположил: — Если я решу сопротивляться, то вы просто повернете кусок хлеба у меня в глотке так, что я задохнусь?

Я развела руками. Морис оценил меня по достоинству, и это не могло не радовать.

— Мне бы хотелось все решить миром. У вас свои дела, а у меня свои, хорошо, если они совпадут.

Морис вздохнул.

— Жаль, конечно. В нашем климате без врачей тяжело.

Я понимающе кивнула.

— А если я привезу вам другого врача? — предложила я. Бринн не дурак, рано или поздно он докопается до того, как доктор Кравен связан с нашим исчезновением, и моему соотечественнику надо будет срочно менять чудесный фаринтский климат на что-то другое.

Почему бы и не острова святого Брутуса?

— Это уже намного интереснее, — одобрительно улыбнулся Морис. — Что ж, Милена, я согласен! Сегодня вы прикрываете наши орехи, а потом я привезу вам доктора Эрикссона. Если хотите, даже помогу нашинковать.

Мне захотелось прикрыть глаза и вздохнуть с облегчением.

— Есть еще одна вещь, которую я хочу обсудить, — сказала я, когда служанка убрала со стола тарелки и принесла десерт: сладкий пудинг и такой крепкий кофе, что у меня, кажется, зашевелились волосы на голове. — Мой спутник. Мы приехали на острова вдвоем.

Морис вопросительно поднял бровь.

— А, так вы были не одна? — спросил он, и я поняла, что о Генрихе никто здесь не знает. Видимо, Морис просто не счел нужным этим поинтересоваться.

— Я бы очень просила вас привезти его сюда, — сказала я. — Живым и здоровым.

Морис понимающе улыбнулся, и я подумала, что своими руками дала ему козырь. Если я заупрямлюсь и откажусь работать, то с Генрихом может произойти что-то плохое.

С другой стороны, как дать ему понять, что я жива? Как помочь? Он ведь будет искать меня, и вряд ли этот поиск обойдется без неприятностей.

— Кто он? — поинтересовался Морис.

— Мой жених, — призналась я и машинально дотронулась до звезды Магриба под тканью платья. Хотелось надеяться, что мой медальон бережет и охраняет Генриха...

Мне почудилось, будто камешек на шнурке налился живым теплом, словно откликнулся на мою тревогу и захотел утешить.

— Привезем, разумеется, — улыбнулся Морис и с крайне серьезным выражением лица осведомился: — Он тоже волшебник?

Ну нет, двойной удачи тут точно не будет.

— Нет, — ответила я, чувствуя, как тревога разжимает пальцы. — Он инженер по добыче олеума.

— Олеума у нас тут не водится, — ответил Морис, — но я думаю, мы найдем для него работу. Мне всегда нужны люди, которые не боятся трудиться.

Я видела, что новости его обрадовали. Конечно, я буду милой и послушной, ведь теперь Морис точно знает, как на меня можно повлиять.

Осталось еще понять, как именно предстоит трудиться Генриху. Да, мы влезли в знатное осиное гнездо. Вернее, осы напали на нас и уволокли.

— Вот и замечательно, — улыбнулась я и добавила: — Умные люди всегда могут договориться, правда?

На том наш обед и закончился.

Морис откланялся, сказав, что у него есть дела, и предложил мне скоротать время до вечера в саду.

— У меня там сортовые пионы, — сдержанно сообщил он напоследок, и я с искренним уважением пообещала, что уделю им внимание. Надо же, глава местного криминала любит цветочки!

Итак, кажется, наступила мирная передышка. Я вышла в сад, некоторое время гуляла по тропинкам, а потом села на скамью среди пышных пионовых облаков и устало вытянула ноги.

Как там Генрих? Возможно, увидел Ланге, возможно, понял, как действовать дальше, и обнаружил, что я пропала. Только бы он не наделал глупостей от волнения!

На душе было тоскливо. Даже удивительное очарование сада, полного ярких красок и птичьих трелей, не развеивало ее.

Я вынула шнурок со звездой Магриба и машинально принялась крутить его в пальцах. Так мне казалось, что я хоть немного, но ближе

к Генриху.

Нет, я не любила его той любовью, о которой пишут в романах. Но мне было трудно без него, и я без слов молилась о том, чтобы с ним все было хорошо.

Мне хотелось прикоснуться к нему. Утешить, сказать, что все в порядке.

Мне хотелось прикоснуться...

Камень ударил током по пальцам, и я внезапно почувствовала, что Генрих рядом. Я словно бы видела его — Генрих стоял на тропинке среди деревьев и выглядел так, будто его ударили.

— Генрих? — прошептала я. Он вздрогнул, принялся озираться по сторонам — кажется, Генрих сейчас по-настоящему услышал мой голос.

— Генрих! — воскликнула я и тотчас же испугалась, что меня услышат люди Мориса. Генрих поднял голову к небу, и я увидела огромную пеструю птицу, которая сидела на дереве и с удивленным интересом смотрела на него.

— Милли? — выдохнул Генрих. — Милли, это ты?

— Да, это я, — я вдруг поняла, что вот-вот расплачусь. Сжала звезду Магриба так, словно боялась, что она растает. — Генрих, где ты?

— Я неподалеку от поселка, — ответил он. — Милли, как ты? С тобой все в порядке?

— Да, — сказала я. — Я у Мориса Гроссо, здешнего криминального короля. Его люди будут тебя искать и приведут ко мне. Я договорилась с ними, нам отдадут Ланге!

Генрих застыл на месте. Нахмурился. Мне вдруг захотелось протянуть руку и дотронуться до его лица. Просто чтобы убедиться, что он жив и здоров, и это не моя галлюцинация.

— Милли... — прошептал он и улыбнулся той светлой улыбкой, которая мне так нравилась. — Я так испугался за тебя... Комната пуста, на полу капли крови. Анзор сразу сказал, что это люди Мориса, только они могли тебя похитить. С тобой точно все в порядке?

— Точно, — мне вдруг стало спокойно и тепло. Обо мне давным-давно никто не заботился вот так, по-настоящему, просто потому, что я это я, а не жена, которая, заболев, не сможет подавать мужу завтрак и

гладить рубашки. — Я теперь, скажем так, на него работаю. Генрих, а ты-то где?

— Иду к дому Мориса, разумеется, — ответил Генрих. — Хочу поговорить с тем, кто похитил мою невесту.

— Отлично! — кажется, можно было вздохнуть с облегчением. — Генрих, как только тебя увидят, сразу же говори, что ты...

Картинка перед моим взглядом лопнула, словно мыльный пузырь. Некоторое время я сидела на скамье, растерянно озираясь по сторонам. Звезда Магриба в моих пальцах медленно теряла свет, словно засыпала. Генрих идет сюда, совсем скоро мы встретимся...

В ту же минуту из-за стены деревьев сада послышались выстрелы.

Глава 8

Я закричала так, словно стреляли в меня.

На какое-то время я будто стала кем-то другим, не собой. Все, что я помню об этих минутах — свой бег по тропинке среди деревьев и крик. Я кричала не на русском и не на любом из знакомых мне здешних языков. Но в этом вопле был приказ всему живому: остановиться, замереть, застыть.

Кажется, вспорхнувшая с ветки птица замерла, словно мушка в янтаре.

Я выбежала к белой ограде, отделявшей сад от леса, и увидела двоих мужчин с ружьями, направленными на человека, идущего по тропе. Они замерли, один стоял с раскрытым ртом, словно мое заклинание заморозило его на середине слова.

Генрих застыл, подняв руки.

Ветка, сбита пулей, зависла прямо над его головой.

Я остановилась, пытаюсь выровнять дыхание и успокоиться. Мир медленно-медленно оживал, приходил в себя, и я услышала далекий звон чужих слов:

— А ну сто-о-ой!

Что-то хлопнуло над головой, и мужчины оторопело опустили ружья, пытаюсь понять, что с ними происходит. Один из них, смуглый бородач, увидел меня и опустил ружье.

— Миледи! — воскликнул он, и Генрих сказал с ним хором:

— Милли!

— Не смейте стрелять, — выдохнула я. — Кости из рук выну.

Богом клянусь, я понятия не имею, откуда взялось это обещание, но в ту минуту я чувствовала, что могу это сделать, и даже не устану. Сила, которая наполняла меня сейчас, заставляла волосы шевелиться на голове.

— Слушаюсь, миледи, — уважительно произнес бородач и пояснил товарищу: — Это ведьма господина Мориса.

Тот понял, что лучше не спорить.

Генрих подбежал к ограде, схватил меня за руку, и несколько мгновений мы стояли просто так, глядя друг на друга.

— Ты жива, — прошептал Генрих. — Не померещилось.

— И ты жив, — откликнулась я. Облегчение было настолько сильным, что земля закачалась под ногами. Вот мы и снова вместе, и все в порядке, и теперь все будет хорошо.

Бородач открыл калитку, пропуская Генриха за ограду, и посоветовал:

— Вы бы, милорд, лучше по главной дороге шли. А то с этой стороны мы сначала стреляем, а потом спрашиваем.

Генрих только руками развел.

— Ну извините, — буркнул он. — Где показали, там и пошел.

Я подумала, что тропинку наверняка показал Анзор. И он знал, что охрана здесь не церемонится с незваными гостями. Почему, интересно, он решил расправиться с человеком, которого называл своим другом?

— Передайте господину Морису, что мой друг уже в поместье, — попросила я бородача. Тот кивнул, и я добавила: — Как только господин Морис скажет, я начну работу.

Бородач и его приятель прибавили шага — было видно, что они напуганы и готовы броситься бежать. Ничего удивительного, я бы тоже испугалась, если бы вдруг залипла в мире, не в силах ни пошевелиться, ни заорать.

— Это были предупредительные выстрелы, — сказал Генрих тем тоном, которым обычно пытаются успокоить, и сразу же спросил: — Милли, что мы будем делать?

— Это ведь Анзор сказал тебе о тропинке? — поинтересовалась я, когда мы вышли к знакомым пионам, и я почти без сил рухнула на скамейку. Генрих сел рядом и ответил:

— Да, кто же еще.

— Почему он хочет тебя убить? — спросила я. — Он ведь не просто так послал тебя именно по охраняемой тропинке. Еще повезло, что они не попали!

При мысли о том, что Генрих сейчас мог бы лежать на окровавленной траве, меня стало знобить. Что бы я делала, если бы он умер? Как бы жила дальше?

Мне только что удалось поверить в то, что я смогла встретить хорошего, достойного человека.

Что, если...

Нет, дальше было слишком больно.

Генрих вдруг рассмеялся.

— Ну конечно! — воскликнул он. — Зерна Геккеля! Их у нас осталось столько, что можно купить весь этот остров!

Да, чего-то в этом роде я и ожидала. Когда впереди маячит нажива, мало кто задумается о старой дружбе. К тому же, если раньше Генрих был наследным принцем, то теперь он никто, и взять с него нечего — кроме зерен.

Я рассмеялась. Сунула руку в потайной карман в платье и, вынув мешочек, положила его на скамью. Генрих посмотрел сперва на него, потом на меня, и у него был настолько удивленный, что я не сдержала улыбки.

— Ты что, забрала зерна? — изумленно спросил Генрих.

— Да, вот так получилось, — ответила я. — Привыкла держать при себе важные вещи. Очень уж у твоего Анзора заблестели глаза, когда он понял, что мы под зернами.

Генрих усмехнулся, но теперь в нем была только грусть.

— Кажется, у меня не осталось друзей, — признался он. Я погладила его по плечу, поцеловала в щеку. Это тяжело, понять, что тот, кому ты доверял, с легкостью отправил тебя на верную смерть. Невыносимо тяжело.

Я представила, как Анзор сейчас роется в наших саквояжах, и испытала прилив мстительной радости. Пусть предатель останется лишь с разочарованием — стыда от своего предательства он не испытает.

— У тебя есть я, — сказала я. — А у меня есть ты. И мы с тобой решим все остальное.

Теперь Генрих улыбнулся по-настоящему, так, как я привыкла.

— Милли, — произнес он, обняв меня, — ты просто не представляешь, как я за тебя испугался.

— Все обошлось, — ответила я. — Если бы меня хотели убить, то убили бы сразу. А раз нет, то надо договариваться.

— Чего они хотят от тебя? — спросил Генрих.

— Чтобы я поработала волшебницей и прикрыла контрабанду. А за это мне принесут Ланге на блюде, правда, я сомневаюсь, что потом позволят покинуть острова.

— И когда начнется твоя работа? — поинтересовался Генрих.

— Сегодня вечером, — ответила я, и по спине мазнуло холодком. Не знаю, почему, но мне сделалось страшно.

— Ну вот, миледи.

В трюме красовались три мешка с орехом койли. Пока мы ехали в порт, мой старый знакомец Гастон, который теперь держался с видом знатока и лучшего друга ведъм, рассказывал мне об этих орехах. Разгрызи всего один — и сил у тебя станет столько, что ты сможешь ворочать огромные каменные глыбы голыми руками. Орех мобилизовывал скрытые резервы организма: рабы, которым его скармливали, трудились без сна и отдыха — потом они на несколько дней падали без сил, и хозяева выставляли на их место новых.

Здесь это называлось «работа вахтовым методом».

Что и говорить, оборот орехов койли здесь был незаконным. Но Морис всегда находил способы доставить груз покупателям. Проблемы начались тогда, когда таможенных офицеров возглавил Эжен Рено, упрямый и неподкупный, который не желал класть на глаза крупные купюры и делать вид, что ничего не происходит.

— Уж такая упертая сволочь! Мы к нему и так, и сяк, нет! Не идет человек навстречу, — посетовал Гастон, и я поинтересовалась:

— Неужели вы не пробовали его убить?

— Вот не пробовали, миледи. Потому что он родственник сахлевинского принца, а у сахлевинцев короткий разговор. Прилетят на драконах, были наши острова зелеными, а станут жареными. И разбираться никто не станет, точно.

Я понимающе кивнула и подумала, что с этим господином Рено надо бы познакомиться и пообщаться поближе. Возможно, он именно тот, кто поможет нам покинуть гостеприимные острова святого Брутуса.

Итак, в трюме кораблика, который должен был следовать в Фаринт, лежали три мешка контрабанды. По документам они были грузом перца и табака, и я должна была сделать так, чтобы господин Рено, который ровно через полчаса сунет в них свой нос, крепко прочихался и ничего не заподозрил.

Я посмотрела в сопроводительные бумаги и представила себе мешок красного стручкового перца и два мешка табака. Большие такие мешки из грубой коричневой ткани, затянутые веревкой и украшенные черными штампами на боках.

«Торговая компания «Вессен и сыновья», работаем для вас сто один год».

Как там было в старом анекдоте, преврати поросю в карася?

Гастон, который торчал за моей спиной, вдруг восторженно ахнул, и я увидела, что мешки с орехом изменились, став толще и крупнее. Теперь они занимали почти половину трюма, и запах здесь стоял соответствующий, такой, что просто вышибал дух. Я зажала нос и бросилась на палубу.

— Не, ну точно перчик! — услышала я голос Гастона. — Так прямо и лежит стручками!

— Только не ешь его, — посоветовала я, пытаясь продышаться и глядя, как по набережной едет экипаж с гербом таможенного контроля.

Даже странно, что пассажиров не проверяют при высадке. Хотя, возможно, Эжена Рено интересуют только незаконные грузы.

— Перец и табак, — сообщил Гастон, выбравшись на палубу и обнюхивая свои лапищи. — Вот, точно, так табачищем и прет.

— Это кто едет? — поинтересовалась я. — Рено?

Гастон нахмурился.

— Он сегодня не ко времени. Видно, настучала какая мразь, что тут орехами пахнет. Вы, миледи, вот что, спускайтесь поскорее и идите к экипажу. Если что, Жак вас отвезет в поместье, а так ждите меня, и вместе поедем.

Я понимающе кивнула. Не стоит привлекать лишнего внимания. Кто знает, вдруг господин Рено умеет распознавать ведьм лучше радара Мориса?

Я как раз разместилась на сиденье, когда экипаж инспектора остановился напротив сходней нашего кораблика, и по ним важным шагом двинулись две небольшие собаки в темно-синих пополах. Эжен Рено выглядел моим ровесником, и, глядя на него, я подумала, что когда-то видела такого мужчину в книге о декабристах. Сильный, уверенный в своей правоте, готовый отдать жизнь за свои идеалы.

Он вдруг обернулся и пристально посмотрел в мою сторону. Я сделала вид, что старательно рассматриваю чайку, которая клевала какую-то дрянь. Нет-нет, спасибо, нам не нужно внимание таких серьезных господ.

Пока не нужно.

Собаки выбежали из трюма через несколько минут. Вскоре появился и Рено с бумагами, и вид у него был такой, словно он ожидал увидеть совсем не перец с табаком. Суперкарго, который почтительно раскланялся со мной, когда поднималась на борт, шел рядом, глядя так, как победитель смотрит на посрамленного врага.

— Перчик, конечно, дешевенький, — услышала я, — но так и покупатель не сильно важный.

Рено кивнул. Мне стало его жаль. Сняв колпачок с печати на пальце левой руки, он поставил оттиск на документах, суперкарго поклонился и поднялся на борт.

Получилось. Кажется, можно было вздохнуть с облегчением, но мне было невыносимо стыдно. Да, я спасала себя и Генриха, но...

Рено быстрым упругим шагом обошел лошадей и приблизился к моему экипажу. Я поспешно придала себе вид гуляющей кокетки и посмотрела в его сторону так, как смотрят на поклонника, успевшего ужасно надоесть.

— Миледи, — с легким поклоном произнес Рено, дотронувшись до правого виска. — Что такая девушка делает в порту?

Надо было импровизировать. Я улыбнулась и ответила вопросом на вопрос:

— А кто этим интересуется?

— Эжен Рено, глава таможи островов святого Брутуса, — отрекомендовался Рено. Прозрачно-голубые глаза смотрели на меня с цепким интересом, и я не могла понять, профессионален он или нет. — Никогда вас здесь раньше не видел, благородные дамы сюда не заглядывают.

Так, он уже объясняет. Это хорошо.

Краем глаза я видела суперкарго и Гастона, которые стояли на борту кораблика и смотрели в нашу сторону так, словно собирались бежать и сушить портки.

Кажется, мне надо было одеться как тот оборванец, который сидел возле входа в центр у марвинцев.

— Знаете, пришла в голову блажь поесть устриц прямо из моря, — ответила я, стараясь быть той пустоголовой кокеткой, какой была на Фаринте. Рено понимающе кивнул. Улыбнулся и протянул мне руку.

— Здесь неподалеку есть прекрасный ресторанчик, — произнес Рено. — И устрицы там — просто восторг. Едем?

Сама не знаю, как я смогла стряхнуть накотившее на меня наваждение. В ушах зазвенело, и я едва услышала, как говорю:

— Благодарю вас, милорд, но я замужем. И не езжу с другими мужчинами.

Улыбка Рено стала еще шире, словно я сказала именно то, что он хотел услышать.

— Меня это, конечно, огорчает, — ответил он. — Но не останавливает. До скорой встречи, миледи!

— Вот так и сказал: это меня не останавливает, — подтвердил кучер. Он тарасился на Мориса так, словно тот мог отдать его на съедение хищникам в любую минуту. Я сомневалась, что на маленьких островах святого Брутуса могут быть хищники, но выражение смуглой физиономии впечатляло.

Кораблик с грузом ореха спокойно покинул порт и направился в Фаринт. Я представляла, как капитан, суперкарго и остальная команда корчат рожи Эжену Рено, оставшемуся на берегу ни с чем. Правда, веселиться они будут ровно до того момента, как в корабельном дне не возникнет пробоина.

Это случится недалеко от берега Фаринта, так что команда может и спастись. А вот груз — уже нет. Его смоеет в море.

Мы сидели в гостиной, и, хотя беседа о моем первом рабочем дне была похожа пусть на мягкий, но все же допрос, было видно, что Морис мной доволен. Даже очень доволен. Кажется, он думал, что я его обману, и то, что корабль с грузом и печатями Рено на документах все-таки отправился в Фаринт, его обрадовало — я чувствовала, что Морис готов пуститься в пляс. Генрих сидел рядом со мной, и я понимала, что все это время он был заложником.

— Этот ваш Рено всегда так бросается на девушек? — непринужденно поинтересовалась я. Морис неопределенно пожал плечами.

— Он явно что-то заподозрил, но вот придраться ему не к чему. Хорошо, что вы не поехали с ним.

Я посмотрела на Генриха — он улыбнулся и сжал мою руку. Кажется, мы с ним действительно смогли пройти этот этап. Морис

проверил нас, убедился, что мы на его стороне и делаем то, что он нам говорит.

Кажется, пришла пора вздохнуть с облегчением.

— Зачем мне с ним ехать? Я работаю с вами и не рискую вашим доверием, — невозмутимо ответила я, и Гастон, который топтался у дверей, тотчас же добавил:

— Настоящий перец был, как есть настоящий! А табак? Дрянь табак, но руки вон, до сих пор пахнут.

Я выразительно прикрыла глаза: да, тут серьезная магия, а не цирковые фокусы.

Кажется, от Генриха летели маленькие молнии.

Он волновался за меня. Все это время он не находил себе места и боялся, что больше не увидит меня живой.

Генриху не надо было говорить ни слова. Я ловила его чувства и понимала так, словно они были моими.

— Вы удивительная волшебница, Милена, — произнес Морис. — Что ж, так чем я могу вас наградить? Помимо того, что я заплачу закрытие груза?

— Доктор Эрикссон, — сказала я. — Больше ничего.

Лицо Генриха сделалось угрюмым и твердым.

— Сами понимаете, я не могу схватить человека на улице, — ответил Морис с таким невинным видом, что я с трудом сохранила спокойное выражение лица. Вот как! А меня, значит, отправили в нокаут и похитили, наверно, совсем другие люди. С неба упали, должно быть.

Или он вздумал юлить? Ланге наверняка оказывает Морису услуги, и тот не хочет с ним расставаться. Никто не отдаст курицу, несущую золотые яйца.

Об этом я не подумала. Почему-то решила, что он не станет меня обманывать.

Кажется, впервые за все время наших с Генрихом путешествий мы с ним попали в безвыходное положение.

— Но я могу пригласить его в гости, — продолжал Морис после небольшой паузы. — Допустим, завтра вечером, — он снова сделал паузу и добавил: — Милена, я понимаю ваши нежные чувства к господину Эрикссону. Я на вашем месте хотел бы того же. Месть, в конце концов, дело достойное. Но все-таки, может, вы оставите его в

живых? Какой врач приедет на его место, я не знаю, а с доктором Эрикссоном знаком очень хорошо.

— Да, знакомый дьявол лучше незнакомого, — согласилась я. — Что ж, Морис... Организуйте нашу встречу. Пожалуйста.

Все огни в лампах погасли, словно их задул порыв ветра. Комнату наполнил звон — начали приплясывать фарфоровые безделушки на каминной полке, зашевелились вазы на полу. Меня снова наполнило искрящимся весельем — я чувствовала свою силу и понимала, насколько она велика.

Месяц назад я и поверить не могла бы, что во мне может появиться магия. Что магия вообще существует! И вот теперь во мне жило волшебство.

Это было страшно и радостно. Это было чудом.

Люди Мориса испуганно заохали. Генрих схватил меня за руку, сжал, словно пытался успокоить. Дом стал успокаиваться, огни зажглись снова, и я увидела, что побледневший Морис держит в руке пистолет, наведя его на меня.

Он не собирался начинать пальбу — я это видела по его лицу. Оружие просто придавало ему уверенности.

— Я не обещаю, что доктор Ланге останется в живых, — совершенно спокойным тоном сказала я. — Но я обещаю, что с вами не случится ничего плохого.

Рука Мориса, сжимавшая пистолет, дрогнула — он убрал оружие и устало откинулся на спинку своего кресла.

— Завтра он придет, Милена, — пообещал Морис.

Я подумала, что следующим номером программы последует сообщение, отправленное Ланге: «Беги с островов, тебе конец».

— Это хорошо, — беспечно ответила я, понимая, что меня несет по очень рискованной территории, и я не могу остановиться. Словно поток подхватил. — Я настроена на то, чтобы долго и успешно работать с вами. Мне нравится здешний климат, я бы с удовольствием останусь на островах. А вы, Морис? Вы не склонны к рискованным авантюрам?

Морис вопросительно поднял бровь. Кажется, моя мысль о сообщении доктору соответствовала действительности.

— Доктор Эрикссон может внезапно исчезнуть с островов, — холодно сказала я, не сводя взгляда с Мориса. — И это меня очень

сильно расстроит, а я не очень-то приятна в гневе.

Морис понимающе кивнул.

— Завтра, — произнес он. Надо же, его пробрало: похоже, Морис понял, что имеет дело с той силой, которую не сможет укротить или удержать. — Утром доктор оперирует в больнице для бедных. Я оплачиваю эту работу. На ужине он будет с нами.

Я улыбнулась так сердечно и тепло, как только могла.

— Это просто замечательно, Морис, — ответила я.

На этом мы и распрощались. Морис сослался на какие-то срочные дела и покинул гостиную. Когда все разошлись, то Генрих признался:

— Честно говоря, я испугался, когда все начало звенеть. За тебя испугался.

Я благодарно сжала его руку. Сейчас, рядом с ним, мне было легко и спокойно. Наконец-то можно было просто сидеть рядом и купаться в тепле и любви друг друга.

— Ты знаешь кого-нибудь из сахлевинской династии? — спросила я. — Кого-то, кто может подтвердить, что ты это ты?

Генрих нахмурился, затем кивнул.

— Знаю. А почему ты о них спросила?

— Эжен Рено родственник сахлевинского принца, — ответила я. — И он поможет нам убраться отсюда вместе с доктором. Вряд ли Морис решит нас проводить и помахать платочком вслед. И вряд ли марвинцы будут просто сидеть и ждать твоего сигнала.

Как я и запланировала, корабль с грузом затонул неподалеку от берегов Фаринта. Команду спасли пограничники, а вот мешки с орехами оказались на дне. Сообщение об этом пришло рано утром, как раз за завтраком; Морис скомкал желтый листок телеграммы, и его лицо побагровело так, словно его вот-вот хватит удар.

Мы с Генрихом одинаковым движением отложили вилки. Выражение наших лиц тоже было одинаковым — сочувствие и понимание. Сейчас надо было быть полностью на стороне хозяина дома. Я даже подумала, не позвать ли на помощь.

Встреча с доктором Ланге могла бы состояться намного раньше намеченного, и это меня не радовало.

— Сколько стоил груз? — негромко спросила я.

— Пятнадцать тысяч золотых орлов, — так же негромко ответил Морис. — Корабль... около двух с половиной.

Он был потрясен. Несколько минут назад его мир был светлым и безоблачным, полным надежд — а теперь все пошло прахом. И мне надо было понять, как сделать так, чтобы мы с Генрихом не попали под раздачу.

— Как же это могло случиться? — с искренним непониманием спросила я. Морис провел ладонями по лицу. Нашарил на столе бокал с минеральной воды, осушил одним глотком.

— Пробоина, — глухо произнес Морис. — Дьявол ее побери, как она там появилась? Корабль проверяли перед отправлением.

Я поняла, что надо действовать.

— Возможно, это был взрыв? — предположила я. — У вас есть враги, которые могли бы подложить бомбу?

Морис рассмеялся, и его взгляд сделался ледяным и цепким. Кажется, задавать вопрос следовало иначе: «У вас здесь есть друзья?»

Конечно, были те, кто хотел перекроить влияние на островах и забрать себе все, что имел Морис. Или хотя бы откусить кусок побольше от его пирога. Доктор Ланге словно нарочно выбрал место, где поселиться, чтобы у нас с Генрихом было побольше проблем.

— Знали бы вы, сколько их, — ответил Морис. — Никогда нельзя быть уверенным в том, что один из них не вцепится в меня. Пока я всех держу в руке, но вот кто-то не хочет сидеть на месте спокойно и ровно.

Когда так говорят, то ждут, что собеседник немедленно примется уверять в своей любви, крепкой дружбе и поддержке. Я ободряюще улыбнулась.

— Я не буду говорить, что я ваш лучший друг и самый верный соратник, — сказала я. — Как правило, так говорят те, кто готовится нанести удар. Но мы с вами работаем вместе, вы хорошо платите и можете мне доверять, пока платите.

Вчера вечером мне с поклоном принесли конверт от хозяина дома. В конверте лежал чек на предъявителя: мою работу оценили в две тысячи орлов. Генрих даже присвистнул и сказал, что Морис не пожадничал.

Теперь у нас были деньги. Это не могло не радовать.

Морис усмехнулся.

— Что ж, это, по крайней мере, честно. Я заплачу вам пять тысяч орлов, Милена, если приведете мне того, кто взорвал корабль.

Генрих легонько толкнул меня ногой под столом. Я кивнула.

— Для этого мне надо выйти в город, — ответила я. — И без сопровождающих.

Морис нахмурился, задумавшись. Кивнул.

— Предлагаю вашему жениху остаться здесь, — произнес он. — У меня есть для него работа.

Генрих улыбнулся с таким видом, словно прямо сейчас готов был пойти и сделать все, что ему прикажут.

— Что нужно сделать? — поинтересовался он.

— Вы инженер, значит, у вас достойное образование, — сказал Морис. Кажется, он сейчас говорил только для того, чтобы отвлечься и не думать о том, что корабль с орехом койли помахал ему рукой, отправляясь к морским чудищам. — Недавно я купил большое собрание книг в библиотеку, но пока их не разобрал. Посмотрите их, отделите те, что имеют ценность, от тех, которые можно пустить на растопку.

Генрих утвердительно качнул головой. Я в очередной раз подумала, что с Морисом надо держать ухо востро. Человек, который собирает библиотеку, всегда может преподнести неприятный сюрприз.

— Разумеется, — ответил Генрих. — Я вчера уже обратил внимание на вашу библиотеку.

Кажется, румянец Мориса уже не был таким багровым. Он увидел определенный выход из положения и уже придумал, как сможет получить выгоду из этой ситуации.

— Надо же! И как она вам?

— Удивительное собрание для этих мест, — произнес Генрих, и я видела, что он не лукавит.

На том мы и расстались. Морис ушел в свой кабинет, мы с Генрихом вышли из дома, и, сжав его руку, я негромко спросила:

— Все в порядке?

Генрих легонько поцеловал меня и попросил:

— Будь осторожна, хорошо?

— Буду, — кивнула я. Морис ни за что бы не выпустил меня из дома одну, Генрих оставался в заложниках, и как же хорошо, что сейчас я могла выйти из поместья! Генрих ободряюще улыбнулся.

— Ты поедешь к Рено? — осведомился он. Я кивнула.

— Да. Только он может нам помочь сбежать отсюда.

Не знаю, откуда во мне вдруг это появилось — я подняла руки и погладила Генриха по плечам, чувствуя, как его окутывает невидимое покрывало. Теперь никто не сможет причинить ему вреда. Не отравит, не ударит ножом, не выстрелит, не задушит. С ним все будет в порядке, что бы там ни затеял Морис.

Генрих не должен был ничего почувствовать, но он удивленно поднял руку и дотронулся до затылка.

— Что-то не так? — спросила я. Генрих едва уловимо улыбнулся.

— Покалывает голову, — признался он. — И кончики пальцев. Ты что-то сделала?

Я улыбнулась в ответ.

— Укрыла тебя невидимым щитом, чтобы никто не навредил, — какое-то время мы стояли молча, а потом Генрих негромко, словно боясь спугнуть что-то очень важное, сказал:

— Спасибо, Милли. Ты даже не знаешь, как сильно я тебя люблю... и как я тебе благодарен.

Мне вдруг стало... я не знаю, как описать это чувство, но — мне стало правильно. Да, наверно, так: я наконец-то поняла и приняла, что встретила хорошего человека, что люблю его и любима им.

Что не все набиты одинаковой ватой.

Что счастье возможно и для меня тоже.

Из дома вышел слуга, поклонился и сообщил, что милорда уже ждут в библиотеке. Мы поцеловались на прощание, и я пошла к воротам, по-прежнему чувствуя руки Генриха на своих плечах.

Может быть, это и было то единение, которое накрывает понастоящему любящих?

Может быть, только это могло называться настоящим счастьем?

У ворот стоял экипаж. Обернувшись, я увидела, что Генрих по-прежнему смотрит мне вслед. Он махнул мне, я помахала в ответ и с каким-то уже привычным удивлением подумала: чтобы найти настоящую любовь, мне понадобилось попасть в другой мир.

Никогда не знаешь, где тебя ждет чудо, и что именно окажется чудом.

Я вышла из экипажа на маленькой площади, залитой солнцем. В самом центре красовался изящный фонтан: всадник с золотым копьём, на которое была насажена какая-то морская гадина с доброй дюжиной щупалец и с короной на многоглазой голове, и казалось, будто он

выловил ее прямо из воды. Напротив памятника стояло здание, в котором, судя по количеству колонн и людей с исключительно важным видом, размещалось местное правительство. Чуть поодаль начиналась улица с бесчисленными вывесками магазинов. Справа был парк: пышная зелень так и рвалась перелиться через ограду.

— Холодный щербет, миледи?

Я отмахнулась от продавца с его лакомым товаром и неспешно пошла по площади. Надо было понять, как добраться до здания таможни, а там пробиться к Эжену Рено. Не будешь же спрашивать у прохожих, хотя...

Я решительно поднялась по ступеням правительственного здания, пересекла густую тень портика и вошла в двери. Некоторое время я смотрела по сторонам, пытаюсь сориентироваться, а затем подошла к мужчине в форме, который сидел за длинным столом и, кажется, был здесь кем-то вроде секретаря: рядом с ним лежало несколько стопок бумаг и толстых тетрадей.

— Чем могу помочь, миледи? — спросил он. Я улыбнулась и поинтересовалась:

— Я ищу Эжена Рено, главу таможенных офицеров. Подскажите мне, где можно его найти?

Моя улыбка сделалась еще шире. Кажется, я могла бы получить любую театральную награду за роль прелесть какой дурочки. Секретарь улыбнулся в ответ и сказал:

— Вам повезло, миледи, он приехал на заседание час назад. Можете подождать его... да хоть вон там.

Я поблагодарила и послушно пошла туда, куда было указано: к большой деревянной стойке, на которой было прикреплено множество объявлений, расписаний и правил внутреннего распорядка.

Ждать пришлось долго. От скуки я перечитала все, написанное на листках, и едва сдержала смех, узнав, что в кабинете номер восемь принимает К.Учка, начальник строительного департамента. Потом я рассматривала благородных господ, которые с важным видом ходили по делам, и убедилась в том, что в основном дворяне островов святого Брутуса лицом похожи на картошку.

Потом с лестницы спустился мужчина в светлом костюме, и меня обожгло.

Доктор Ланге! Это был именно он — блеклый, невыразительный, незаметный. С его внешностью можно было бы поселиться во дворце хелевинского императора, и тот никогда бы не заметил, что рядом с ним обретается его враг. Ланге шел, держа в руках какой-то листок с печатями, и я услышала, как один из господ обратился к нему:

— Добрый день, доктор Эрикссон! Как ваши дела?

— Добрый день, Джекс. Вот, продлил лицензию, — голос у Ланге оказался весьма приятным, мягким и спокойным, голосом священника, а не изувера. Что чувствовали его жертвы, когда он говорил с ними?

А ведь его опознают именно по голосу! Вряд ли Кравен работал и с голосовыми связками тоже.

— Отлично, доктор, просто отлично! Значит, остаетесь на островах? — осведомился Джекс. Интересно, что он сказал бы, если бы узнал, кто такой доктор Эрикссон на самом деле?

Возможно, что и ничего. У таких мерзавцев всегда есть поклонники, которые одобряют все их действия. Они громче всех орут о том, что все сделанное было во славу науки. Как бы мы еще узнали, сколько проживет человек, из которого вынимают органы?

Во рту сделалось горько. Я сделала шагок в сторону, стараясь сделаться максимально незаметной.

— Да, здесь прекрасный климат, — улыбнулся Ланге. — И он мне подходит.

Меня осторожно взяли под локоть. Я вздрогнула, обернулась и увидела Рено. Льдисто-голубые глаза смотрели на меня с нескрываемым интересом, словно он пробовал заглянуть в мои мысли.

— Очаровательная незнакомка, — негромко сказал Рено, и его губы дрогнули, обозначив улыбку. — Мне передали, что вы меня ищете.

— Да, — ответила я, стараясь говорить как можно спокойнее. — Уделите мне пару минут?

Лед в глазах Рено потеплел. Ланге раскланялся со своим знакомым и быстрым упругим шагом двинулся к выходу, по счастью, даже не взглянув в мою сторону. Рено проводил его заинтересованным взглядом и ответил:

— Разумеется! А вы расскажете мне, зачем вам понадобился доктор Эрикссон?

Я почувствовала, как к щекам приливает румянец. В животе сделалось холодно. Вспомнились слова Амиля о том, что обыватели не поднимают глаз от земли, а профессионалы замечают все.

Рено был профессионалом. Я подумала, что этому стоит радоваться.

Мы прошли в переговорную — маленький кабинет на втором этаже. Рено запер дверь изнутри, и во мне зашевелилось какое-то неопределенное, но неприятное чувство.

— Итак? — улыбнулся он. Я улыбнулась в ответ и призналась:

— Дел много, но я, право же, не знаю, с чего начать.

— Начните сначала, — ободряюще произнес Рено, прошел через кабинет и открыл окно. — Например, с того, как «Летучая рыбка» утонула у берегов Фаринта.

— Вы уже слышали об этом?

— Разумеется. Я отслеживаю все, что связано с Морисом Гроссо, — ответил Рено. — Вчера к грузу было не придраться, но я чувствовал магию вокруг него. Потом увидел вас в экипаже, и вы были окутаны этой магией. И надо же! Вот новый день, и вы здесь, — он сделал паузу и спросил: — «Рыбка» на дне — это ведь ваша работа?

Мое лицо стало неметь от улыбки.

— Моя. Не люблю наркоторговцев, честно вам скажу.

— Но работаете на них, — сказал Рено и, сев за стол, вынул из держателя листок бумаги и карандаш. — Потому что делаете свое дело. И вам зачем-то понадобился доктор Эрикссон, верно?

— Верно, — я не стала отрицать очевидного. — Как вы узнали?

— Ваша магия, — коротко ответил Рено. — Когда появился доктор, она сделалась гуще и темнее. Так что же он вам сделал?

Я сделала паузу, собираясь с духом, и ответила вопросом на вопрос:

— Сейчас мои слова могут вам показаться странными, но: Эжен, вы знакомы с Генрихом Аланбергским?

Рено нахмурился. Кивнул.

— Да, он однажды приезжал с официальным визитом. Провел у нас в гостях две недели. Жаль, что погиб, из него бы вышел замечательный король.

— Опознать его сможете?

Рено вопросительно поднял левую бровь. Кажется, я смогла его удивить. Он сумел приблизительно просчитать весь ход нашей беседы, и теперь она пошла совсем не так. На мгновение Рено словно бы высунулся из того панциря, который его закрывал, и удивленно посмотрел на меня.

— Разумеется, — снова кивнул Рено, и я поняла, что он нервничает: у него едва заметно дернулось правое веко. — Я запоминаю людей не по внешности, а по отпечатку их души. Но... — он вдруг замолчал, словно наткнулся на невидимую преграду.

— Генрих Аланбергский жив, — негромко, но отчетливо проговорила я, глядя в глаза Рено. — Сейчас он находится на островах святого Брутуса. Я его доверенное лицо. Нам понадобится помощь вашей семьи, чтобы выбраться отсюда. Нам понадобится ваше свидетельство, чтобы восстановить его права.

Во мне все дрожало и звенело в эту минуту. Ноги онемели.

Некоторое время Рено сидел молча, пытаюсь понять все, что я сказала, и изредка бросая цепкие взгляды в мою сторону.

— При чем тут доктор Эрикссон? — спросил он.

— Генрих заключил договор с Марвинской секретной службой, — ответила я. — Мы привозим им доктора Ланге, беглого военного преступника, они в обмен на это помогают Генриху вернуть корону.

Рено со вздохом хлопнул ладонью по столу.

— Если бы вы знали о том, что я могу, то могли бы сразу приехать сюда, — с искренним сожалением сказал он. — Вам не надо было бы связываться с марвинцами.

— Полагаю, что о вашей способности никто не знает, кроме вашей семьи, — понимающе улыбнулась я и вспомнила, как врач на дирижабле советовал мне поставить печать в паспорт. Есть ли такая же у Рено? — Чувствовать магию это ведь тоже магия, да? Как и запоминать отпечатки чужих душ.

Рено кивнул и впервые посмотрел на меня так, словно увидел настоящего.

— По меркам моей родины, это позор, — признался он. — Поэтому меня и отправили сюда. Почетная ссылка во всей красе. Иногда я радуюсь тому, что меня не убили, как в старые времена.

Я ободряюще улыбнулась.

— Поможете нам?

— Помогу, — с легкостью согласился Рено. — Я могу говорить от лица сахлевинской династии. Мы поддержим его высочество Генриха Аланбергского, подтвердим его личность и выступим на его стороне с флотом и драконами. Естественно, если Генрих потом поддержит нас. Нам интересна добыча олеума.

— Поддержит, — ответила я, решив, что на этих странных переговорах вполне могу говорить от лица аланбергского принца. — Эжен, кто на островах мог бы заложить бомбу в «Летучую рыбку»? Морис сказал, что у него много друзей, но не уточнил их имена.

Взгляд Рено снова сделался холодным — должно быть, те, на кого он так смотрел, сразу же делали все, что он требовал. Я вспомнила, как вчера Рено протянул мне руку у экипажа, и снова удивилась тому, что смогла устоять перед ним.

Он подавлял. Его семья, должно быть, вздохнула с облегчением, когда Рено отправился на острова.

Мне стало жаль его.

— Ищете, на кого свалить взрыв «Летучей рыбки»? — спросил он. — Морис станет мстить и развяжет криминальную войну, на островах начнется настоящая бойня, а мы вчетвером улизнем под шумок?

— Морис выпустил меня в город именно за этим, — сказала я. — Я должна принести ему хотя бы какую-то зацепку.

Рено пристально посмотрел на меня, и его взгляд смягчился. За дверью послышались шаги, кто-то дернул ручку, и я услышала разочарованное бормотание.

— Почему вы все-таки это сделали? — миролюбиво спросил он.

— Не люблю наркоторговцев, — призналась я. — Не люблю негодяев. Мы ищем Ланге по всему свету и поэтому тоже.

— Генрих сейчас в поместье Мориса? — уточнил Рено.

— Да. Он мой жених, и Морис держит его в заложниках, чтобы я хорошо работала.

Рено едва заметно улыбнулся.

— Загляните в магазинчик Абрукко на Второй улице, — предложил он и поднялся из-за стола, давая мне понять, что разговор окончен. Некрасивые узловатые пальцы придвинули ко мне исчерканный листок бумаги для записей. — Кажется, там есть кое-что, что может вам пригодиться.

Я заглянула в листок только тогда, когда вышла на улицу, напилась освежающего кислотоватого щербета, зашла в парк и села на первую попавшуюся скамью.

Голова гудела. Ноги и руки тряслись.

Я сделала это. Я открыла правду о Генрихе и нашла для него могущественного союзника.

Если бы знать раньше о том, что Эжен Рено запоминает слепки души... Впрочем, незачем теперь посыпать голову пеплом. Я посмотрела по сторонам, не обнаружила ничего, что могло бы быть слежкой, и развернула листок.

Среди росчерков по бумаге там было одно-единственное слово, написанное изящным ломким почерком: «Браслет».

Я разорвала листок на мелкие кусочки, отправила их в урну и, посидев еще, поднялась со скамьи и отправилась на поиски. Вторая улица, магазинчик Абрукко, и там я должна увидеть какой-то браслет.

А если их там сотни?

Я вернулась на площадь и увидела, как в фонтане плещется полицейский в пробковом шлеме и подвернутых белых штанах. Страж порядка был занят тем, что доставал со дна монетки. Чумазая ребятня, которая столпилась у фонтана, приветствовала каждую его находку радостными визгами и плотоядно косилась в сторону одной из улиц, которая, должно быть, вела к продуктовым магазинам. Я подошла, улыбнулась и поинтересовалась:

— Офицер, а как найти вторую улицу?

Полицейский выпрямился, выдохнул, швырнул ребятам еще одну монетку и ответил:

— Да вон она. Вон та Первая, эта Вторая, а та Восьмая.

Я вдруг увидела, как в воде мелькнула темная тень — бросилась прямо к ногам полицейского. Тот молниеносным захватом выдернул из воды примерно такое же чудище, которое всадник насадил на копье и тоже бросил детям: те с радостным визгом подхватили добычу и убежали — должно быть, пошли готовить обед.

— Что это было? — с брезгливым испугом осведомилась я. Полицейский улыбнулся.

— Шпрутс, — ответил он. — Вкусные, заразы!

Я решила не уточнять, откуда они берутся.

Вторая улица состояла из белых изящных домиков, на каждом из которых красовалась золотистая вывеска. Библиотека, музыкальный магазин, игрушки, книги — Вторая улица была очень интеллигентным местом. Я прошла почти до конца, прежде чем увидела вывеску с надписью «Антиквариат Абрукко» и толкнула белую дверь.

Антикварный магазин был похож на сказочную пещеру. Чего здесь только не было! Пестрые ковры, смуглая глиняная посуда, расписанная цветочными узорами, книги за стеклами шкафов, портреты, люди на которых, казалось, двигались и смотрели на покупателей — я даже растерялась, не зная, куда смотреть и где искать браслеты.

Да и как искать? Или мне должно было подсказать чутье? Рено еще раз хотел убедиться в том, что я волшебница?

— Что угодно миледи? — спросили откуда-то снизу. Я посмотрела вправо и увидела крошечного человечка, настоящего гнома, который смотрел на меня с выжидательным интересом. Темно-синий костюм превращал его в тень, которая готова была раствориться в здешней таинственной обстановке. «Клод Абрукко», — прочла я на золотистой броши, прикрепленной к его груди.

— Здравствуйте, милорд, — улыбнулась я. — У вас есть браслеты?

Абрукко улыбнулся в ответ.

— Разумеется, миледи. Пойдемте, я покажу.

Мы прошли мимо высоких ваз, которые наверняка бы понравились Морису, обошли скелет того, что могло быть птеродактилем размером с крупную собаку, миновали стойки с россыпями полудрагоценных камней и пришли к витрине с украшениями. Абрукко позвенел ключами и осторожно извлек подставку с браслетами.

— Вот, прошу. Самый старый — из эпохи Виньянти, вот этот, — Абрукко указал на тонкий браслет с мелкими изумрудами. — Этот работы Мельера, а этот с виду простенький, но подлинная шентбенская эмаль.

— А можно примерить? — спросила я, еще не зная, что именно должна почувствовать. Абрукко кивнул.

— Да, разумеется.

Первые два браслета были просто кусками металла. Как я ни вслушивалась в свои чувства, ничего не могла уловить. Третий, переплетение серебряных колечек, был очень красив и напомнил мне тот, который я когда-то носила в студенчестве. А вот четвертый...

Золотой. Тонкий. Темная россыпь рубинов казалась каплями запекшейся крови. Браслет был красив, но один взгляд на него вызывал тревогу. Я надела его на левую руку и...

Меня словно ударило. Антикварный магазин соскользнул куда-то в сторону, размылся акварельными пятнами, и я увидела берег моря, вечер, полный всех оттенков сиреневого и розового, и смуглую девушку в белом платье, которая стояла почти у воды. Черноволосый парень бежал к ней по песку, и я удивленно узнала Мориса.

В нем не было ничего от преступника и отпетого негодяя. Это был светлый человек с чистой душой, который любил, был любим и был счастлив своей любовью.

Что с ним случилось? Как он стал тем, кем стал?

Видение растаяло так же неожиданно, как и нахлынуло на меня. Я оперлась о витрину, пытаюсь выровнять дыхание. В глазах Абрукко плескался ужас. То ли маленький продавец хотел броситься вон, то ли думал, не стоит ли мне помочь.

— Миледи волшебница? — испуганно спросил он. Кажется, ему подумалось, будто я собралась отбирать браслет силой.

— Да, — кивнула я, выпрямилась и дотронулась до браслета на запястье. Ничего. Он уже показал мне все, что счел нужным. — Сколько он стоит?

Абрукко словно бы стал немного выше: беседа перешла в деловую плоскость, и страх отпустил его.

— Тысячу орлов, миледи, — с достоинством сказал он, и я вынула чек.

Глава 9

Чем ближе экипаж подъезжал к особняку Мориса, тем быстрее билось мое сердце. Я прекрасно понимала, что Генриху не сделают ничего плохого. Мы оба нужны были Морису живыми и здоровыми. Я — для того, чтобы работать, Генрих — для моей покорности. Но душа дрожала и звенела так, словно с Генрихом уже случилась беда.

Окна на втором этаже были открыты. Высунувшись в одно из них, Генрих старательно выбивал какую-то тряпку — должно быть, ту, которой протирал книжные полки. Увидев его, я едва не рассмеялась от облегчения, и замахала ему рукой.

— Милли! — воскликнул он, и стало ясно, что все это время Генрих места себе не находил. — Слава Богу, ты жива!

— А что со мной могло случиться? — стараясь говорить как можно беспечнее, спросила я с улыбкой. — Все в полном порядке. Морис здесь?

— Кажется, да, — ответил Генрих. Он по-прежнему улыбался, но его лицо сделалось серьезным. — Ты нашла, чем его порадовать?

— Нашла, — сказала я и быстрым шагом двинулась к дому.

Морис был в кабинете: увидев его обстановку, я подумала, что это пристанище ученого или книжного червя, а не короля преступности. Сколько здесь было книг, записей, географических карт, свернутых в трубки! Даже глобус был. Морис правильно оценил выражение моего лица, потому что улыбнулся и поинтересовался:

— Впечатляет?

— Раньше я такое видела только в музеях, — призналась я. Морис понимающе кивнул. Было видно, что он погрузился в воспоминания, и они были хорошими и светлыми.

— Я учился в Королевском университете Фаринта. По специальности биолог, — со сдержанной гордостью признался он. Я посмотрела на него с удивленным уважением.

— Это видно по вашему саду и пионам, — сказала я. Лицо Мориса дрогнуло: он возвращался из прошлого, где был ученым и исследователем, а не преступником.

— Вам удалось что-то узнать? — осведомился он.

Мне казалось, что я готовлюсь к прыжку в холодную воду.

— Я отцепила одну из нитей вашей ауры, чтобы найти того, кто мог устроить взрыв, — ответила я. Морис вопросительно поднял левую бровь, и я поспешила его заверить: — Это совершенно безопасно, будьте уверены. Так вот, эта нить изрядно покружила меня по острову, а потом привела в антикварный магазин. И там я нашла вот это.

Я протянула Морису белый мешочек с золотой печатью Абрукко. Он пожал плечами, растянул тесемки, и браслет выпал на его ладонь.

Морис окаменел.

Он действительно оглох и онемел. Весь его мир рухнул в эту минуту — остался только браслет на его ладони и девушка, которая шла по краю моря. Подол белого платья намок. Босые ступни были в песке.

Девушка улыбалась.

Мне стало страшно. Может, я не смогу выйти из этого кабинета.

— Знаете, что это? — спросил Морис так, словно не нуждался в моем ответе. Кажется, он впервые в жизни с кем-то захотел поговорить. Поделиться той бедой, которая все это время стояла у него за плечами.

— Не знаю, — негромко ответила я. Мне не хотелось спугнуть ту откровенность, которая могла бы помочь всем нам.

— Это браслет Энны. Мы любили друг друга... очень давно, — ответил Морис и тоскливо усмехнулся. — Знаете, я тогда вернулся из университета, такой восторженный юнец, который хочет изменить жизнь на островах. Энне очень нравились мои пионы. И мои планы. Она хотела быть со мной.

Он замолчал. Ему было трудно говорить. Я подошла к столу, налила воды в низенький пузатый стакан. Морис благодарно кивнул, но, кажется, не понял до конца, что я сделала.

— Но ее родителям не нравились вы, — по-прежнему тихо заметила я.

Морис кивнул.

— Ее отец был вице-губернатором островов. Кто я такой для него, сопляк без гроша в кармане, — сказал он. Голос был глухим и мертвым. Морис давно умер, похоронил самого себя и сейчас стоял на своей могиле. — Но мы с Энной встречались. Она любила меня.

Я знала, что эта история закончилась плохо. Очень плохо.

Откуда Рено знал, что в магазинчике Абрукко есть этот браслет? Или в его коллекции слепков чужих душ есть душа вице-губернатора и вся его история?

— Как она умерла? — спросила я. Энна была мертва; будь иначе, такой человек, как Морис, сейчас жил бы с ней. Он добился бы ее любой ценой.

— Она ждала ребенка, — ответил Морис. — Отец узнал об этом, приказал немедленно прервать беременность. Энну уже собирались отдавать замуж за одного из банкиров в Фаринте, а тут такое, — он сделал паузу и добавил: — Открылось кровотечение, она умерла.

Несколько минут мы молчали. Раскрытые окна выходили в сад — я увидела, как по ветке прыгает пара неразлучников. Может, однажды они прилетали к Морису и Энне — юным, любящим, полным надежд.

— Вы отомстили, — сказала я. — Вы стали тем, кем стали. А ее отец?

Морис улыбнулся. Он словно опомнился.

— Он по-прежнему вице-губернатор. Правда вынужден передвигаться в кресле на колесиках после осложнений одной интересной тропической болезни. Даже не знаю, как она попала на острова?

На мгновение мне стало не по себе. Потом я подумала, что Морис был в своем праве. Он отомстил за любимую женщину и ребенка — и как же больно от того, что потом он не смог остановиться и стал тем, кем стал.

— Знаете, в чем самая большая ирония? — усмехнулся Морис. — У него несколько дочерей. Недавно он предложил мне взять в жены одну из них.

— Бывают люди, — сказала я, — полностью лишенные совести. Его привлекли ваши деньги и влияние, верно?

— Верно, — Морис подошел к окну и указал куда-то в сад. — Те белые пионы с красной сердцевинкой. Я их сам вывел, назвал «Энна и Флер».

У меня сжалось сердце от тоски.

— Красивый сорт, — ответила я. — Мне очень жаль, Морис. Мне правда очень жаль.

Морис понимающе кивнул. Я почти видела, как он снова надевал те латы, которые снял передо мной. Забывал самого себя и возвращался в пустоту, которую так и не сумел заполнить.

— Вы любите вашего жениха? — спросил он.

— Люблю, — твердо ответила я. — Очень.

— Любовь это великая сила, как ни банально это звучит. Ее никогда нельзя недооценивать, — задумчиво сказал Морис. — А такая гадость как раз в духе моего несостоявшегося тестя.

Он помолчал и добавил:

— Спасибо, Милена. Я сейчас выпишу чек.

Генрих ждал меня в библиотеке — войдя туда, я невольно раскрыла рот от удивления. Ощущение было таким, словно я попала в музей. Было видно, что Морис любит читать и не жалеет на это денег.

— Впечатляет, правда? — спросил Генрих. — Меньше той, что была у отца, конечно, но я бы не подумал, что в этой глуши может быть столько книг.

Он обнял меня, и я, услышав стук его сердца, поняла, что наконец-то могу успокоиться. Все было в порядке. Все было правильно.

— Я страшно за тебя волновался, — признался Генрих.

— Я за тебя тоже, — выдохнула я. — Ох, Генрих...

— Все хорошо? — спросил он уже веселее. Я не видела его улыбку, но чувствовала ее.

— У нас есть союзник, — негромко сказала я и, понимая, что нас здесь могут подслушивать, перешла на аланбергский. — Эжен Рено готов подтвердить, что ты жив, и что ты не самозванец. Он считывает отпечатки душ, обмануть его нельзя. Сахлевинская династия тебя поддержит и при надобности выступит с флотом и драконами, взамен их интересует добыча олеума.

Генрих отошел от меня и растерянно провел ладонью по голове, словно не ожидал такого поворота. Мне вдруг стало грустно. Мне вдруг стало ясно: скоро наша охота на доктора Ланге закончится, Генрих вернет себе корону, и мы с ним расстанемся.

Попаданка из другого мира никогда не станет королевой. Мне не надо было это объяснять.

— Я... — выдохнул Генрих. — Я даже не знаю, что сказать.

Он отошел к книжным полкам и несколько минут стоял, глядя на позолоченные корешки. Я молчала, понимая, что теперь говорить должен он.

— Мы все равно должны достать Ланге, — произнес Генрих через несколько минут. Его лицо сделалось таким бледным, словно он тяжело заболел или его ранили. — Привезем его марвинцам и посмотрим, как они отреагируют. Будут ли сдерживать обещание...

— Возможно, Ланге знает, кто работал над оружием, — сказала я. — Тем, которое убило твоего отца и Андерса. Возможно, он знает, кто был заказчиком.

Генрих обернулся ко мне, и у меня сжалось сердце.

— Генрих... — прошептала я. — Если ты не хочешь, то ничего не будет. Мы отправим марвинцам Ланге и исчезнем. Или еще лучше: отправим им его голову. Мир большой. У нас есть хороший пластический хирург. Помнишь, мы уже говорили об этом...

Кажется, впервые в жизни я действительно не знала, что сказать. Хотя нет, не впервые. Когда Игорь позвонил мне в больницу, сообщил, что съехал и бросил трубку — вот тогда я онемела примерно так же, как сейчас.

— Что мне делать, Милли? — с печальной усмешкой спросил Генрих. — Я вроде бы все решил, а теперь не знаю, как быть дальше.

— Кажется, я зря сказала Рено о том, кто ты, — теперь мне действительно было жаль, что я выбрала именно такую линию поведения. Генрих только рукой махнул.

— Он все равно узнал бы меня. Хорошо, что ты все рассказала, у него не будет простора для размышлений и подозрений.

Что ж, пожалуй, все, что ни делается, к лучшему.

Остаток дня мы провели на свежем воздухе. Я коротко рассказала Генриху историю сорта пионов «Энна и Флер», и он задумчиво сказал, глядя на белоснежные лепестки с кровавым пятном:

— Мне до сих пор не очень верится, что наш гостеприимный хозяин все-таки отдаст тебе Ланге. И что мы будем делать, если все-таки отдаст?

Я пожала плечами. У меня до сих пор не было плана действий — я понимала, что так нельзя, и все равно ничего не могла придумать. В особняке Мориса наверняка есть что-то вроде комнаты пыток...

— Зеркало, — уверенно сказала я. — Самое главное, чтобы рядом с нами было зеркало. Тогда я заберу всех нас к Рено, а там уже его работа.

Генрих вопросительно посмотрел на меня.

— Ты была у него дома или в конторе?

— Нет, — ответила я и призналась: — Но я чувствую, что мне это и не нужно. Мне кажется, я просто должна представить человека, и меня перенесет прямо к нему.

Генрих рассмеялся.

— Вот наш хозяин-то удивится, когда мы исчезнем из закрытой комнаты! А через море сможешь? Рухнем на голову марвинцам с добычей.

Я неопределенно пожала плечами. Мысль о том, что я смогу перебросить нас прямо к Рено, сейчас казалась мне какой-то нелепой.

Но мы в любом случае ничего не теряли. Я могла бы просто попробовать.

И мне не хотелось думать о том, что будет, если у меня ничего не получится.

Постепенно запах пионов сделался тоньше и ярче, а солнечный свет обрел тихую вечернюю прозрачность. Мы с Генрихом двинулись в сторону дома и увидели моего старого знакомого Гастона, который с важным видом волок по земле какой-то мешок в сторону хозяйственных построек. Заметив меня, он махнул рукой и сказал:

— Доктор-то, того, приехал уже! Можно зубы чистить, сейчас пойдет работа.

Я посмотрела на него так, словно размышляла, как наказать за дерзость: закопать в землю вниз головой или поменять голову и задницу местами. Генрих посмотрел на Гастона таким взглядом, что мне невольно захотелось присесть от страха. Гастон едва не выронил свой мешок, стушевался и торопливо объяснил:

— Ну зуб же! Морис сказал, у миледи зуб болит, надо лечить. Доктор вон, полон ящик инструмента притащил, мы еле в дом занесли! А к доктору с нечищенной пастью это же того, моветон!

Я едва не рассмеялась — выражение его лица было просто уморительным. В животе поселился холод: вот и началась работа, а я не знаю, готова ли к ней.

Ну ничего. Главное ввязаться в драку, а там поглядим. Мне всегда нравилась эта фраза.

Морис как гостеприимный хозяин сперва предложил поужинать. Слуги уже несли на стол тарелки с черным рисом и бобами, блюда с креветками и тех самых шпротсов, которые давеча так меня испугали.

— Лучше потом, — с мягкой улыбкой сказал доктор Ланге, который сидел в гостиной с видом человека, готового к самой сложной работе. — Сперва осмотр и работа, а затем и поужинаем.

Я не могла не признать, что он прав. Чем дольше я смотрела на доктора, тем сильнее понимала, насколько хорошо способно замаскироваться зло. Перед нами был самый обычный человек. Хороший врач, который оперирует здешних бедняков, мастер своего дела, способный помочь даже в самой большой беде.

Кто бы мог подумать, что он срезал людям веки и пришивал обратно просто ради тренировки? Просто, чтобы посмотреть, что из этого выйдет?

Генрих держался совершенно спокойно — я подумала, что в нем погиб хороший актер.

— Да, лучше не откладывать, — решительно заявила я. — Я готова.

Морис проводил нас к неприметной лестнице, и я увидела, что в доме есть еще и потайной подземный этаж. Когда мы прошли по светлому коридору и вошли в просторный кабинет, то я подумала, что Морис, возможно, даст фору доктору Ланге — столько здесь было инструмента, который мог быть только палаческим. Зубоврачебное кресло стояло в углу, и я села, стараясь выглядеть как можно спокойнее. Генрих встал рядом, и я сжала его руку, надеясь, что испуг, который начал подтачивать меня изнутри, сейчас не заметен.

Просто волнение. У зубного все волнуются. Нет на свете тех, кто идет к дантисту с песнями и плясками.

— Сейчас у каждого второго болят зубы, — сообщил доктор Ланге, открыв чемодан и выкладывая инструменты в сверкающую кувезу. — Это все от плохой воды.

— А я ведь забочусь о них, — со вздохом сказала я и вдруг поняла: сейчас Ланге заглянет мне в рот, увидит там световую пломбу, которой просто не может быть в этом мире, и нам с Генрихом будут

задавать вопросы. Много вопросов, не выходя из помещения. Вон сколько здесь инструментария для наших подробных ответов!

И зеркала-то нет, как назло. Хотя... хотя как же нет? Вот Ланге берет его — маленькое, круглое!

Я сжала руку Генриха. Господи, если ты меня слышишь из другого мира, то, пожалуйста, пусть у меня получится!

И вцепилась в запястье доктора так, что пальцы заболели.

Кажется, Ланге не понял, что происходит. Кажется, Морис, который стоял поодаль и следил за тем, чтобы его драгоценной ведьме не причинили вреда, испуганно вскрикнул. А потом все закружилось, и мы втроем рухнули во мрак.

Я не знаю, сколько продолжался наш полет. Я очнулась только тогда, когда меня стали хлопать по лицу, и услышала:

— Эжен! Это моя невеста, между прочим!

— Генрих! — воскликнул Рено. — Генрих, дружище! Все-таки живой!

Я увидела, что лежу на ковре в середине хорошо обставленной гостиной. Надо мной склонился Рено, пристально заглядывая мне в лицо и пытаюсь определить, жива ли я. Генрих тотчас же подхватил меня, помогая подняться.

Все плыло. Меня тошнило. То ли зеркало было маловато, то ли у меня не хватало сил, чтобы перетаскивать через него еще двоих.

— Пустите! Уберите руки! Мерзавцы!

Чуть поодаль слуги Рено брали доктора Ланге под белые ручки. Я поняла, что Рено подготовился, ждал нас и проинструктировал своих людей — двое парней скрутили доктора без всякого уважения к медицинским заслугам. Сейчас, растрепанный и жалкий, он выглядел не чудовищем, а бедолагой, который попал в переделку, не имея к ней ни малейшего отношения.

Меня подняли, посадили на диван, и один из людей Рено проворно поднес стакан ледяной воды. Я выпила, и тошнота вроде бы улеглась, но вместо нее нахлынула такая слабость, что я едва не потеряла сознание. Рено похлопал Генриха по плечам и с искренней улыбкой произнес:

— Дружище! Это действительно ты!

— Я, — кивнул Генрих, и Рено серьезно заверил:

— Я рад, что ты жив. Сахлевинская династия тебя поддержит и флотом, и драконами. Все будет хорошо, Генрих! Ты все вернешь, дружище, даже не сомневайся!

В его голосе звенели твердые официальные нотки, и лицо Генриха наконец-то утратило постоянную напряженность от этой поддержки. Я даже улыбнуться сумела. И авиация, и флот — дядя Олаф не усидит на троне, это точно. И марвинцы не будут плести интриги, а низко поклонятся, поблагодарят за доктора Ланге и пообещают во всем помогать и дальше.

С королями предпочитают не ссориться.

— Доктор Эрик Ланге, — сказала я. Мы победили, мы поймали чудовище, но я сейчас была настолько вымотана, что даже обрадоваться не могла.

Да и чему радоваться? Через несколько дней Генрих вернет себе корону, и мы расстанемся. Король Аланберга никогда не женится на попаданке, даже если обещал, а быть его любовницей и встречаться втихомолку, прячась от любопытных взглядов и шороха сплетен... нет, это слишком низко для нас обоих.

Но пока мы спаслись. Мы были у друга и защитника. Если бы только не эта слабость...

— Что? — воскликнул Ланге. — Что вы несете? Моя фамилия Эрикссон! Э-рик-с-сон! За кого вы меня принимаете?

Все правильно, сейчас он и должен все отрицать. Подкопаться к нему никто не сможет, Ланге в этом не сомневается.

— Мы принимаем вас за Эрика Ланге, сбежавшего военного преступника, — отчеканил Рено. Здесь и сейчас он был главным. — Вы находитесь в международном розыске, вас обвиняют в массовых убийствах мирных жителей Хелевинской империи и медицинских экспериментах над детьми.

Ланге побледнел. Его лицо обрело скульптурную четкость, словно невидимые руки туго натянули кожу на череп.

— Вы бредите, — выдохнул он. — Я никогда не был в Хелевинской империи. Немедленно отпустите меня, иначе...

— Иначе что? — поинтересовался Рено. — Вы находитесь на территории Сахлевинского посольства, и я арестовал вас как военного преступника.

— Докажите! — выплюнул Ланге. — А когда не докажете, я вас засужу!

— Докажем, — прошептала я. Откуда только взялась эта проклятая слабость, и почему она никак не уходит? Руки казались чужими, ватными, словно у игрушки, но я все же смогла дотянуться до выреза платья и вынула из потайного кармашка два сложенных дагерротипических снимка с пометками доктора Кравена.

Ланге перед операцией. Ланге после операции.

— Доктор Кравен готов свидетельствовать, если вы заберете его с Фаринта и обеспечите неприкосновенность и защиту, — прошептала я, чувствуя, как воздух комкается в горле, не давая дышать. — Он в подробностях расскажет о сделанной... пластической операции и предоставит счета... на ее оплату...

Комната мягко поплыла в сторону, размазываясь цветными пятнами. Последним, что я услышала, был испуганный возглас Генриха:

— Милли? Милли, что с тобой?

Я очнулась в незнакомой комнате. В приоткрытое окно дул свежий морской ветер, от цветов на прикроватном столике веяло тонко и сладко. Я шевельнулась, пытаюсь улечься поудобнее, и голос доктора Кравена тотчас же окликнул:

— Тихо, тихо! Без геройств!

— Вы здесь, — сказал чей-то голос, я услышала в нем искреннюю радость, а потом поняла, что это я и говорю. Надо мной действительно склонился доктор Кравен: он выглядел таким довольным, словно вся его жизнь за несколько секунд изменилась к лучшему.

— Здесь, с вами, — ответил он. — Предупреждая ваш следующий вопрос: мы в Илензене, столице Сахлевина. Господин Рено перевез туда всех на корабле посольства. А потом Генрих вытащил меня с Фаринта. Я здесь уже три дня.

Я все-таки попробовала сесть, и Кравен со вздохом усадил меня на кровати и подложил подушки под спину.

— Непослушная девчонка! — ворчливо сообщил он. — Вам надо лежать.

— Что случилось? — спросила я, понимая, что Кравен прав. При малейшем движении меня снова захлестывала такая слабость, что все начинало скользить куда-то за серый занавес обморока.

— Подвал господина Мориса надежно изолирован от всякой магии, — с некоторой гордостью произнес Кравен. — Но вы мало того, что сумели вырваться оттуда, так еще и прихватили с собой двоих пассажиров. И это вас, к сожалению, надорвало.

Он сделал паузу, устало вздохнул и сказал:

— Я бы поостерегся делать далеко идущие прогнозы, Милли. Но вы, возможно, умираете. И я не знаю, как вас восстановить.

Ощущение было таким, словно к моему лицу приложили тяжелую пыльную подушку. Некоторое время я сидела молча, слушая нарастающий гул в ушах, а потом спросила:

— А сколько времени я спала?

Раз уж мы успели покинуть острова святого Брутуса, а доктор Кравен приехал сюда три дня назад, то, возможно, я проспала целую неделю.

Как же так?

— Восемь дней, — ответил Кравен. — Иногда вы просыпались, конечно. У нас даже получалось напоить вас и дать пилюли.

— А где Генрих? — с надеждой спросила я. Раз уж у меня все плохо, так пусть бы у него все было хорошо.

— Я отправил его спать, — сказал Кравен. — Он не отходил от вас все это время. Господин Рено, кстати, сразу же подтвердил его личность перед отцом. Сахлевин уже официально сообщил о том, что принц Генрих Аланбергский жив.

Вот как! Во мне шевельнулось что-то похожее на досаду. Я тут лежу, не в силах открыть глаза, как следует, а кругом творятся великие дела, и я их даже не увидела. Теперь Генрих получил серьезную поддержку и вернет себе корону. Теперь у него все будет так, как надо.

А я... А со мной, кажется, уже все кончено.

Я не знала, почему думаю об этом настолько отстраненно и спокойно.

— Столько хочу спросить... — призналась я. — Что Морис? Пустился за нами в погоню? Ох, вы же его не знаете...

Кравен улыбнулся и поднес к моим губам стакан с металлической трубочкой. Я послушно сделала несколько глотков. Жидкость воняла гнилым болотом, но удивительно, меня даже не затошнило. Наоборот, голова немного прояснилась, а слабость отступила на несколько шагов. Уже кое-что.

— Будете принимать лекарства, — сказал Кравен. — И хотя бы несколько ложек каши. А я буду рассказывать.

Каша обнаружилась на соседнем столике: теплая, пахнувшая клубникой. Через силу я проглотила несколько ложек и почти без сил обмякла на подушке. Кравен довольно кивнул и произнес:

— Как мне говорили, Морис был потрясен. Он понимал, где именно вас искать, потому что корабль сахлевинского посольства отплыл с островов через час после вашей пропажи. Но решил заняться другими делами. Говорят, схлестнулся с вице-губернатором. Приказал подорвать его экипаж. Что было дальше, я не знаю.

Я даже улыбнуться смогла. Морис был крайне прагматичным человеком. Он всегда понимал, что я получу свое — и я это получила. А связываться с сахлевинцами — для этого у него руки коротки. Что ж, вполне в духе Мориса решать насущные задачи, например, сражаться с несостоявшимся тестем.

Кажется, нам очень повезло, что мы вовремя успели удрать с островов.

— А доктор Ланге? Где он?

— В тюрьме, разумеется, — презрительно усмехнулся Кравен, и его взгляд потемнел. — Конечно, он все отрицал. Те снимки, которые были у вас — подделка, и все кругом мерзавцы, которые просто хотят опорочить порядочного человека. Но я привез все медицинские карты, все свои записи... и знаете, что еще? В Сахлевине нашелся свидетель! Медсестра, которая работала с Ланге в госпитале еще до войны, и она узнала его голос.

Я закрыла глаза и улыбнулась.

Мы с Генрихом все-таки сумели поймать чудовище, и сейчас я могла только радоваться — эта радость была настолько сильной, что мне даже показалось, будто бы моя болезнь отступает.

Да, этот мир не был моим. Но зло одинаково во всех мирах — и я была счастлива, что смогла приложить руку к гибели этого зла. Звучит пафосно, но это так.

— А Генрих? — спросила я. — Что он...

И осеклась. В душе вдруг стало пусто и звонко. Все слова, которые я могла бы сказать, вдруг разлетелись осенним ветром.

Кравен смотрел на меня понимающе и грустно.

— Он очень надеется, что вы поправитесь. И знаете, что самое интересное? Помните ту визитку с гербом левенинского королевского дома, которую я видел у Ланге в кошельке?

Я кивнула.

— Ланге сейчас старается выкупить свою жизнь, — произнес Кравен. — Он заговорил, и рассказал уже очень много. Понятное дело, на виселицу ему не хочется... В общем, из его слов следует, что уже много лет ученые Левенина, Саатона и Хелевинской империи втайне работают над проникновением в другие миры. Это новейшие технологии, смесь магии и науки, и они способны перевернуть всю здешнюю историю. Их спонсируют не правительства, а самые обеспеченные люди трех стран. Так сюда выдернули вас, потому что вы понадобились Андерсу. Так был создан тот аппарат, который пробил защиту аланбергского королевского дома. Ланге несколько лет работал в этом проекте, изучал в своем центре тех, кого удалось выхватить.

В комнате было тепло, в окна доносился шум моря, но меня окутало холодом, и я услышала, как издалека доносится грозное гру-м-м! гру-м-м! — словно по брусчатке стучали сапоги. Я вдруг как наяву увидела растрепанную девушку в форменной красно-зеленой одежде сетевого магазина, рыдающую от ужаса — ее волокли к сверкающему металлу операционного стола, и Ланге, глядя на нее, говорил: о, вот эта, кажется, годный материал. Проверим!

Сколько людей пропадает без вести? Сколько из них в итоге оказались в руках Ланге и умерли с защитыми веками?

От страха, смешанного с яростью и омерзением, я какое-то время не могла ни говорить, ни слушать.

— Люда, — позвал Кравен по-русски, и я опомнилась и посмотрела на него.

— Ланге знает, что вы больны, — произнес Кравен. — Он говорит, что вас еще можно спасти.

Мысли, которые до этого едва ползли в голове, теперь заметались встревоженными муравьями. Я с надеждой взглянула на Кравена, и он ответил:

— Он считает, что для этого вас просто нужно отправить домой.

В коридоре послышались быстрые шаги, и в комнату почти вбежал Генрих. Сейчас в нем, вымотанном и бледном до синевы, я

заметила то, чего в нем не было раньше.

Осознание собственной власти. Прежде это был человек, который провел четыре года в клетке и стал изгнанником. Сейчас на меня смотрел государь. Я почти видела корону на его голове.

Теперь-то все и кончилось по-настоящему. Генрих вернет себе трон Аланберга. А я вернусь домой и выздоровею.

Каждый получит то, что заслуживает.

— Мне показалось, что я слышу голос Милли... — начал было Генрих и, увидев, что я уже не лежу, а сижу, воскликнул: — Слава всем святым!

Он бросился к кровати, обнял меня, и, уткнувшись лицом в ворот его рубашки, ловя его запах, который успел стать для меня родным, я подумала: хоть бы остановить этот миг, пока мы оба еще живы. Удержать его в ладонях. Пока мы еще можем позволить такую роскошь — любить друг друга в одном мире.

— Как ты? — спросил Генрих, и в его голосе я услышала дрожь. Короли не плачут, конечно, но сейчас он с трудом сдерживал слезы облегчения.

Кажется, он уже попрощался со мной. И сейчас радовался, что прощание отменилось. Сейчас в нем появилась надежда.

— Лучше, чем было, — попробовала улыбнуться я, и это даже получилось. Я отстранилась от Генриха, погладила его по щеке и сказала:

— Все хорошо. Как ты? Все в порядке?

— Амиль здесь, — произнес Генрих. Похоже, он только что столкнулся с агентом марвинской секретной службы в коридоре, и эта встреча не порадовала их обоих. Неудивительно, после всех наших приключений.

— Доктор Кравен рассказал мне, что Ланге заговорил, — я с удивлением заметила, что рядом с Генрихом мне становится легче. Может быть, мне и не понадобится уезжать. Я просто буду вместе с человеком, которого люблю. Фавориткой, подругой — уже неважно.

Генрих кивнул.

— Марвинцы искали его не затем, чтобы судить, — с презрением выдохнул он. — Им нужна была информация о разработках оружия и машины для проникновения в другие миры.

Я даже не удивилась. Все, как мы и думали раньше. Такого, как Ланге, никто не отправит на виселицу. Он просто станет работать на новых хозяев.

Предсказуемо.

— Что теперь? — спросила я. — Сахлевин тебя поддержал, а что с Олафом?

Что-то мне подсказывало, что добрый дядюшка Генриха, который убил брата и племянника, не отдаст власть просто так. Он вцепится в трон с такой силой, что его оторвут только вместе с руками.

— Милли... — с невыносимой горечью ответил Генрих. — Какое все это имеет значение, если ты...

Он не договорил. Ему больно было говорить. Я покосилась на Кравена — тот отошел к окну и молчал. Интересно, хотелось ли ему вернуться домой? Или он уже привык к новому миру, нашел в нем выгоды и больше не вспоминал о том, что осталось в прошлом?

— Да, я надорвалась, — если кто-то должен это сказать, то пусть уж это буду я. Самое время продемонстрировать спокойное равнодушие к смерти. — Здесь не лечат волшебников, как я понимаю.

— Да нет, почему же. Просто когда такое случалось, то уже некого было лечить, — подал голос Кравен. Я кивнула.

— Ланге в курсе моей болезни, — я взяла Генриха за руку и подумала, что должна навсегда запомнить это ощущение. Рука любимого в моей руке. Любимого по-настоящему. — Это правда, что меня можно вылечить, вернув в мой мир?

Генрих неопределенно пожал плечами. Его лицо дрогнуло, выпуская то, что он держал в себе все эти дни.

Король должен быть сильным. Король не может позволить себе тревогу, тоску, горечь. И Генрих старательно держался, но сейчас я видела, насколько ему больно и тоскливо.

Он ведь тоже не хотел со мной расставаться. Отпустить меня в мой мир, отпустить за порог жизни — все это было одно и то же, и Генрих был на это не согласен.

— Он говорит, что да. Машина, которую изобрели его коллеги, делает прокол в пространстве и вытягивает сюда человека. Андерс использовал ее, чтобы вытащить тебя, тогда машина работала недостаточно мощно, чтобы пробить аланбергский щит, — ответил Генрих. — Милли, но нам с тобой никто не даст гарантий.

Меня снова стало накрывать слабостью. Я откинулась на подушку, чувствуя, как комната медленно начинает уплывать куда-то в сторону. Доктор Кравен сразу же дал мне очередной стакан с трубочкой и сказал:

— Они знают, как вытащить сюда человека. Но они не знают, что будет, если отправить его отсюда. Не пробовали. Я несколько дней провел в здешней библиотеке... видели бы вы, сколько там книг по истории магии и магическим болезням! Но пока я ничего не нашел, — он сделал паузу и добавил: — И боюсь, что так и не найду.

Я не сдержала улыбки. Что ж, мне предстоит умереть в любом случае. Как это лучше сделать: возвращаясь в родной мир, где меня ждет просрочка по ипотеке и аренде офиса, или держа за руку любимого человека?

Нет, тут обязательно должен быть третий способ! Как же без него?

Я вдруг ощутила себя маленькой и слабой — заболевшим ребенком, которого мама кутает в одеяло и уверяет, что все будет хорошо, но сама в это не верит.

— А если отправить меня в мой мир, а потом выцепить обратно? — предположила я, с надеждой глядя на Генриха. Он нахмурился, в его глазах была ясно видна боль, которую он сдерживал с огромным трудом.

— Милли, — ответил Генрих. — Мы ведь даже не знаем, сможем ли просто отправить тебя отсюда. Не то, что выцепить.

— Я все равно ничего не теряю, — ответила я с каким-то бесконечным презрением к смерти. Сама не знаю, почему я за несколько минут смирилась с мыслью о том, что умираю.

Может быть, потому, что подсознательно все это время уже считала себя мертвой? Ведь не бывает на самом деле попаданцев в другие миры. Мне, возможно, все это мерещится, а на самом деле я лежу в коме после инсульта, и пережитые приключения — просто картинки, которые тасует мозг.

— Я ведь все равно умру, Генрих, — негромко сказала я. — Что так, что этак.

Его лицо снова дрогнуло, и доктор Кравен подошел к столу и, выбрав из коробочки с пилюлями золотистый шарик, протянул Генриху. Я взяла его за руку и твердо произнесла:

— Надо попробовать. Не бойся за меня и... все-таки подумай о другом.

Генрих нахмурился.

— О чем?

— А зачем еще мы проделали весь этот путь? — я попробовала улыбнуться, но улыбки не получилось. — Верни себе корону, Генрих. Стань государем по праву.

Генрих посмотрел на меня так, словно я его ударила. Все сказанное и несказанное поднялось между нами непробиваемой стеной. Я могла бы выложить все, что так мучило меня все это время, но в этом уже не было смысла.

Мы не сможем быть вместе и никогда не будем. Неважно, что встанет между нами, корона или смерть.

— Зачем мне быть государем, если тебя нет? — едва слышно произнес Генрих. — Зачем мне тогда вообще быть?

Мы расстались — на правах лечащего врача доктор Кравен приказал Генриху пока оставить меня одну и дать отдохнуть. Слишком много информации на меня вывалилось — ее надо было разложить по полочкам и как-то к ней привыкнуть.

Генрих осторожно, словно боясь разбить или ранить, поцеловал меня в лоб и послушно вышел. Кравен дал мне несколько пилюль и, проглотив их, я спросила:

— Что это за лекарства?

— Общеукрепляющие и обезболивающие, — со вздохом ответил Кравен. — Я, честно говоря, не знаю, что еще вам можно дать. Помните ту пилюлю, которую я вам дал, чтобы вы сбежали от Бринна? Она не сработала.

Он сделал паузу и добавил:

— Вы спите, Люда. Пойду покопаюсь в здешней библиотеке, может, что-то найдется.

Я кивнула. Усталый вид доктора не давал особенных надежд. Он вышел, закрыл дверь, и я, поудобнее устроившись на кровати, стала смотреть, как легкий ветерок играет с шелком и кружевом занавески.

Итак, я умираю. Самое время для того, чтобы заорать от ужаса и бегать кругами, но у меня не было ни сил, ни желания ни для того, ни для другого. Мы все однажды умрем — я особенно остро поняла это после выкидыша и расставания с мужем. Тогда смерть словно бы

прикоснулась пальцем к моему плечу и сказала: я здесь. Я всегда была здесь.

Таков порядок вещей. Такова история.

В конце концов, я смогла поймать одного из самых страшных преступников здешнего мира. Не так уж и плохо для психолога, которая работала ведьмой и советовала клиенткам чаще мыть голову, чтобы снимать дурной взгляд.

Что ж, это обыватели могут позволить себе роскошь жить чувствами. А короли — а Генрих обязательно будет королем — должны принимать взвешенные решения.

Машина, которую разрабатывал Ланге сотоварищи, могла вернуть меня в мой мир — это, конечно, не факт, но все же могла. Можно было попробовать. На Земле нет магии, там я могу исцелиться и жить дальше. Потом, если все пойдет так, как нужно, и я поправлюсь, Генрих просто выдернет меня обратно. Это у создателей машины уже было отработанной процедурой.

И я буду его фавориткой, допустим.

Да, я помнила о том, как Генрих говорил, что готов отказаться от трона ради народного счастья. Жители Аланберга любили нового короля, им было хорошо, и он не хотел все портить.

Но он все же разрешил союзникам официально объявить о своем спасении. И Генрих прекрасно понимал, к чему все идет — скоро он выдвинется в Аланберг вместе с драконами и флотом, пообещает народу горы золотые и потребует правосудия для убийцы своего отца и брата.

Я всегда понимала, что будет именно так. И Генрих понимал.

Едва слышно скрипнула дверь. Генрих заглянул в комнату и негромко спросил:

— Милли, ты не спишь?

— Нет, — улыбнулась я. Сейчас, когда он снова был рядом, мне сделалось легче. Не так темно было на душе, не такая вязкая слабость обнимала тело. — Как ты?

Генрих скользнул в комнату и сел на край моей кровати.

— Я хочу отправиться с тобой в твой мир, Милли, — он взял меня за руку и признался: — Ты знаешь, в какой-то момент я действительно захотел вернуться в Аланберг в чести и славе. Сесть на трон моих предков, отрубить голову доброму дядюшке Олафу и править долго и

справедливо. А сейчас я думаю, что хочу только одного — чтобы ты была жива. И чтобы я был рядом. И я готов рискнуть.

Мы оба прекрасно знали, что так не будет. Уже закрутились колеса истории — известно, что принц Генрих Аланбергский жив, его сподвижники и друзья готовят флот и драконов, а узурпатор Олаф трясется от страха и мобилизует войска, называя Генриха самозванцем и негодяем.

Все это не остановится просто так, по капризу и порыву души. И Генрих понимал это лучше меня. Просто говорил так, чтобы мне было спокойнее.

— Сделаем так, — сказала я. — Рискнем. Пусть Ланге вернет меня. Одну, без тебя. Если я выживу и вылечусь, то ты потом просто выдернешь меня обратно. Ты нужен здесь, Генрих. Ты нужен своей стране и народу. Потому что когда власть начинается с убийств и лжи, то ничем хорошим это не кончится. Одного преступника мы остановили. Давай ты теперь разберешься с убийцей своего отца.

Генрих нахмурился. Кивнул.

Да, я права. Я часто бываю права, особенно в сложных и болезненных ситуациях.

— Хорошо, — глухо откликнулся Генрих. — Милли, я... Я не хочу тебя хоронить.

Я рассмеялась.

— А я не хочу умирать. Генрих, ну что ты! Это просто еще одна часть нашего путешествия, просто мы поплывем в разные стороны.

— И потом обязательно встретимся, — Генрих снова улыбнулся, и я в очередной раз подумала о том, как ему идет улыбка. Смотрела бы и смотрела. — И дальше пойдем уже вместе. Ты обещала выйти за меня замуж, помнишь?

Я помнила. Как бы я могла об этом забыть?

Почему-то мне казалось, что сейчас мы прощаемся навсегда. Что я закрою глаза, и все кончится, и мир улетит от меня, поплывет далеко внизу...

Мне сделалось тоскливо и горько.

— Верни себе корону, — твердо сказала я и с нервной усмешкой подумала, что это похоже на мое завещание. — Ты любишь Аланберг. Ты любишь свой народ. Так сильно, что готов отказаться от власти, лишь бы им было хорошо. Вот и не отказывайся от нее.

Генрих нахмурился. Я в очередной раз заметила, насколько сильно он устал за эти дни, и как выросла его внутренняя мощь. Теперь он был владыкой, а не человеком, которого жизнь гоняет по планете в поисках негодяя. В нем была сила и власть, и я невольно этому обрадовалась.

— Им хорошо, — негромко сказал Генрих. — Народ волнуют налоги и безопасность, а не то, какая именно задница шлифует трон.

— Это задница, которая сотрудничала с Ланге. И мало ли, что пишут в газетах? Хвалят нового короля, им так по долгу службы положено, — ответила я. Генрих кивнул.

— Да, ты права. Я должен все увидеть своими глазами. Посмотреть на дядю Олафа и задать ему несколько вопросов. А он ответит охотнее и правдивее, когда за моей спиной будет армия и драконы.

Я улыбнулась, хотя мне хотелось плакать.

— И ты отвезешь меня к той установке, — сказала я так твердо, что Генрих не стал спорить. — Ланге сказал, где именно она находится?

— В Хелевинской империи. Император наложил на нее лапу несколько дней назад, — ответил Генрих. — Тебя встретят как национальную героиню.

— Когда все начнется? — спросила я.

— Все уже началось, — произнес Генрих. — Завтра сахлевинский флот и драконы выходят в сторону Аланберга. Я буду с ними.

— А я с тобой, — я ободряюще улыбнулась и добавила: — Должна же я все это увидеть.

Я очнулась от того, что меня куда-то понесли. Делали это осторожно, но я сама себе казалась лодкой, угодившей в шторм, так меня качало и бросало то вверх, то вниз. В голове дрожала боль, словно птенец, бьющий клювом скорлупу своего яйца. Что со мной будет, когда он вылупится?

— Генрих... — только и смогла позвать я, и до моей руки сразу же дотронулись. Прикосновение ободрило, помогло вздохнуть глубже, и безумная качка унялась. Я поняла, что меня несут по ярко освещенному коридору, воздух пахнет мятой, и кругом царит тот едва уловимый холод, которое бывает только там, где людям причинили много боли.

Это было то самое место, в котором работали над проникновением в другие миры. Должно быть, именно отсюда тогда ударили по щиту, закрывавшему Аланберг и королевскую семью.

Знал ли хелевинский император о том, что творилось у него под боком? Интересно, что стало с учеными, которые здесь работали? Наверняка их пригрели и сохранили марвинцы, которые всегда и во всем найдут свою выгоду и способ устроиться. И Ланге они тоже пригреют и сберегут. Возможно, даже инсценируют его смерть, чтобы император не волновался и не искал.

Мысли путались. Какое это имеет значение теперь, когда я умираю, и мы с Генрихом расстаемся. Марвинцы, хелевинский император, дядюшка Олаф, который убил племянника и брата — кто они все? Просто фигурки на шахматной доске, не больше. И скоро у меня не будет ни доски, ни фигурок.

— Милли, я здесь.

Генрих со мной. Уже хорошо. Мы пока еще вместе.

От слабости я чувствовала себя выжатой простыней, которую бросили в корзину. Холодно. Душно. Я все же сумела открыть глаза, и высоко-высоко надо мной проплыло лицо Генриха — серое, встревоженное. Лицо человека, который потерял слишком много и никак не мог смириться со своей потерей.

— Где мы? — прошептала я.

— Хелевинская империя, — откликнулся Генрих. — Хотс. Здесь работал Ланге.

Хелевинская империя? Сколько же времени прошло? Вроде бы только что я закрыла глаза в той комнате — и мы уже в империи?

Дела мои плохи. Очень плохи.

— Четыре дня, — отозвался голос доктора Кравена откуда-то издалека. — Мы не думали, что доведем вас сюда живой.

Я даже волноваться не могла — не было сил. Над головой мелькали белые круглые люстры, и где-то вдали слышались встревоженные голоса, в одном из которых я, кажется, опознала Амиля. Конечно, марвинцы всегда будут там, где проблемы. Только бы Генрих выстоял! Только бы друзья не предали его!

Ему предстоит война. Хорошо, что он будет на ней не один. Хорошо, что он все-таки заберет себе свою корону.

И жаль, что я так и не увижу этого. Жаль, что не встану с ним рядом.

— И Амиль... здесь? — выдохнула я. Каждое слово давалось с невыразимым трудом. Генрих кивнул, и я вдруг увидела, как по его щеке сбежала слеза. Он старался сдерживать свою боль, не показывать ее, но она се-таки прорывалась сквозь него.

Почему любить настолько больно? Почему наши потери так жестоки?

— Здесь. Марвинцы давно крутились возле установки... теперь император разрешил им работу. И мы с тобой были правы: Ланге вряд ли казнят, хотя император требует его голову.

Он говорил просто ради того, чтобы скрыть волнение. Чтобы не заорать во всю глотку.

— Генрих... — просипела я, уже не в силах ничего сказать. Да и что я могла бы сейчас говорить? Что люблю его? Что не хочу с ним расставаться?

Все это просто слова, которые унесет ветром. Меня тоже унесет. Магия вытекла из меня вместе с жизнью, да и жизни-то осталось на несколько минут.

Хлопнули высокие белые двери, и носилки со мной аккуратно разместили на чем-то металлическом — я услышала звон и почувствовала холод. Что-то теплое и густое прикоснулось к вискам: меня готовили к перемещению. Скоро я вернусь на родину. Скоро все исправится. Скоро все станет так, как было раньше.

Людмила Захарова будет работать волшебницей и привораживать дураков к таким же дурам. А Генрих Аланбергский победит в своей войне и станет королем.

Так и должно быть.

Не знаю, каким чудом я смогла улыбнуться. Не знаю, как я сумела скрыть, что мне страшно — невыносимо страшно, как никогда в жизни. По щеке Генриха снова пробежала слеза, и он машинально дотронулся до груди, где под одеждой был золотой образок святой Людмилы.

Мы смогли встретиться. Мы смогли найти любимых даже в разных мирах.

В жизни ведь должно быть чудо — и уже неважно, что жизнь однажды оборвется.

«Мы еще встретимся, — хотела сказать я. — Однажды мы все встретимся, и все будет хорошо».

Сверкающее жало над моей головой поплыло в сторону, уши наполнило слоем ваты, и сквозь нее я едва различила слова доктора Кравена: не успели..? Кто-то откликнулся: нет, нормально!

— Пошел переход! — проревели где-то в недостижимой вышине, за небом, за звездами.

Лицо Генриха мелькнуло надо мной и растаяло.

Кажется, потом пришла тьма. Я падала сквозь нее, видя перед собой только кончик жала. Рука чувствовала тепло от пальцев Генриха — оно таяло, и я не могла его удержать.

Потом под ладонью появилось что-то металлическое — я схватилась за него и внезапно поняла, что уже не падаю, а стою.

В коридоре торгового центра. Держась за ручку двери собственного офиса.

Я машинально нажала на нее, вошла в кабинет, закрыла дверь — и только потом поняла, что чувствую себя намного лучше. Меня еще тошнило, но я стояла на ногах и не падала. Мир не плыл передо мной. Вот мой рабочий стол с разложенными картами Таро, вот метелочки трав, вот знакомый череп из эпоксидной смолы улыбается во все зубы. Вот моя сумка на спинке стула — собираясь перекусить, я вынула из нее несколько купюр и даже не застегнула. Вот моя ветровка на вешалке...

Ничего не изменилось. Все было, как всегда.

Я прошла к столу, уже не чувствуя ни слабости, ни головной боли, сунула руку в сумку и вынула смартфон. Двенадцатое сентября.

Тот же день, в который я попала в Аланберг.

Я рухнула на стул, уткнулась лицом в ладони и заплакала.

Глава 10

— А что ж мне делать-то теперь?

Именно этот вопрос я задавала себе после возвращения, а потом дала профессиональный ответ. Работать. Жить. Надеяться, что у Генриха все хорошо, раз уж я не могу к нему вернуться.

Как он там сейчас? Вернулся на родину и забрал свою корону — или...

Про это «или» я решила не думать. Генрих победил. Он стал королем, и у него все будет так, как надо.

— Вам — ждать, — сурово сказала я, и клиентка принялась нервно тереть ручку сумочки. — Вы сами разрушили приворотные чары. Вот зачем вам надо было лезть в бутылку? Я ее изготовила по всем принципам магического искусства, а вы?

Клиентка побагровела от стыда.

— Я думала, там пиво...

— Конечно, там пиво! — воскликнула я. — Хмель и солод, главные земные элементы, для благосостояния и процветания! Теперь ждите. Все начинаем заново.

Клиентка всхлипнула и с надеждой спросила:

— А он точно придет?

— Придет, — припечатала я. — Если не будете портить то, что вам дают.

Клиентка кивнула, отсчитала на стол купюры и направилась к дверям.

Я убрала деньги и посмотрела на часы. Сегодня с клиентами закончено. Торговый центр закрывается через полчаса. На улице шел дождь, а я забыла зонт.

В первый вечер после возвращения я приехала домой, легла на диван и проплакала весь вечер. Самым страшным было то, что я не могла сказать точно: да, я была в другом мире. Платье, в котором я вернулась, было старомодным, но к образу волшебницы подходило лучше некуда. Может, я его сшила на заказ и забыла об этом. Может, все мои приключения мне привиделись.

Мозг ведь так и не изучен до конца. Кто знает, какие у него есть секреты?

Возможно, я просто придумала себе идеального мужчину в мире, в котором существуют только Игори. Придумала и надела себе на шею кусочек хрусталя, маленькую надежду.

В конце концов, все психологи немного не от мира сего. Вот и у меня появилась своя сказка.

Думать об этом было больно, но такие мысли, как ни странно, давали мне успокоение. Они были горьким лекарством, которое помогло мне опомниться. Раз Генрих был просто плодом моего воображения, то незачем ждать и надеяться, что он заберет меня.

Так намного легче жить.

Так почти не больно.

И все-таки я думала о нем. Думала и верила, что он победит. Что драконы и флот сахлевинцев и хелевинский император ему помогут.

Генрих будет самым лучшим королем для Аланберга. Возможно, когда-нибудь, когда я смогу вспоминать о нем без тоски, я напишу про него книгу.

Нет, кажется, зонт у меня все-таки был. Я выключила компьютер, поднялась из-за стола и стала собираться домой. У двери был аккуратный комодик с зеркалом — там я хранила всякие нужные мелочи вроде запасных колготок, и вроде бы однажды я положила туда забытый клиенткой зонт. В октябре без зонта никак.

А вот и он.

Послышался стук.

Я нахмурилась и удивленно уставилась на свое отражение. Стучали из зеркала.

В животе разлился холод. Я оперлась о комодик и увидела, как мое отражение поплыло мягкими волнами, дробясь, искажаясь и выпуская совсем другое лицо.

Кажется, я перестала дышать от страха.

— Милена? — окликнул Амиль. — Милена, вы меня слышите?

Он говорил по-аланбергски, и я прекрасно понимала его. Мне вдруг подумалось, что мое приключение было настоящим. Какие загадки ни загадывал бы мозг, я никогда бы не смогла придумать несколько разных языков.

— Слышу, — ответила я. — Да, Амиль, я вас слышу.

Он стоял в огромном дворцовом зале, и от сверкания хрусталя и золота рябило в глазах. Амиль держался с невероятным достоинством и гордостью, так, словно все за его спиной принадлежало ему.

— Как вы? — поинтересовался он с той душевностью, которой я от него не ожидала.

— Лучше всех, — сказала я. Когда-то бабушка научила отвечать меня именно так: пусть врагам будет тошно. — Как Генрих?

— Я и хотел поговорить о нем, — улыбнулся Амиль. — У Аланберга новый король. Вчера состоялась коронация, Олаф сейчас в тюрьме.

Я понимающе кивнула. Долго он там не просидит. Смерть от апоплексического удара табакеркой в висок, вот что его ждет, если рядом крутятся такие, как Амиль.

— А народ? — спросила я. — Генриха приняли?

Амиль рассмеялся. Махнул рукой.

— Да что там тот народ? Мы подсказали Генриху, на каких противоречиях можно сыграть, и он сыграл. Народ счастлив и радостно приветствует нового государя.

— Особенно если его поддерживают друзья с драконами, — проговорила я. Амиль кивнул.

— Разумеется. Великое это дело, хорошие друзья.

— Что вам все-таки было нужно, Амиль? — спросила я. — Чего вы добивались на самом деле?

Амиль улыбнулся. Его спокойное бледное лицо на мгновение стало очень живым и заинтересованным.

— Моя служба, дорогая Милена, действует в общих интересах нашего мира, как бы странно для вас это ни звучало, — ответил он. — Короли меняются. Короли это просто фигурки на троне. А мы уже много веков работаем над тем, чтобы все это не рухнуло. Чтобы у каждого человека в каждом уголке мира была нормальная жизнь.

Мне захотелось расхохотаться в голос. И ведь Амиль не врал! Он действительно верил в то, о чем говорил, я видела это по его лицу.

— Эдакие контролеры ради всеобщего блага, — сказала я, надеясь, что мой голос звучит равнодушно, а не скептически.

— Смейтесь, сколько вам угодно, но это действительно так, — произнес Амиль. — И если всеобщее благо требовало найти доктора

Ланге, то мы искали его. И если оно потребовало посадить на трон Генриха, то мы его посадили.

— Врете, — бросила я. — Какое всеобщее благо требует запустить ту машину?

Амиль развел руками.

— Наука, дорогая Милена, это очень опасная вещь. И она должна быть под контролем. Да, мы искали Ланге, чтобы разобраться до конца в принципах работы машины и том, как она действует на людей. Олаф изначально спонсировал разработки машины и перевел на наши счета серьезную сумму за поиск племянника... мы его не искали, сами понимаете. Нам надо было, чтобы Генрих достал Ланге, вот и все. Мы не сомневались, что он сможет. Хорошая мотивация делает великие дела.

Все-таки хорошо, что Амиль сейчас был в своем мире, а я в своем. Я задушила бы его голыми руками за этот мерзкий цинизм.

Общее благо, да-да, конечно. Ради него Ланге замораживал раненых и больных и пытал детей. Ради него похищали людей из моего мира.

И самым страшным было то, что марвинцев не остановить. Можно разрушить эту машину, можно убрать тех, кто ее создавал, но они придумают что-то еще, не менее мерзкое.

Зло никогда не выкорчевать до конца.

— А в чем благо этой машины? — спросила я. — Что в ней хорошего?

Улыбка Амиля стала ослепительной.

— У нас, допустим, нет лекарства от желтой лихорадки. А у вас есть.

Да, несомненно, оно того стоило. Мне захотелось плюнуть ему в лицо — останавливало то, что это ничего не изменит, а оттирать зеркало придется как раз мне.

— Может, лучше потратить время на создание лекарства, а не красть его? — спросила я. — Кстати, за что все-таки убрали Андерса и короля?

— Олаф хотел власти, — просто ответил Амиль. — И к тому же, узнал, что драгоценный племянник нашел выход на машину и подход к ее создателям. Ему это не понравилось. Когда тратишь деньги, то все-таки хочешь контролировать процесс, правда?

Я не могла с этим не согласиться.

— Так чего вы все-таки хотите от меня? — спросила я. Улыбка Амиля стала печальной.

— Я понимаю ваши чувства, Милена, — произнес он и вдруг добавил уже жестче: — Не думайте о возвращении. Не пробуйте вернуться. Нам здесь не нужны маги с вашей силой.

Отражение Амиля дрогнуло и поплыло. Я снова видела свой кабинет, дождь за окном и свое лицо — какое-то смятое, неживое.

«Не пробуйте вернуться».

Получается, я могу это сделать?

Я вернулась домой, села на крошечный диванчик в прихожей и просидела так, пока окончательно не стемнело.

В голове царил звонкая пустота.

«Не пробуйте вернуться».

Что я делала для того, чтобы перемещаться через зеркала? Просто представляла, куда должна попасть. Когда крошечное зеркальце в руке Ланге освободило нас из подвала Мориса, я представила себе лицо Рено.

Как-то он там? Должно быть, семья наконец-то приняла его, после того, как Рено подтвердил права Генриха и принес своей стране выгодного партнера. Вот и хорошо. Рено всегда казался мне достойным человеком.

Я поднялась и подошла к зеркалу, висевшему в прихожей. Обычное, узкое зеркало, даже без оправы. Ничего особенного, как и во всей моей жизни.

Я ведь ненастоящая волшебница. Я просто психолог, который нашел способ заработка в провинциальном городе. Возможно, все мои приключения были сном или галлюцинацией.

Будь иначе, Генрих бы уже пробовал меня вернуть.

Я провела ладонями по щекам. Да уж, вид у меня усталый, с таким лицом только в королевы, не меньше... Возможно, Генриху сказали, что я умерла. Возможно, Амиль уже придумал, кого подсунуть новому королю для утешения — недаром же предупредил, чтобы я не пробовала вернуться. Я не вписывалась в его планы.

Да и что мне делать рядом с владыкой Аланберга? Быть фавориткой? Тайной любовницей? Короли женятся не по любви, а по долгу. Ради всеобщего блага, как сказал Амиль. И у Генриха будет

жена из владыческого семейства. Это только у нас брали проституток из-под солдатских телег и делали императрицами.

Господи, о чем я только думаю. С чего я решила, что это реальность, а не галлюцинация? С чего я взяла, что Генрих не моя выдумка?

Я вдруг подумала, что готова быть кем угодно, лишь бы с ним рядом. Даже если я его придумала. Даже если все это просто сон.

Я дотронулась до зеркала. Прохладное, не слишком-то чистое — давненько я его не протирала. Может, лучше навести порядок в доме, устроить генеральную уборку, а не пытаться схватить то, чего не существует? Может, лучше сходить к психиатру и сказать: «Доктор, у меня галлюцинации и видения»? Скорее всего, я просто ударилась где-то головой — вон сколько раз теряла сознание во время своих приключений.

— Генрих, — прошептала я, пытаюсь представить его лицо. Вот он оборачивается, не понимая, откуда его окликнули, вот он смотрит по сторонам, пытаюсь увидеть того, кто зовет. — Генрих!

У меня ведь не было машины, за которую так схватились марвинцы. У меня не было ничего, кроме желания еще раз увидеть мужчину, которого я придумала и полюбила.

Звезда Магриба вдруг налилась нежно-голубым светом. Я схватила ее, сжала в кулаке. Не захлебнуться бы в тех чувствах, которые сейчас накрыли меня с головой! Выдержать бы ту надежду, которая соленой морской волной прокатилась по мне!

— Генрих! — крикнула я во весь голос и с ужасом и торжеством увидела, как мое отражение потекло цветными пятнами. Кажется, у меня зашевелились волосы на голове. В квартире стало холодно, изо рта вырывался пар.

— Генрих... — прошептала я и увидела его в отражении. Генрих с надеждой всматривался в зеркало, и я едва не расплакалась от облегчения и счастья. Он был жив, обстановка вокруг него была поистине королевской, и выражение лица Генриха прямо говорило о том, что он достойно завершил одно из самых важных дел в своей жизни.

На меня смотрел король.

— Милли? — растерянно выдохнул Генрих. — Милли! Ты меня слышишь? Ты жива?

— Жива, — ответила я, чувствуя, как лицо расплывается в глупой улыбке до ушей. Вот мы и увиделись. Вот и подошло к концу наше путешествие. — Генрих, как ты?

Генрих рассмеялся и показал мне подвеску на золотой цепочке — солнце с витыми лучами и рубиновыми глазами. Должно быть, знак верховной власти.

— Я вернул Аланберг, — ответил он. — Дядя Олаф сознался в убийстве брата, ну а я чудесно спасся... с помощью одной удивительной волшебницы.

— Ох, Генрих... — я никогда бы не подумала, что можно одновременно улыбаться и захлебываться слезами. Что можно быть настолько счастливой.

Зато Генрих моментально сориентировался и твердо приказал:

— Дай мне руку! Помнишь, как я вытащил тебя в свою камеру?

Дать ему руку? Но мое-то зеркало, в отличие от тех, что были в его мире, не волшебное! Я купила его в крошечном хозяйственном магазинчике, одинаково далеком и от магии, и от качества. Оно не могло бы...

— Думаешь, получится? — спросила я, озираясь по сторонам. Что можно взять с собой, навсегда отправляясь в другой мир? Пожалуй, только саму себя, свои надежды и свою любовь.

Это ведь так много, если вдуматься.

Я послушно дотронулась до зеркала, мельком подумав, что создаю Людмиле Захаровой по-настоящему мистическую историю. Волшебница исчезла из квартиры, запертой изнутри... мои пальцы погрузились в ледяную зеркальную гладь, и я вскрикнула от страха.

Получается! Неужели у меня и правда получается?

Генрих схватил меня за руку, потянул на себя, и я рухнула в зеркало, задохнувшись от холода.

Кажется, мои легкие заполнило льдом. Все кругом сделалось хрупким, черно-синим, острым — я летела сквозь вымороженную тьму, задыхаясь от боли и захлебываясь собственным воплем.

Наверно, это и была смерть. Наверно, на самом деле я сейчас упала перед зеркалом, умирая от сердечного приступа или кровоизлияния в мозг.

Неважно. Пусть. Если мы в итоге снова встретимся с Генрихом, то это того стоило.

В мире должны быть не только Игори.

Я не сразу поняла, что уже не лечу. Ледяной хруст затих где-то за плечами, холод отступил. Воздух пах цветочной свежестью. Генрих обнимал меня так крепко, что мне было трудно дышать.

— Милли... — услышала я его шепот и уловила гулкое биение сердца. — Милли, неужели это ты...

— Да, — откликнулась я. — Генрих, я вернулась!

— А ведь Амиль сказал мне, что с тобой не смогли связаться. Что машину запускали, но тебя так и не нашли. Ты не представляешь, как я рад, что он соврал.

Генрих задумчиво гладил меня по плечу. Мы лежали на кровати под легким шелковым покрывалом, в приоткрытое окно смущенно заглядывала луна, и я слышала, как среди листвы негромко перекликаются птицы. Возможно, те самые неразлучники, которых мы видели в саду доктора Кравена, прилетели в Аланберг.

Это было, конечно, смешно. Птицы не могут перелететь через половину планеты. Но мне хотелось верить, что это именно они. Я ведь смогла перебраться сюда из другого мира.

— Я думал, что ты умерла. Не выдержала перехода.

— Я жива, — улыбнулась я. — Знаешь, я думала, что мне все приснилось. Что это галлюцинация, и мне надо к врачу.

Генрих улыбнулся. Осторожно поцеловал меня, словно тоже боялся, что я ему снюсь, и не хотел просыпаться.

— Кстати, о врачах, — спросила я через несколько минут. — Что все-таки будет с Ланге?

Лицо Генриха утратило расслабленную мягкость, закаменело. Улыбка, скривившая его рот, была презрительной и горькой.

— Его убили, — ответил он. — Амиль рвал и метал, у марвинцев были свои планы на доктора. Он бы жил долго и счастливо под их крылышком, проводил бы новые опыты. Не на местных, разумеется, на таких, как ты. Людях из других миров.

Мне снова стало холодно. Генрих усмехнулся.

— Знаешь, сколько таких миров? Тысячи! У Ланге было бы много материала... — его взгляд смягчился: Генрих был очень доволен собой. — У марвинцев, конечно, много людей и возможностей, но и у меня тоже остались друзья. Ланге застрелили прямо на встрече с Амилем. Марвинцы роют носом землю, но убийцу не найдут.

Я едва не рассмеялась. Вот дела! Генрих уничтожил чудовище и дал Амиллю понять, что у него достаточно сил, чтобы не плясать под чужую дудку.

— Это было до свержения твоего дяди, — уточнила я, — или после?

— После, разумеется, — ответил Генрих. — Официально я готовился к коронации, и мне шили парадный мундир.

Что ж, вот и еще одна хорошая новость. Чудовища не должны жить.

— Жаль, что я этого не видела. Думаю, хелевинский император обрадовался, — заметила я. Генрих кивнул.

— Конечно. Он хотел забрать себе череп Ланге на память, но я его отговорил. Незачем становиться на одну ступень со своим врагом. Надо быть выше.

Разумно. Я не могла этого не признать.

— А доктор Кравен? Как его дела?

Генрих рассмеялся.

— Он здесь, в Аланберге, вместе со своим големом и архивом. Там такой богатый материал для полиции и спецслужб. В общем, твой соотечественник доволен новой работой. А я рад, что со мной есть еще один надежный человек.

Да, доктору Кравену можно было доверять. Мы уже успели в этом убедиться.

Птичьи голоса стали ближе и звонче. Я не сдержала улыбку. Сейчас мне казалось, что вся моя прошлая жизнь, с работой, ипотекой и городским транспортом, была просто сном. И как же хорошо, что этот сон наконец-то закончился.

Я вернулась домой. Мой настоящий дом был рядом с человеком, которого я любила — а он любил меня.

— Почему Амилль не хотел, чтобы я вернулась? — поинтересовалась я, приподнявшись на локте и глядя на Генриха. Он осторожно дотронулся до звезды Магриба на моей груди и ответил:

— Ты волшебница, Милли. Одна из самых сильных в нашем мире. А волшебница твоего уровня — это всегда та сила, которая нарушает баланс. Та сила, которая может быть опасна. Не для хороших людей — для мерзавцев, вроде Ланге и Мориса. А мы с тобой уже убедились, как плотно они работают с такими, как Амилль.

Я кивнула. В груди заворочалось неприятное предчувствие. Когда Амиль узнает, что я вернулась, то не станет просто стоять и смотреть, как я живу на свете. Он и его коллеги постараются либо использовать меня в своих целях, либо устранить.

Ни то, ни другое мне не нравилось.

— Амиль не будет сидеть, сложа руки, — сказала я. — Если я ему мешаю, то он меня уберет. Потому что я не стану на него работать. И не стану смотреть, как такие, как Ланге...

Я не договорила. Генрих сел на кровати и ответил:

— Если бы ты была просто девушкой из другого мира, то он бы не церемонился, верно. Но ты не просто волшебница на грани, Милли, ты моя жена и королева Аланберга. Как бы ни были сильны марвинцы, они вынуждены будут замолчать и сделать вид, что ничего не происходит.

Я тоже села, не веря до конца в то, что услышала.

Жена? Королева Аланберга? Неужели он по-прежнему говорит об этом серьезно?

— Ты уверен? — спросила я. — Ты и правда этого хочешь?

Генрих нахмурился.

— Милли, я не из тех, кто сегодня говорит одно, а завтра другое. Я хотел видеть тебя своей женой, когда был изгнанником. И хочу сейчас, когда я король. Потому что мы не изменились, потому что я тебя люблю.

Кажется, я никогда не чувствовала себя настолько растерянной. Как Генрих может на мне жениться? Этого не поймут и не примут.

— А твоя страна? — спросила я. — Ты так уверен, что меня примут? Меня, не местную принцессу, а попаданку из другого мира? Что скажут люди?

Генрих рассмеялся. Кажется, мое взволнованное лицо невероятно его забавляло.

— Ты героиня, Милли, — ответил он. — Ты спасла меня от Олафа, и все об этом знают. И потом, — лицо Генриха снова сделалось спокойным и строгим. — Я государь. И моя воля и есть закон. Так что завтра тебе начнут шить свадебное платье. И отказа я не приму.

— А я и не собираюсь отказываться, — сказала я. — Я тоже не из тех, кто сначала говорит одно, а потом другое.

Разводясь с Игорем, я была твердо уверена в том, что больше никогда не надену свадебное платье. Но жизнь показала мне, что не все люди набиты одинаковой ветошью.

— Я рада быть твоей женой, — негромко сказала я, глядя в зеркало. Девушка в отражении ничем не напоминала ту Людмилу Захарову с привычно усталым взглядом, которая работала волшебницей и ни на что, в общем-то, не надеялась и ни о чем не мечтала. Девушки, которые суетились вокруг меня с лентами и жемчугом, улыбнулись, и одна спросила:

— Что-то не так, ваше величество?

Только тогда я поняла, что говорила по-русски.

— Нет-нет, все в порядке, — ответила я. Девушка в отражении выглядела по-настоящему счастливой. Наконец-то у нее все было хорошо, все было так, как и должно быть.

Сказкам ведь нужен хороший конец. Даже если это сказки о том, как попаданка и принц-изгнанник охотились на чудовище.

Платье было нарочито простым: маленькие рукава, прямой силуэт, пояс под грудью, украшенный жемчугом — но в этой простоте и была настоящая красота, торжественная и строгая. Я дотронулась до звезды Магриба на тонкой цепочке, моего главного украшения, и подумала: сегодня и правда самый лучший день.

И я заслужила его.

После швей пришел парикмахер, маленький и огненно-рыжий, похожий на лепрекона. Чтобы добраться до моих волос, ему понадобилась лесенка. Взобравшись на нее, парикмахер вооружился доброй дюжиной расчесок и ножниц и принялся колдовать, покрикивая:

— Мазь! Пудру! Ванвенский лак, быстр-р-ро!

Его помощниками были темно-зеленые жуки — они сновали между огромным раскрытым саквояжем, несли хозяину все, что требовалось, и зал наполнился веселым жужжанием. Через час парикмахер закончил работу, и я невольно заметила, что прическа выглядит довольно вычурно.

— Можно танцевать, можно спокойно ходить, ничего не выпадет и не рассыплется, — важно заметил парикмахер, спускаясь с лесенки. — Голова и шея не устанут.

Вот и замечательно.

Через четверть часа пришел Рено, который должен был сопровождать меня в церковь. Увидев его, я вдруг обнаружила, что страшно взволнована, и у меня дрожат руки. Рено ободряюще улыбнулся и сказал:

— Вы удивительно красивы, Милли. Невозможно увидеть вас и не полюбить.

Я улыбнулась в ответ.

— Надеюсь!

— Все уже приняли вас, — Рено дотронулся до моей руки, стараясь подбодрить. — Вы молоды, очаровательны, и вы волшебница. И у вас с Генрихом удивительная история любви.

— Этого мало, на самом деле, — сказала я. Рено понимающе кивнул.

— Вы будете хорошей королевой, Милли. У вас впереди много времени для добрых дел.

Я кивнула. Люди всегда приходили ко мне за надеждой и чудом, и я не собиралась от этого отказываться. В конце концов, мне нравилась моя работа. Ведь королева это не та, которая сидит на троне и полирует ногти. Королева заботится о своем народе, и я была рада, что смогу это делать.

— Знаете, Эжен, а я по-настоящему рада, что вернулась, — призналась я. — Мне надо было снова побывать в моем мире, чтобы понять, насколько я ценю этот.

Рено улыбнулся.

— Не только поэтому. Вас выхватили сюда против вашей воли. Вам надо было убедиться, что вы готовы здесь жить потому, что сами этого хотите, — он помолчал и добавил: — С моей семьей все в точности так же. Им надо было побыть без меня, чтобы понять некоторые вещи.

Когда мы вышли из зала, я вдруг поняла, что тороплю время: быстрее, быстрее! Мне не терпелось увидеть Генриха, мне хотелось, чтобы с нами наконец-то случилось главное.

Дальше мы пойдем вместе. До самого конца.

Столица, через которую ехал мой открытый экипаж, осталась в моей памяти кипящим морем цветов, голосов, лиц и машущих рук. Я опомнилась только тогда, когда поняла, что иду по проходу в церкви, и

Генрих, стоящий рядом со священником, смотрит на меня так, словно увидел в первый раз.

Сердце пропустило удар — и застучало так, словно хотело убежать. Я так не волновалась даже тогда, когда возвращалась в Аланберг через зеркало в своем коридоре. Какое-то время я не видела ничего и никого, кроме Генриха, и в очередной раз подумала, что могла бы смотреть на него неотрывно.

И я видела, что он думает так же.

Мы взялись за руки, и помощники священника переплели наши запястья алой лентой. В огромном храме воцарилась тишина, и я услышала, как снаружи волнуется огромное море — люди ждали, когда король и королева выйдут из храма и поприветствуют своих подданных.

— Волнуешься? — негромко спросил Генрих.

— Не так, как в Фаринте, — улыбнулась я. — Но волнуюсь.

— Возлюбленные дети мои! — услышала я голос священника и сжала руку Генриха так крепко, словно боялась, что он может исчезнуть в любую минуту.

Я не обольщалась. Наша жизнь будет не только интересной, но и опасной. Амиль никогда не простит того, что я вернулась. Он не станет действовать в открытую против короля и королевы Аланберга, но он обязательно придумает что-нибудь, чтобы отомстить. И машина, которая теперь под контролем марвинцев и хелевинского императора, продолжит свою работу — и кто знает, чем это обернется в один далеко не самый прекрасный день.

Но я знала, что мы сможем справиться. Если будем вот так держаться за руки и идти одной дорогой — мы обязательно справимся.

— ...мужем и женой! — голос священника долетел до меня из невообразимого далека. — Любите друг друга и будьте счастливы!

Алая лента соскользнула с наших запястий, но я до сих пор чувствовала ее прохладное прикосновение. Генрих поцеловал меня, а потом вдруг улыбнулся и сказал:

— Слышишь? Птицы поют!

И я услышала легкую трель — ту самую, которая когда-то летела к нам из сада доктора Кравена. Птицы пели, и в моей душе натянулись струны, которые откликнулись на эту песню.

Наши неразлучники и в самом деле прилетели к нам с Генрихом, чтобы мы не расставались.

Конец